

ПУШКИН
в
Москве

МОСКОВСКИЙ
БЛАСТНОЙ ОТДЕЛ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Музейно-Краеведческий П/отдел

ОГЛАВЛЕНИЕ

сборника „А. С. Пушкин в Москве“:

	Стр.
1. <i>М. А. Цявловский</i> — Предисловие	5
2. <i>Л. А. Виноградов</i> — „Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в огородниках“	8
3. <i>Н. П. Чулков</i> — „Пушкин — москвич“	49
4. <i>Н. П. Розанов</i> — „Пушкинские дома, сохранившиеся в Москве до нашего времени“	92

СПИСОК РИСУНКОВ:

1. Портрет Пушкина с гравюры Гейтмана.
  2. План двора Скворцова.
  3. Портрет Пушкина (акварель) работы неизвестного.
  4. Дом № 4 быв. Веневитиновых в Кривоколенном пер.
  5. Дом № 12 быв. Ренкевича на Собачьей площадке.
  6. Дом № 50 быв. Гончаровых на ул. Герцена.
  7. Дом № 53 быв. Хитрово на Арбате.
-

ТРУДЫ ОБ-СТВА ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В Ы П У С К 7

А. С. ПУШКИН В МОСКВЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Л. А. ВИНОГРАДОВА, Н. П. ЧУЛКОВА и Н. П. РОЗАНОВА.

с предисловием

М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

Печатается по постановлению Прав-
ления Общества Изучения Московской
Области.

Ученый секретарь Ник. Дорогутин.
1929 год.

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед.

(„Воспоминания в Царском селе“ 1815 г.)

ПУШКИН.

Основание Пушкинской комиссии при секции «Старая Москва» Общества изучения Московской области было положено докладом Л. А. Виноградова «Семья А. С. Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках в 1799—1806 годов по новым разысканиям», заслушанным 10 февраля 1927 г. на 310-м заседании секции.

Последствием этого доклада была организация Особого совещания по увековечению места рождения Пушкина из представителей научных и административных учреждений, ученых обществ и пушкиноведов, первое заседание которого состоялось 21 февраля 1927 г. На этом и следующих заседаниях было постановлено:

- 1) признать доказанным, что А. С. Пушкин родился на нынешней Баумановской улице во владении под № 10;
- 2) днем рождения его следует считать, согласно с показанием его отца и лицейской метрической выписи, не 27, а 26 мая или по новому стилю 6 июня 1799 г.;
- 3) на владении № 10 по Баумановской улице надлежит укрепить памятную доску и удалить ошибочно помещенную на владении № 27 по той же улице;
- 4) двор владения № 10, а также прилегающие к нему смежные владения целесообразно по местным бытовым и санитарным соображениям и по историческому воспоминанию обратить в сад общественного пользования имени А. С. Пушкина с постановкой в саду обелиска или памятника;
- 5) организовать в праздничный день 5 июня 1927 г. торжественное открытие памятной доски во владении № 10 по Баумановской улице.

Последнее постановление было выполнено: 5 июня 1927 г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски.

На заседании Особого совещания 8 июня 1927 г. выяснилось, что деятельность последнего далеко вышла за рамки первоначально начертанной задачи и что как для осуществления его постановлений, так и для дальнейших разысканий по вопросам, связанным с пребыванием Пушкина в Москве, необходимо создание специальной, постоянной комиссии.

В заседании вновь созданной Пушкинской комиссии 16 июня был избран президиум последней в составе председателя П. Н. Миллера, зам. председателя Л. А. Виноградова и секретаря И. Г. Филагова, произведена запись в члены комиссии и принят план работ, заключающихся в проведении в жизнь постановлений Особого совещания по увековечению памяти Пушкина на месте рождения поэта, в обнаружении и обследовании домов и т. п., где жил или бывал Пушкин, и в увековечении и популяризации мест пребывания поэта прикреплением мемориальных досок, устройством комнат Пушкина и т. п.

Составление списка домов или владений так или иначе связанных с именем поэта, было поручено Л. А. Виноградову (дома, в которых жил Пушкин в детстве) Н. П. Розанову (дома, в которых жил поэт в 1826—1836 гг.) и Н. П. Чулкову (дома, в которых бывал Пушкин).

Представляющая собою в несколько переработанном виде доклад, прочитанный 10 февраля 1927 г., статья Л. А. Виноградова: «Александр Сергеевич Пушкин в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках в 1799—1806 гг.» обогащает нас новыми сведениями о детстве поэта, одном из самых темных периодов его жизни.

Сведения эти добыты путем кропотливейшего обследования большого числа метрических книг и «исповедных ведомостей», архивных документов, насколько мне известно, в таком количестве и в таком широком плане еще никогда не привлекавшихся в работах биографического характера.

Прежде всего хочется выразить большое удовлетворение, что документы эти сохранены и доступны изучению. Статья Л. А. Виноградова показывает, какие ценные сведения можно извлечь из этих материалов.

В первой части своей работы Л. А. Виноградов новыми данными подтверждает вывод, к которому пришел в свое время Н. П. Бочаров, что Пушкин родился в доме, находившемся в нынешнем владении № 10 на теперешней Баумановской улице. Мне кажется, теперь не может быть сомнений, что заключение это окончательно и бесповоротно решает вопрос.

Отсутствие записей о Пушкиных в церковных книгах за 1800 и 1801 гг. подтверждает показание двоюродного дяди поэта А. Ю. Пушкина, что в конце 1799 г. он уже не застал в Москве Пушкиных, уехавших к О. А. Ганнибалу в Михайловское. Предположение Л. А. Виноградова, что из Михайловского Пушкины проехали в Петербург, разъясняет один эпизод из детства поэта, остававшийся загадочным

Конечно, в Петербурге произошла встреча гулявшей с маленьким Пушкиным няньки с Павлом I, когда последний, по словам поэта (в письме к жене от 20—22 апреля 1834 г.),

велел снять с одного картуз и пожурил за нерасторопность няньку. П. А. Ефремов в свое время, казалось, убедительно опровергал эту «легенду», приведенную П. В. Анненковым в его книге «Пушкин в Александровскую эпоху». «Опровержение» Ефремова основывалось исключительно на произвольном утверждении, что «Пушкина до 1811 г. возили из Москвы только в подмосковное Захарово». Ошибка же П. В. Анненкова заключается, во-первых, в том, что он слова «Юсупов сад» набросанной Пушкиным программы автобиографии, кажется, понимал, как указание на петербургский Юсупов сад, а, во-вторых, связал эти слова с рассказом о встрече с Павлом I. Случай с Павлом I никакого отношения не имеет к этому «Юсупову саду».

Возможно, что воспоминаниями о московском Юсуповском саду являются терцины «В начале жизни шведу помню я», — говорящие, во всяком случае, — что для меня несомненно — о долицейских впечатлениях.

Записи в церковных книгах 1801—1805 гг. о Пушкиных и их дворовых при всей своей лаконичности дают ряд новых сведений, тем более ценных, что они, в сущности, являются единственными; так скудны наши знания о жизни поэта в эти годы.

Статья Н. П. Чулкова «Пушкин москвич» дает не только исчерпывающую сводку всех имеющихся в обширной пушкиниане материалов на тему: где жил и бывал Пушкин в Москве, но и много новых сведений, добытых в старых указателях и газетах. Только такой исключительный знаток старой Москвы, к сожалению, весьма скупо делящийся в печати своими знаниями, как Н. П. Чулков, мог составить столь полную и обстоятельную «биографическую географию», какой является его статья.

Статья Н. П. Розанова «Пушкинские дома, сохранившиеся в Москве до нашего времени», основанная на специальных обследованиях домов, являясь естественным дополнением к работе Н. П. Чулкова, говорит о том, что осталось от Москвы Пушкина в наши дни.

М. Цявловский.

27 мая 1929 г.

Лев Виноградов

Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Хари- тония в огородниках

Весной 1817 г. в прощальных стихах по поводу окончания Царскосельского лицея, обращенных к выпускному студенту А. А. Дельвигу, один из его товарищей со скромной сдержанностью писал:

. . . . Ни счастьем, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных
. . . . .

Что нужды? Проживу в безвестной тишине.
Потомство грозное не вспомнит обо мне—
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой,
Забытый порастет ползучей повиликой¹).

Темные предчувствия 18-летнего автора сбылись в самой малой мере. И хотя через 20 лет автор этих стихов сошел в могилу на одном из самых заброшенных монастырских

---

¹) Полное собрание сочинений А. С. Пушкина под редакцией В. Брюсова, 1920 г., т. I ст. 71. По верному замечанию Брюсова, стихотворение любопытно в биографическом отношении.

погостов, но не оправдались слова юноши о безвестности его в потустороннем, о скором забвении его у всех, как забывается к вечеру цветок, утром поджопленный на поляне.

Где родился Пушкин и какие гении, места, родные и друзья семьи лепляли природную талантливость нашего национального героя? Какие впечатления дала ему Москва как город и как социальная среда в детские годы его?

Предки поэта — старожилы Москвы

Кропотливые разыскания наших предшественников позволяют назвать род Пушкиных «старыми москвичами» и даже проследить московские дворовые владения, где жили предки Александра Сергеевича, по крайней мере, за шесть поколений.

Стольник Петр Петрович Пушкин, прапращур Александра Сергеевича, значится в Росписном списке Москвы 1638 г. владельцем дома в нынешнем Армянском переулке у Николы чудотворца у столпа на церковной земле в соседстве с Василием Никоновичем Бутурлиным и несколькими иноземцами¹⁾.

По словам П. И. Бартенева («Отечественные записки», 1853 г., ноябрь, отд. 2, стр. 11), в его руках были выписи и купчая на большой двор на Рождественке в приходе церкви Николая чудотворца, что на Божедомке (теперь «Никола, что в звонарях», на Рождественке под № 15), принадлежавший тому же Петру Петровичу Пушкину. Двор этот достался в 1660 г. вдове и детям его, из коих сын его, также Петр Петрович, повидимому, продолжал жить там же до смерти в 1692 г. В 1667 г. за этим Пушкиным значится двор «прошед Горшечный ряд, не доходя Посольского двора» (см. статью И. С. Беляева, сборник «Старая Москва», выпуск 1, стр. 9).

¹⁾ Здесь необходимо привести мнение В. И. Ленина о Пушкине, передаваемое в воспоминаниях Н. К. Крупской: «Что нравилось Ильичу из художественной литературы?» (Сборник: «Удар» и «Вечерняя Москва» 1927 г. 24 января № 18). — «Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гоголем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. . . Приехав в 1921 г. к молодым художникам, жившим коммуной при Высших Художественных Мастерских, задал вопрос: — Что вы читаете? Пушкина читаете?»

— О, нет? — выпалил кто-то, — он был, ведь, буржуй! Мы — Маяковского. Ильич улыбнулся: По-моему Пушкин лучше. После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому.

²⁾ См. в Росписн. списке изд. Воен. истор. общества, стр. 117.

Прадед поэта Александр и дед Лев Пушкины владели обширным участком, что по нынешнему Божедомскому переулку под №№ 11, 13 и 15 и под №№ 1/15, 2/16 по первому Самотечному переулку; участок в 1798 г. был продан Нелидову, затем был куплен генерал-губернатором Тормасовым, а в 1824 г. куплен Иваном Николаевичем Римским-Корсаковым, с семейством которого дружил Пушкин¹⁾.

В 1798 г., по продаже владения на Божедомке, вдова полковника Льва Александровича Пушкина Ольга Васильевна Пушкина покупает владение в приходе Харитония, что в Огородной слободе, теперь дом № 7 по Малому Харитоньевскому пер. (окладн. № 50/43), рядом с церковным двором, и в течение 10 лет дом этот остается в семье Пушкиных, сперва как собственность бабушки поэта, а затем дяди Василия Львовича, теток и отца поэта. Этот обширный двор, в котором жило до 70 человек, и который сейчас застроен громадным четырехэтажным домом (в конце XIX столетия владение фабриканта Котова) можно считать последней вспышкой барской зажиточности Пушкиных.

Девять предположений о месте рождения поэта

Однако, не здесь, не под кровлей богатого бабушкина дома, не в родовом наследственном углу, а где-то в изгнании, — по каким-то особым причинам, о которых едва можно догадываться, — увидел свет Пушкин.

Сам Александр Сергеевич не оставил письменного свидетельства о месте своего рождения. Неудивительно, что и поклонники его памяти долго заблуждались в поисках этого дома, и что поиски обратились в состязание между иссле-

¹⁾ В Москве долго помнили, что „Корсаков сад“ принадлежал предкам поэта; трудно допустить, чтобы и Александр Сергеевич, бывая в Москве в 1826—36 гг., не навещал этого лучшего места общественных гуляний того времени. Известно, что Тормасов расширил сад арендой смежного владения, вырыл новый пруд, насадил дубовую аллею, завел оранжерею, выстроил беседки и наполнил сад статуями и цветниками. Римский-Корсаков построил за средним прудом круглую сквозную беседку с мраморной статуей Екатерины II, будто бы посетившей эту дачу; московской публике был открыт вход, чтобы посмотреть иллюминацию, полеты воздушных шаров и слушать игру известных артистов и артисток, посещавших Москву; на прудах плавали шлюпки, в аллеях пели поселники, и москвичи не могли нахвалиться корсаковскими вечерами. После 1830 г. сад стал приходить в упадок, находясь в аренде у разных антрепренеров. С 1853 г. он под именем „Эрмитажа“ в аренде у Педотти, затем у Мореля, вновь блестяще оживившего его; с 1880 годов в нем антреприза Летовского; в последнюю четверть века большая часть этой загородной усадьбы, потом виллы и увеселительного сада застроена доходными домами. (Журнал „Пантеон“ 1854 г., август; разыскания о месте нахождения принадлежат Н. П. Чулкову; воспоминания

ной Греции о праве именоваться родиной отца поэзии — Гомера. Но еще удивительнее то сдвигание обстоятельств, что и у нас возникало не больше и не меньше как 9 предположений о месте первой колыбели нашего Гомера. Рассмотрение этих догадок не раз занимало историко-литературные круги, городское общественное управление, газетный мир и читающую публику, но всякий раз не доводилось до конца с использованием всех методов историко-юридического исследования.

Оглянемся в исторической перспективе на эту загадку в биографии Пушкина.

Первое предположение. Еще при жизни поэта, когда он томился в подневольном изгнании в Кишиневе, литератор Н. И. Греч, издавший «Опыт краткой истории русской литературы, С.П.Б., 1822 г.», указал в краткой биографии молодого поэта, что он родился «в Санкт-Петербурге 26 мая 1799 г.». Сведения это было, вероятно, заимствовано из косвенных соображений; поэту не представилось случая опровергнуть в печати ошибочное сообщение его горячего почитателя.

Второе предположение. В 1852 г. двоюродный дядя поэта Александр Юрьевич Пушкин напечатал в № 24 «Москвитянина» статью под названием «Для биографии Пушкина», в которой вспоминал:

«В 1798 г. Сергей Львович выпел в отставку, переехал с семейством своим в Москву и занял дом княжен Щербатовых, близ Немецкой слободы, где в 1799 г. родился у них сын Александр; наш полк (Астраханский гренадерский) в то время был уже в походе, где я и получил об-рождении Александра Сергеевича от сестры письмо, что он на память мою назван Александром, а я заочно был его восприемником. В конце того же года, возвращаясь из похода в Москву, я уже Сергея Львовича с семейством не застал; они уехали к отцу своему Осипу Абрамовичу в Псковскую губернию в село Михайловское»

Это сообщение редактор «Москвитянина» Погодин снабдил восторженным примечанием: «Наконец узнаем мы дом, где родился наш незабвенный поэт!» Однако, радость Погодина была преждевременна. Престарелый родственник и друг детства матери поэта Надежды Осиповны, возможно,

---

Погожева; Орлов И., истор. описания троицкой церкви, что в Троицкой слободе, 1844 г., стр. 63).

Кроме того, известны еще следующие владения Л. А. Пушкина:

1) На Арбате в приходе „Николаы, что в плотниках“. Лев Александрович владел строением на дворцовой земле в 440 саж. по купчей 1751 г. (Акт. книги № 796, по разыск. Н. П. Сырейщикова).

2) В 1746 г. 1 июня он же купил у И. И. Головина за 10 рублей белое место в приходе церкви Николая, что в Хлынове.

был вполне прав, когда говорил, что первоначально родители поэта остановились в доме Щербатовых. Такой дом существовал на месте нынешнего владения в Аптекаарском пер. под № 15 и принадлежал Екатерине Петровне и Варваре Алексеевне Щербатовым¹). Несомненно, что молодые Пушкины после рождения первой дочери Ольги бросили Петербург, то ли по материальным затруднениям, вытекавшим из службы в гвардии, то ли из дальновидного опасения всех прелестей Павловского режима и надвигающихся походов, которые могли разлучить молодых супругов.

Но если, в целях проверки, обратимся к «исповедным ведомостям» богоявленского, что в Елохове, приходского храма, сохранившимся в полной исправности, мы не найдем в них по дому Щербатовых никаких упоминаний о Пушкиных. Между тем известно, с какой тщательностью велись духовенством исповедные ведомости, и как трудно было ускользнуть из них даже тем, кто не ходил в церковь на исповедь. Исповедные ведомости давали полные списки всех православных обитателей каждого дворового владения, попутно отмечая и иноверцев, владевших православными крепостными. Составление их приурочивалось к великому посту — марту-апрелю, а сдавались ведомости в консисторию в начале нового церковного года — в сентябре. Поэтому не попасть в них мог только тот, кто весной не жил в данном приходе или считался временно приехавшим на краткую побывку без своего квартирного обозначения. Итак, можно допустить, что действительно Пушкины остановились в доме Щербатовых, имея дочь Ольгу, родившуюся в 1798 г. в Петербурге, но следует отрицать рождение здесь сына Александра, тем более, что существуют документальные указания по иным направлениям.

Ошибка престарелого автора вполне понятна, так как он не был в Москве, а находился в походе. Но заметим и подчеркнем, что в конце 1799 г., по возвращении в Москву, автор уже не застал никого из Пушкиных.

Третье предположение. В 1853 г. в «Отечественных записках» за ноябрь, отд. 2, стр. 11, в статье П. Бартенева: «Род и детство Пушкина» сообщены другие сведения:

«В 1799 г. Пушкины жили не в Немецкой слободе, как сказано у Александра Юрьевича (Пушкина), а на Молчановке. После Пушкины, действительно, квартировали

¹) Разыскания Н. П. Чулкова.

²) Анненков приводит в книге: „Пушкин в Александр. эпоху“ примеры служебной нерасторопности Сергея Львовича. — Как известно, в 1798 г. Павел I уже мобилизовал армию и флот против французской республики.

около Немецкой слободы, подле Яузского моста, как пишет и г. Макаров, но сам поэт, живший в 1826/27 г. на Собачьей площадке в теперешнем доме Левенталья (во флигеле к переулку), часто проезжая по Молчановке, говаривал приятелям, что он родился на этой улице, но дома уже не мог указать).

Предположение это, основанное, повидимому, на рассказе С. А. Соболевского, у которого останавливался Пушкин, также абсолютно неверно и опровергается позднейшими документальными открытиями. К сожалению, это утверждение повторил и первый собиратель материалов по биографии А. С. Пушкина П. В. Анненков¹⁾.

А между тем, как легко было бы избежать этой ошибки, хотя бы поискав метрическую выпись поэта в архиве Царско-сельского лицея.

Четвертое предположение. До конца 1870-х годов раздавались также голоса, что А. С. Пушкин мог родиться под Москвой в сельце Захарово, принадлежавшем Марии Алексеевне Ганнибал, бабушке поэта. Передавая такую догадку, исследователь Н. П. Бочаров в статье своей под названием «Дом, где родился А. С. Пушкин», опубликованной в 1911 г. в № 263 газеты «Русское слово» от 15 ноября, называет его чистейшим вымыслом. И, действительно, добавим от себя: именице Захарово было куплено бабушкой гораздо позднее — в 1807 году. В оправдание же людям 1870-х годов следует сказать, что, готовясь тогда к торжествам по постановке памятника Пушкину на Страстной площади и не находя записи о его рождении в церквах, ближайших к Молчановке, они строили гипотезу, что поэт родился в Москве на Молчановке, но был вывезен в имение, где и был крещен под домашним кровом, а записи в сельской церкви утрачены.

Пятое предположение. В 1879 г. в июньской книжке «Русской старины» была опубликована за подписью К. П. П. сжатая биография поэта, охватывавшая все известные к тому времени материалы. Здесь указывалось в подстрочном примечании, что студент Московской духовной семинарии Сергей Федорович Цветков сообщил, что в московской богоявленской, что в Елохове, церкви за 1799 г. имеется следующая запись:

«Мая 27. Во дворе коллежского регистратора ивана васильевича шварцова у жи(ль)ца ево Мозора сергия лвовича пушкина родился сын Александр крещен июня 8 дня восприемник Граф артемий иванович воронцов кума мать означеннаго сергия пушкина олга васильевна пушкина».

¹⁾ А. С. Пушкин Материалы для его биографии, изд 1855 г. стр. 1.

Не проверяя записи ни в подлинной книге, ни в копии — в архиве Московской духовной консистории, автор сенсационной статьи добавлял: «дом (вероятно Шварца), по свидетельству старожилов, находился на углу Немецкой ул. и Аптекарского пер., где ныне дома Щапова и Макарова».

Сведения это было с радостью подхвачено всей прессой, указывавшей, что необходимо разыскать и отметить дом Шварцова. Известный москвовед того времени городской архитектор А. А. Мартынов обратился к печатному «Указателю г. Москвы 1793 г.» и обнаружил, что, действительно в Демидовском переулке имелся под № 233 двор иноземца Фаддея Шварца.

Допуская даже, что через 6 лет наследником Фаддея Шварца мог быть обрусевший Ив. Вас. Шварцов, Мартынов пожелал своими глазами взглянуть на запись в метриках духовной консистории и здесь обнаружил несомненную ошибку в чтении фамилии, в которую впал неопытный в старых почерках семинарист С. Ф. Цветков. Дело в том, что записи делались рукою 67-летнего старика дьячка Сергия Александрова, почерком аянинской и елизаветинской эпохи, когда буквы «с» и «к» писались без точек вверху, поэтому обе буквы, поставленные рядом, могли показаться за три штриха, образующие одну букву «ш».

К тому же на беду, следуя московскому «акающему» выговору, дьячок допустил и грамматическую ошибку — «Скварцов» вместо «Скворцов». В итоге была прочтена фантастическая фамилия «Шварцов».

После этого Мартынов перешел от метрической книги к исповедным ведомостям, веденым по дворовым владениям и содержащим своего рода подушные списки прихожан. Расположение владений в этих ведомостях было не в порядке топографической последовательности по улицам или по полицейским или окладным номерам, а по социальному признаку — по знатности и по зажиточности прихожан-домовладельцев, вследствие чего церковная нумерация дворовых владений часто изменялась. В исповедной ведомости 1799 г. не оказалось дворового владения Скворцова, но сам Иван Вас. Скворцов с семейством был найден в списке по дворовому владению графини Екатерины Александровны Головкиной, где он значился в качестве «домоправителя ее».

Это открытие разрушило все прежние догадки, и А. А. Мартынов получил возможность выступить с собственными предположениями, что двор Головкиной и двор Скворцова совершенно тождественны, что в домашней или бывательской терминологии они не различались. Сперва он указал на дом против самой церкви богоявления, принадлежавший в начале XIX ст. Головкиным и Шуваловым

(это дом № 11 по Ехоловской ул., бывш. Поповой), и опубликовал об этом открытии перед Пушкинскими торжествами 18 мая 1880 г. в № 136 «Московских ведомостей». Так возникло шестое предположение. Однако, уже на следующий день ему пришлось опубликовать существенную поправку: против церкви находилось владение сына Головкиной — Алексея Гавриловича Головкина, а двор Е. А. Головкиной по указателю 1793 г. был найден на Немецкой улице под № 32 в 1803 г. (ныне он под № 27).

Так возникло седьмое предположение, роковое во всех последующих поисках.

Большой авторитет А. А. Мартынова, как популяризатора истории старой Москвы, спасал Московское городское управление от нареканий за неумение во-время разыскать исторический дом, на котором надлежало укрепить памятную мраморную доску о рождении великого гражданина. Во многих городах уже были найдены дома, где кратковременно останавливался Пушкин; в Москве разыскали дом, где жила когда-то упомянутая Пушкиным цыганка Татьяна Демьяновна. На Собачьей площадке Мантейфель нашел дом, бывший Ренкевичевой, занятый кабаком, и призывал («Московские ведомости, 1880 г. 19 мая, № 137) очистить этот дом, так как в нем жил некогда у Соболевского великий поэт. В такой повышенной атмосфере ожиданий городская управа, доверившись Мартынову, и в отсутствие городского головы С. М. Третьякова, наспех приказала прикрепить памятную доску на длинном двухэтажном доме по Немецкой ул. под № 27 купцов Ключиных, а некогда Головкиной. Постановления городской думы о выборе именно этого дома не было. В университетских и юридических кругах выбор был встречен недоумением: подозревали даже интригу в целях навязать городу обширное владение № 27 по возможно более дорогой цене. Прибывшие в Москву четверо детей поэта не могли дать никаких указаний.

Мартынов, изыскивая оправдание для своей находки, предлагал свое крайне вычурное объяснение, будто бы — «в старинное время вельможи русские не имели обыкновения лично заниматься делами, считая унижительным отдавать прямо от себя внаймы свои палаты, и доверяли это людям мелким, вроде колл. регистрат. Скворцова; вероятно и гр. Головкина выдала полную доверенность своему домоуправителю, следовательно, этот дворецкий был в некоторых случаях такой же хозяин, как и сам домовладелец, и мог свободно называть квартирантов своими жильцами».

Почтенный собиратель и издатель памятников русского искусства, но заурядный диллетант в архивных изысканиях А. А. Мартынов, вместо углубления в поиски, построил ряд гипотез и натяжек против истории, быта и терминологии,

которые и опубликовал отдельной брошюрой под названием «Место рождения А. С. Пушкина по разысканиям А. А. Мартьянова» (изд. 1880 г., 6 стр. с планом дома Головкиной).

Через 3—4 месяца по открытии памятника Пушкину было опубликовано восьмое предположение, автором которого был А. Колосовский, бывший мировой судья и член городской управы («Московские ведомости», 1880 г. № 252). Ему, вместе с согрудником московских газет Н. П. Бочаровым, посчастливилось найти в губернском архиве дело управы благочиния № 267761 по прошению тит. советника И. В. Скворцова о разрешении произвести постройки; к прошению была приложена купчая, совершенная 15 июля 1799 г. в юстицком департаменте, о продаже от английского купца Якова Яковлевича Рованда на имя И. В. Скворцова двора его со всяким в нем каменным и деревянным строением в Басманной части 3-м квартале, в приходе Богоявления, за 3000 рублей.

В прошении, поданном в сентябре 1799 г., Скворцов просил разрешить ему в собственном дворе под № 288, купленном от Рованда, в приходе Богоявления, «исправить починкой разные старые строения и все кровли перекрыть тесом».

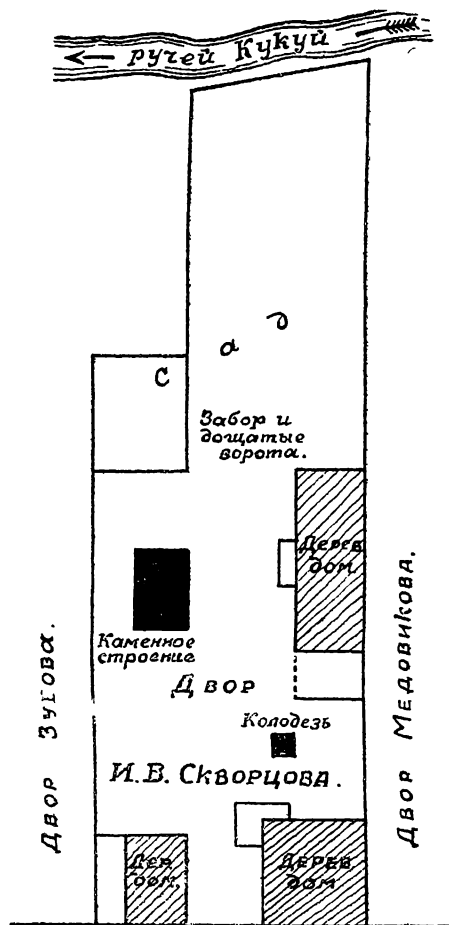
На приложенном плане двора № 288 были означены смежные дворы: Зубова, Кубова и Медовикова.

Не найдя планов того времени, Колосовский по неясным догадкам сперва было высказал, что «бывшее владение Скворцова в 1820 г. было разделено на 3 участка и принадлежит в настоящее время 3 владельцам: Раззориной, Масловой и Клейнбергер, и что находится оно на углу Лефортовского переулка и Немецкой ул., занимая по этой улице 4 $\frac{1}{2}$ сажени (в 1927 г. здесь дома №№ 12, 14 и 16, а по нумерации 1880 г. №№ 14, 16 и 18). Однако, через 10 дней А. Колосовский отказался от этого утверждения и дал новые указания на смежное владение мещанина Анакина, что теперь на Бауманской (б. Немецкой) улице¹⁾.

¹⁾ „Моск. ведом.“ 1880 г., № 262 и статьи Колосовского, собранные в брошюре: „Где же родился А. С. Пушкин“, изд. В. Т. Москва 1899 г.

Еще один адрес Пушкиных в письме А. Я. Булгакова от 25 февраля 1837 г. к П. А. Вяземскому. Описывая, как он посетил старика отца поэта, жившего тогда отдельно в Москве в Милютинском пер. в доме Митькова, Булгаков говорит: „Сергея Львовича захватывают частые удушья, и он сделался очень глух; вспоминал, что мы жили некогда на одном дворе в Немецкой слободе, мы в нашем, а они в доме Нерововой (который ныне мой), что покойник Александр Сергеевич родился почти при мне и пр. С. Л. подарил мне портрет сына“.

По справкам Булгаков жил в Немецкой слободе юношей в 1798 г. во дворе вынешних владений № 12 и 14 по Вознесенской улице. Очевидно, соседство относилось ко времени до рождения поэта.

ул. Немецкая Слобода.

План двора Скворцова (по данным, опубликованным в книге
 „Москва и москвичи“ Н. П. Бочарова).

Двор Скворцова

Девятое и последнее предположение приковало всеобщее внимание к двору Ананьина (б. Скворцова). Топографическое положение этого двора впервые было установлено и доказано трудами А. Колосовского и особенно Н. П. Бочарова. Из этих разысканий Бочаров сделал любимую тему своей жизни¹⁾. Пользуясь планом, приложенным в 1799 г. к прошению о разрешении Скворцову ремонтных работ, и пересмотрев несколько тысяч архивных дел Московского губернского архива о постройках в 1799 и ближайших годах, Бочаров установил, чьи дворы и как именно были расположены в квартале между Немецкой и Елоховской улицами и Лефортовским и Плетешковским переулками, и обнаружил последовательную нумерацию домов по Немецкой улице: в 1793 г. она шла, начинаясь от угла Лефортовского переулка, в сторону к Елоховской улице с №№ 287 по 293; позднее нумерация изменилась в противоположном направлении, начиная от Елоховской, с №№ 370 по 377, затем еще раз с №№ 230 по 238. Дом Скворцова три раза менял свой номера по окладным книгам: № 288, потом № 374 и наконец № 235.

Обмер земли, показанный в 1815 г. в купчей Злобина от В. Ушакова (преемник Скворцова) вполне совпадает с планом Скворцова и владением Ананьиных: по Немецкой улице 14 саж., по левую (смежно с Зубовым) и правую сторону 42 саж., по задней меже 7 саж. Другого участка земли в таких очертаниях нельзя сыскать во всем приходе богоявления и, по моему, в этом заключается сильнейшее доказательство достоверного нахождения двора Рованта—Скворцова—Ушакова—Злобина—Щекиной—Ананьиных, именно под № 10 на нынешней Бауманской улице.

¹⁾ Основная работа Н. П. Бочарова: „Частные постройки в Москве и дом Скворцова, где родился А. С. Пушкин“ опубликована в „Известиях Московской городской думы“ 1880 г., вып. X; в ней содержатся тексты купчей и прошения и уменьшенная копия плана на двор Скворцова. Так как подлинники в делах строительного архива губернского инженера (б. городск. упр.) уже отсутствуют и архив Бочарова не разыскан, то это издание заменяет первоисточник. Статья эта переиздана в 1881 г. в сборнике Н. П. Бочарова „Москва и москвичи“, вып. I изд. 1881 г. Список владельцев двора: в 1771—1778 гг. Серг. Серг. Гагарин, затем Рованды отец и сын, в 1799—1804 гг. П. В. Скворцов, с 1804 г. Ушаков, 1815 г. Большой—Злобин, 1827 г. Щекина, с 1846 г. Ананьины, см. в „Извест. Моск. городск. думы“, 1881 г., вып. X., стр. 62. История розысков описана в статье: „Новые данные о месте рождения А. С. Пушкина“, в журнале „Вокруг света“ 1899 г. №№ 25—27 и в статье: „Дом где родился А. С. Пушкин“ в „Русском слове“ 1911 г., 15 ноября, № 233.

В 1924 г. председатель ученой комиссии «Старая Москва» П. Н. Миллер предпринял обследование изменений в нумерации домов в Лефортовской и Басманной частях на основании печатных указателей и планов, начиная с 1793 г., и пришел к тем же выводам. В 1926 г. Н. П. Чулков, обследовав тот же вопрос по так называемым «квартирным книгам» о сборе денег по воинскому постое, пришел к тому же выводу.

Мысль, что памятная доска о рождении поэта прикреплена не к соответствующему дому, а совершенно ошибочно, занимала Н. П. Бочарова и была энергично поддержана гласным городской думы Н. А. Шаминым, который 15 ноября 1911 г. внес предложение в городскую думу приобрести «владение, бывшее Скворцова, где родился наш великий согражданин, для просветительных и других общественных учреждений Москвы». Комиссия о пользах и нуждах общественных доложила городской думе: «Как известно, вопрос о месте рождения А. С. Пушкина до сего времени остается спорным. Комиссия не считает себя компетентной окончательно решать такого рода вопрос академического характера... Несмотря на убедительность аргументов, приведенных (Бочаровым) в подтверждение факта рождения А. С. Пушкина в доме бывш. Скворцова, Комиссия не вносит даже предложения о перенесении коммеморативной доски с дома Ключиных на дом Ананьина. Городской управе дано поручение 8 ноября 1911 г. исследовать вопрос о месте рождения великого поэта. По выяснении этого вопроса, требующего, быть может, сношений с компетентными специальными учреждениями (Общество любителей российской словесности, Академия Наук), городская управа в зависимости от окончательного результата исследования внесет, несомненно, и предложение о перенесении доски». Затем комиссия указывала, что за полмесяца ранее было решено купить на Елоховской площади владение Мухиных за 180.000 рублей (в котором теперь помещается Пушкинская библиотека), а потому покупка нового маломерного и неудобного владения Ананьина в полуверсте от Елоховской площади нецелесообразна. «Покупка дома, где родился писатель, представляется желательной и целесообразной лишь тогда, если этот дом сохранился в том виде, как он был во время рождения писателя, чего в данном случае признать нельзя, или если можно это владение использовать под какие-нибудь учреждения, связанные с именем чествуемого писателя¹⁾».

Городская дума подошла к вопросу, что называется, с купеческим аршином и отклонила как покупку дома Ананьиных, так и перенесение на него памятной доски. Лицемерная, чтобы не сказать резко, ссылка на спорность места рождения

¹⁾ Печатный оттиск доклада № 513 от 28 ноября 1911 г.

поэта имела другую, более узкую подоплеку — противодействие политике прогрессивного крыла городской думы расширять земельные владения городского хозяйства путем скупки частных владений. Отзывы научных учреждений, повидимому, не последовали; не успели по разным причинам заняться этим вопросом В. Я. Брюсов и В. В. Каллаш, профессор же И. М. Громогласов, запрошенный вместе с ними, дал заключение, что ни владение Клюгиных (б. Головкиной, № 27) в целом, ни в особенности надворный флигель в нем ни в каком случае не могли быть квартирой родителей поэта; толкование выражения «во дворе» вообще ошибочно, а догадка о замене имени домовладелицы именем ее управляющего совершенно произвольна. Не без основания можно возражать против помещения доски там, где она теперь. Нет никакого сомнения, что владение Анаьиных есть бывшее владение Скворцова¹⁾.

В первые же годы после империалистической и гражданской войны интерес к месту рождения поэта опять оживился. 18 апреля 1924 года комиссия в составе М. А. Цявловского, архитекторов Н. В. Бакланова и Н. Д. Виноградова, В. А. Никольского и заведующего музеем «Старой Москвы» П. Н. Миллера, ознакомившись с трудами Бочарова и Колосовского и осмотрев на Бауманской улице дома № 10, бывш. Скворцова и Анаьина, и № 27, бывш. Головкиной и Клюгиных, пришла к заключению, что «является невозможным дать категорическое определение, в котором из этих двух домов, и в них ли, родился А. С. Пушкин, и сказать этого нельзя до нового точного обследования материалов, касающихся указаний, где родился поэт».

Так как Октябрьская революция открыла недоступный прежде архив Московской духовной консистории (теперь он хранится у Китайской стены в бывш. церкви «Иоанна, что под вязом»), то в 1926 г. по инициативе П. Н. Миллера была задумана работа — просмотреть не только одну запись о рождении поэта 27 мая 1799 г., но и все вообще метрические и исповедные книги богоявленского храма и всей Лефортовской округи с конца XVIII столетия по 1811 г.

На основании знакомства с этими книгами представляется возможным уловить особенности языка той эпохи и понять содержание терминов. Не будем бросать легкомысленных обвинений старику-дьячку, искуснику и специалисту того времени по регистрации актов гражданского состояния. Не повторим, будто бы он перепутал дома и не разобрался, где проживали родители новорожденного; кто-кто, а уж духовенство того времени знало наперечет все дома, квартиры и жильцов своего прихода. Постараемся узнать и разобраться

¹⁾ Справка городско́й управы от 17 апреля 1915 г

в семейных отношениях жильцов, особенно в интересующих нас двух дворах Головкиной и Скворцова. Так как за правильностью записей наблюдал весь причт в целом, то такое событие, как новый дом в приходе, не могло укрыться от его внимания; согласимся, что профессиональный навык регистраторов предупреждал грубые ошибки в топографии домовладения, хотя и мог допускать погрешности в таких второстепенных подробностях, как звания и чины. Прежде всего, вспомним, что по крайней мере девять веков слово «двор» в наших летописях, переписных книгах, жалованных грамотах и в обиходе означало «постройки с землею под ними, в одной ограде», и что до сих пор это значение слова «двор» сохраняется в крестьянском быту. Только в городах с начала XIX столетия это слово начало приобретать в административном и строительном обиходе более узкий смысл: свободного пространства позади фасадного дома или рядом с ним. Появились новые юридические термины «владение», «участок с постройками», даже «план с домом» и т. п. В Скворцовской купчей было по старине сказано: «Рованд продал крепостной свой двор (т.-е. закрепленный по документам) со всяким в нем каменным и деревянным строением, состоящий на белой земле». Слово «двор» всегда означало целое, совокупность частей хозяйства (например, Пушечный двор, Аптекарский, Посольский двор), Мартынов же пытался толковать употребленное в метрической записи слово «двор» в том смысле, будто внутри незастроенного собственного двора Головкиной был еще собственный двор ее домоуправителя Скворцова. Нужно признать, что такое положение прежде всего юридически невозможно; затем записи церковников начинались всегда с указания того, в чем крепостном, именно крепостном, дворе, произошло событие, а далее пояснялось — у жильца ли, вольного человека, приезжего или барского дворового человека; в-третьих, церковники не имели интереса искажать правовые отношения. В-четвертых, домоуправитель, который попытался бы в старое время приписывать двор своего хозяина себе, был бы «за оное воровство бит батоги нещадно», а в павловские времена в этом усмотрели бы покушение на завладение двором по давности владения; в-пятых, совершенно произвольно утверждение Мартынова, будто бы «вельможи русские... считали унизительным отдавать прямо от себя в наймы свои палаты, а доверяли это людям мелким, вроде колл. регистрат. Скворцова... своего дворецкого». На самом же деле, таких жильцов в 1799 г. мы находим в самых знатных домах Лефортова, и даже по двору Головкиной в самом начале 1799 г. рукой того же дьячка записано: «живущий во дворе графини Головкиной купец 3-й гильдии Иван Яковлев сын Стрелков

понял за себя швейцарской нации девицу Осипову»; наконец, Скворцов вовсе не был мелким дворецким, а в 1799 г. носил чин титулярного советника и имел своих крепостных дворовых людей; он подвигался в чинах, в 1806 г. был коллежским ассесором (подпись на плане 1806 г., см. брошюру Мартынова) и был сослуживцем Сергея Львовича Пушкина по Комиссариату, т.-е. по ведомству снабжения армии.

В-шестых, Скворцов принадлежал к самым видным прихожанам: церковные книги каждый месяц пестрят записями, что сам Скворцов или его малолетние дети были восприемниками новорожденных у дворовых людей, принадлежавших Головкиной. Местожительство и приватная служба его у гр. Головкиной были известны причту самым точным образом и, конечно, признать его квартиру (наверно бесплатную во дворе Головкиной) за «собственный двор Скворцова» причт никак не мог.

В-седьмых, окончательно уничтожается домысел Мартынова, благодаря следующим записям, раскрывающим уголок семейного быта Пушкиных. В том же мае месяце, когда родился Александр Сергеевич, на соседней странице, почти рядом с записью о крещении его 8 июня, мы читаем в параллельной графе «об умерших» под № 58: «Умре по христианской должности маля 3 дня во дворе Графини Екатерины Александровны Головкиной у жильца ее коллежского ассесора Сергея Львовича Пушкина дворовый его человек Михайла Степанов, коему от роду 48 лет, погребен 5 дня на Семеновском кладбище».

А несколько ниже, под № 64, еще раз записано:

«Умре по христианской должности маля 5 дня во дворе Графини Екатерины Александровны Головкиной у жильца ее Коллежского ассесора Сергея Лвова Пушкина дворовый его Михаил Степанов, коему от роду 47 лет, погребен того же 6 дня на Семеновском кладбище».

Крайне интригующая двойная запись о смерти одного и того же Михайлы Степанова то 3, то 5 мая и погребении то 5, то 6 мая дает твердое основание полагать, что причт ходил в квартиру Пушкина соборовать или причащать умиравшего «по христианской должности» дворового, служившего при Пушкиных, и что Пушкины жили в то время во дворе Головкиной, как непосредственные ее жильцы. Вероятно, смерть дворового Степанова была при совершенно исключительных обстоятельствах, если дьячок дважды сделал запись о ней, указав разные даты: не было ли полицейских затруднений, приостановки погребения? Почему оказалось нужным дважды записать эту кончину?..

Продолжим осмотр; через 6 недель после рождения Александра Сергеевича, 8 июля, под № 96 записано:

«Во дворе графини Е. А. Головкиной у домоправителя ее титулярного советника Ивана Васильевича Скворцова родился сын Александр крещен того же июля 13 дня. Восприемник иностранный купец Осип Осипов Банкалер, кума гр. Елизавета Гавриловна Головкина».

Проходят еще 6 недель и 20 августа еще интересная запись:

«Дому колл. регистр. Ив. Вас. Скворцова у дворового его Петра Юдина родился сын Павел».

(Здесь «дом» употреблен не в смысле постройки, а в смысле крепостной зависимости у семьи Скворцовых).

Если теперь к этим документальным векам добавить бытовые и врачебно-санитарные соображения, то легко нарисовать себе майские и июньские события в семье молодых Пушкиных.

Отставной майор, а ныне гражданский чиновник, коллежский ассесор Сергей Пушкин не живет у своего единокровного брата бригадира Николая Львовича, имеющего квартиру в том же приходе в доме Соковина (и при ней 10 человек служителей, исповедн. ведом. 1799 г. под № 8), очевидно, потому, что избегает стеснять родственника. Вряд ли он хочет стеснять и своего сослуживца Скворцова, у которого жена с 5 малыми детьми и в ожидании шестого ребенка, да, сверх того, ходит беременная на седьмом месяце жена его дворового Петра Юдина. Трое новорожденных в одной квартире! не слишком ли много будет испытаний для молодой Надежды Осиповны? При такой обстановке самое простое дружество и благоразумие не могло допустить проживания в общей квартире со Скворцовыми. Постройки Головкиной были обширны и состояли из трех связанных между собой каменных зданий и одного деревянного общей площадью в 500 квадр. сажень (план 1803 г.) с деревянной домовою церковью; при Головкиной было 65 душ дворовых обоого пола, включая детей; в среднем, на каждого жильца приходилось 6—7 квадр. сажень. Надо полагать, что острой нужды жить уплотненно в квартире Скворцова не было, и что Пушкины занимали самостоятельное помещение так же, как и другой квартирант — женившийся в этом доме купец Стрелков.

По толкованию Мартынова следовало ожидать: коль скоро в собственной квартире Скворцова, что в Головкинском доме, родятся дети (родной его сын и дворовый мальчик), церковный причт сделает запись, начав со слов: «во дворе Скворцова и т. д.». Однако, книги показывают обратное: даже и в этом случае церковники, не впадая в искушение против законной собственности, записывают с юридической точностью: «во дворе графини Головкиной и т. д.». На этих

сравнениях становится ясно, как строго различали они двор Головкиной от двора Скворцова.

По семейным преданиям Пушкиных известно, что Надежда Осиповна не раз видела галлюцинации: то на прогулке с мужем днем по Тверскому бульвару ее преследовало привидение в белом балахоне (через год по рождении старшего сына), то такое же привидение навещало ее в пустой комнате усадьбы, то она видела за чайным столом двойника своего мужа, или ей чудились во сне похороны привидения¹⁾. При такой нервной возбужденности «прекрасной креолки» и под гнетом тяжелой картины смерти и похорон своего слуги, вследствие какого-либо трагического события или от злокачественной болезни, оба супруга, мнительные и мистически настроенные, охраняя душевный покой беременной, естественно, спешили удалиться из квартиры, где витала смерть и унесла свою жертву, где «стол был яств, там гроб стоит».

Уйти же было нетрудно. Все тот же благоприятель и сослуживец, И. В. Скворцов приходит на помощь²⁾. Он недавно приобрел на той же Большой улице, в 200 саженях от Головкинского двора, собственный дворик, с тремя старыми деревянными домиками, и Пушкины спешат воспользоваться открывшейся им возможностью спешно перейти в один из этих домиков. А там, через 3 недели, рождение их сына, и церковники регистрируют его совершенно точно по новому адресу родителей.

Обычно задают вопрос: почему причт, записывая об обряде крещения 8 июня, уже знал, что двор принадлежит не Ровалду, а Скворцову, хотя крепостная купчая совершена в юстицком департаменте в присутствии 11 свидетелей только спустя 5 недель — 15 июля? Если справиться по законам павловского времени, то легко понять, как это произошло. Дело в том, что тогда широко практиковалась предварительная запродажа недвижимостей по домашним условиям, с выдачей задатка и оговоркой, что по уплате всех денег сполна продавец обязан совершить крепостную купчую уже в правительственном учреждении. Волокита была так велика, что, сдав документы, стороны не 5 недель, а иногда по несколько месяцев ожидали, пока проверят их и совершат купчую; и в данном случае необычайно большое число свидетелей при совершении купчей, несомненно, указывает, что купчая долго готовилась, а между тем

1) Павлицев. Воспоминания, стр. 35—38.

2) И Пушкин и Скворцов служили в московском комиссариате (т.-е. по снабжению армии), занимая должности, о которых узнаем из официальных подписей их на документах: „комиссионер 7-го класса“, что на языке того времени означало „уполномоченный, состоящий в чине седьмого класса“.

Скворцов мог уже вступить в фактическое владение двором и сдавать в наем квартиры¹⁾.

Очевидно, колы скоро состоялась купчая крепость, домашняя запродажная была уничтожена и потому только не дошла до нашего времени.

Теперь остается вопрос, была ли объективная возможность Пушкиным занять квартиру, и какую именно, в собственном скворцовском дворе.

На плане 1799 г., как он воспроизведен у Бочарова, здесь значатся с улицы два деревянных дома, размерами один — примерно 18×18 аршин и другой 15 9 аршин с сенями. Затем вдоль левой и правой межи стоят: налево — нежилая каменная постройка, а направо деревянная с сенями и, по мнению Колосовского, с садиком (или цветником? Л. В.); еще дальше, вглубь двора по скату идет сад размерами 7×15 сажен, заканчивающийся у ручья, известного в истории Немецкой слободы под именем Кужуй²⁾ Со двора Скворцова едва ли представлялся когда-нибудь красивый вид на Москву, и наверно, владение принадлежало к числу сильно запущенных, каково оно и теперь.

По исповедным книгам видно, что в 1797 г. здесь жил «у иностранного купца Фомы Яковлевича Рованта во служении приказчик его и московский купец И. В. Башеров с женою и 6 детьми»; у них были жильцы: подполковника Александра Григорьева Пузина служители 7 человек; таким образом, разбивка жильцов была как будто на 2 домохозяйства. Весной 1798 г. уже нет упоминания о полковнике Пузине, а говорится, что «у маеора Крестьяна Крестьянова» (т.-е. Христиана Христиановича) также-то трое крепостных, затем живет вдова приказчика Башерова и, в-третьих, шестеро женщин (солдатские жены и служительницы). Здесь уже три отдельные группы, что отвечает и трем домам на плане. Английский купец Ровант был членом торгового дома «Томус и Ровант», занимавшегося, кажется, экспортом

¹⁾ „В прежнее время по словам К Победоносцева (Курс гражданск-права, ч 3, стр 326, изд. 1896 г.), было в обычае, под видом запродажных условий, совершать действительную передачу имений, и в самых условиях представлялось покупщику право вступить во владение прежде совершения купчей Условия сего рода не считались незаконными, . . . только в 1826 г было решительно запрещено вступать во владение имением по запродажной записи, до совершения купчей, однако, нарушение этого правила продолжались.

²⁾ Ручей этот, приток Чечоры, отмечен забавными замечаниями в путешествии Олсария, как граница Немецкой слободы, и служил посмешищем у всешутейшей компании Петра I

Ручей Кужуй вытекал из двух прудов, расположенных близ Девкина переулкa, на месте нынешних бань, по временам он разливался, на одном плане 1796 г. через него показан на Елховской улице мост. Слово „Кужуй“, сохранившееся в Великом Новгороде, Сергиевом посаде и в Орловской губ, означает овраг, заросший лозой. Теперь ручей заключен в подземную трубу, и овраг обратился в пологую низину

льна, пеньки и кож, и Бочаров правильно умозаключает, что каменная постройка была нужна купцам не для жилья, а именно для хранения товаров. Так как приказчика Башарова не стало в живых ранее 1798 г., то надо полагать, что у англичанина решение продать этот двор сложилось тогда же, по смерти ведавшего им приказчика, а покупатель Скворцов мог фактически владеть домом по запродажной и с 1798 г.

В 1799 г. двор Рованта совсем выпадает из исповедных книг и появляется, под именем «двора колл. асс. И. В. Скворцова», только в 1802 г. (под № 54) с показанием одного жильца — иностранца Дельсаль с прислужгой. Это выпадение двора из исповедных списков на целых 3 года может объясняться тем, что дома капитально чинились (как видно из прошения Скворцова), что в домах после ремонта поселились иностранцы (вспомним, что Скворцов взял в крестные отцы своего сына в июле 1799 г. иностранного купца О. О. Банкалера¹). Во всяком случае, хотя и немного народа, но кто-то во дворе жил, ибо в марте 1800 г. в дворе Скворцова, как видно из метрик, умерла дворовая генер. Исаковой. Нет только семьи Пушкиных.

Прожив недолго в случайно приютившем их ветхом доме, они к сентябрю, когда Скворцов стал ходатайствовать о разрешении починить дома и поставить тесовые крыши, выбрались из двора Скворцова с тем, чтобы более никогда не возвращаться сюда, и направились в Псковскую губернию к тестю, отставному генерал-поручику Осипу Абрамовичу Ганнибалу.

Мне кажется праздной задачей доискиваться, в котором именно из трех домиков родился поэт, так как для этого нет никаких данных. Бочаров полагал, что Пушкины, как «помещики средней руки, имевшие и хорошее знакомство в Москве, занимали именно тот флигель, который на плане больше», т.-е. правый при входе в ворота.

Колосовский, напротив, полагал, что Пушкины жили в доме, что во дворе направо с палисадником, но не настаивал на этом, за неимением доказательств²).

1) Жильцы Дельсаль показаны по двору Скворцова до 1804 г. Около этого времени Скворцов перепродает этот двор и покупает еще более обширное владение под № 218 площадью в 1035 кв. саж. на углу Капиловской (ныне Почтовой № 4) и переулка к Госпитальному мосту №№ 1 и 3). Здесь имелись два деревянных дома, и в одном из них жили родители И. В. Скворцова с несколькими дворовыми.—В Строит.-архиве губерн. инженера (б. городск. управы) имеется план нового владения, составленный в 1804 г. и скрепленный подписью Скворцова.

2) Известия городск. думы 1881 г. XXII выпуск. По-моему, так как Пушкины не собирались здесь долго жить и принимать гостей, то они менее всего нуждались в большом доме. Очень соблазнительна мысль допустить, что отмеченный здесь в 1798 г. майор Христиан Христианович (фамилия, к сожалению, остается неизвестной), уходя в лагери или в поход, предоставил свою квартиру на летнее время отставному майору Пушкину, как это водилось в то время среди военных; однако, и это нельзя выставить иначе простой гипотезы.

В этом месте существует и до настоящего времени вросшая в землю, каменная постройка сарайного типа и без следов окон; по заключению архитектора Н. Д. Виноградова, она старше 1812 г. и, следовательно, могла быть поставлена из кирпича, добытого из разобранной нежилой постройки, существовавшей подле левой межи, ближе к домовладению № 12. От прочих построек не уцелело ничего.

Итак, по роковому заблуждению напрасно мрамор украсил фасад Головкинского дома. Если бы и оставить его, то никакой другой надписи нельзя было допустить, как только: «Здесь умре по христианской должности Михайла Степанов, дворовый майора Пушкина».

Увековечение места рождения поэта

В настоящее время двор б. Скворцова принадлежит жилищному товариществу; он застроен с улицы двухэтажным каменным домом, флигелем во дворе, старыми сараями, помойными ямами и частью отведен под деревяной склад; садик в глубине двора разгорожен, так что открылся проход в соседние владения № 8 по Бауманской ул. и № 7 по Плетешковскому пер.; в ближайшем будущем дворику грозит полное обезличение под какой-нибудь банальной постройкой¹⁾.

Не будем стыдиться того, что солнце нашей поэзии возшло не в стенах графского особняка, а в стареньком домике с проваливавшейся крышей. В мировой истории не в первый раз постоянный двор становится колыбелью великих людей²⁾.

Своевременно и этически необходимо именно теперь предпринять кампанию среди научных и просветительных организаций Москвы, с привлечением и Пушкинского Дома при Академии Наук, в целях добиться возможного лучшего увековечения этого заповедника имени Пушкина. Если, ро-

¹⁾ В этом отношении он напоминает собой судьбу домика Шекспира в Стратфорде, которым и хотелось бы сопоставить его. По смерти Шекспира, спустя полтора века, владельцем знаменитого дома оказался один богатый, но необразованный и грубый человек, тяготившийся посещениями людей, приезжавших издалека поклониться тому дорогому месту, в котором жил и умер Шекспир; желая избавиться от докучных посетителей, он приказал срубить любимое шелковичное дерево Шекспира и продал его на дрова. Земляки поэта, ослепленные этим вандализмом, выбили окна в доме варвара и не давали ему прохода на улице; тогда в 1757 г. он покинул ненавистный городок и в отомщение его жителям распорядился своей собственностью, как Героетрат, приказав срыть дом Шекспира до основания. но в прошлом столетии Шекспировское общество реконструировало этот дом в духе XVII в.

²⁾ Гоголь также родился в бедной мазанке в усадьбе доктора Трахимовского, куда его мать приехала за врачебной помощью. Г и л я р о в с к и й В. А. — На родине Гоголя, 1902 г.

дильный дом, детский сад, общественный парк или музейный дворик, но что-то должно украсить для потомства этот дорогой и показательный для нашей культуры уголок.

День рождения и крестины

Метрическая запись о рождении указывает, что Александр Сергеевич родился 27 мая 1799 г., т.-е. в пятницу, на следующий день после праздника вознесенья, но сам поэт считал днем своего рождения четверг, 26 мая. Это различие автор статьи в «Русской старине» К. П. П. объяснял тем, что рождение могло быть в самый праздник вознесенья, но первая молитва была дана утром 27 мая.

Утверждают также, что в старину церковники, следуя библейскому обычаю, считали начало новых суток с заката солнца, а не с полуночи, и потому рождение в майский вечер 26 числа, в промежуток от 9 до 12 часов ночи, могло быть посчитано ими по 27-му числу мая, родителям же — по общепринятому счету — 26 мая¹). Отец поэта называет в биографической заметке о сыне днем его рождения — 26 мая («Огонек», 1927 г. № 7). С другой стороны, нельзя упускать из виду и суеверного обычая эпохи всячески приурочивать день рождения к особо счастливым праздничным датам, и того, что позднее названный родными день вознесения действительно особо чтился в роду Пушкиных: это — храмовой праздник предков поэта, живших у вознесения в Варсонофьевском переулке. 26 мая в XVIII столетии соответствовало по новому стилю 6 июня.

В этом году день 26 мая был исключительно праздничным. Целый день гудели колокола и по случаю вознесения и потому, что торжественно праздновалось извещение о рождении у императора Павла внучки Марии. Для этого торжества из Сергиевой лавры в Москву прибыл давно не выезжавший митрополит Платон («Москов. ведом.», 1799 г. № 43 от субботы 28 мая, стр. 964). Гудел Иван великий, и толпы кричали ура, и никто не предвидел, как может измениться со временем внутренний смысл этой даты, которую миллионы грамотных станут чтить, как день общественного признания гениального человека. Новорожденному было дано имя вероятно в честь его прадеда Александра Петровича²).

¹) „Евреи считали день от одного захода солнца до другого (Левит, XXIII, 32), и церковь сохранила этот обычай“. (Аббат Вигуру. Руководство к чтению и изучению библии, перевод Воронцова, т. I, М., 1916 г., стр. 225).

Днем своего рождения и именно 26 мая—поэт поместил написанные в 1828 г. стихи: „Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана“.

²) В роду у Пушкиных было принято называть новорожденных именами предков с отцовской или с материнской стороны; этому обычаю следовал и сам поэт в отношении своих детей.

Поэт считал себя именинником 2 июня. Крестины состоялись в среду 8, т. е. на 12-й день. Учитывая этот срок, летнее время и обычаи той эпохи, нужно предположить, что обряд состоялся не на дому, а в самой церкви богоявления, старой постройке, оконченной в 1731 г. и отчасти уцелевшей в позднейшем сооружении. Кто из двух священников крестил — Федор Иоаннов или Федор Степанов — из метрик не видно, но первый из них был глубокий старик, 83 лет, и, вероятно, требу исполнял последний. Восприемником был показан один из виднейших москвичей того времени, действительный тайный советник, владделец домов на Рождественке, граф Артемий Иванович Воронцов. Это дальний родственник по материнской линии — муж троюродной сестры Марии Алексеевны Ганнибал и отец подруги Пушкиной графини А. А. Бутурлиной. Но мы предполагаем, что он записан заглазно, так как еще в январе 1799 г. в «Московских ведомостях» публиковалось об отъезде его в Петербург, а сведений о возвращении в Москву мы не нашли.

С отцовской стороны восприемницей была бабушка новорожденного Ольга Васильевна Пушкина, урожденная Чичерина, 62-летняя старуха, приехавшая из своего дома, что в Огородной слободе.

Вероятно, выезд ее состоялся со всею напыщенностью века — в старинном рыдване и с суетливыми лакеями на запятках, над которыми так посмеивался впоследствии в своих записках о Пушкине М. А. Корф; допускаю это потому, что единственный летописец события дьячок Александров, переписывая через 3 месяца копию метрической книги для консистории и вспоминая подробности крестин, прибавил от себя в этой копии после слова «вдова» — «Графиня».

Весьма примечательно, что через месяц у нашего Скворцова крестили сына также именем Александр, и ровно через год, 8 июня, у Анны Артемьевны Бутурлиной, подруги Пушкиной, новорожденный сын назван тем же именем — Александр¹⁾.

1800 год в Петербурге

К осени 1799 г., когда в доме Скворцова застучали топоры, Пушкины выехали из Москвы, взяв с собой детей; на это указывают и воспоминания двоюродного дяди поэта

¹⁾ Итак, ближайшим сверстником и тезкой поэта сделался Александр Иван. Скворцов; случайно стала нам известна судьба последнего: на Лазаревом кладбище есть памятник с надписью „Александр Иванович Скворцов, отставной поручик по квартирмейстерской части, умер 22 мая 1827 г. на 28-м году“. (Москов. Некрополь. том 3, стр. 108). Учился он в известной школе для Колонновожатых, основанной в Москве Муравьевым, и кончил ее в 1819 г. (Список в книге Кропотова „Жизнь М. Н. Муравьева“, изд. 1874 г. стр. 408 г.).

и полное отсутствие упоминаний о них в церковных книгах всех храмов Лефортова, Басманной и Яузской части вплоть до 1802 г. — По обычаю века, приписанный к гражданской службе, Сергей Львович едва ли фактически нес ее и едва ли был связан в своих отлучках. Посетив в Псковской губернии своего тестя Осипа Абрамовича Ганнибала, Пушкин, вероятно, побывал потом в 1800 г. и в Петербурге, так как иначе нельзя себе объяснить, при каких обстоятельствах могла состояться встреча ребенка Пушкина с Павлом I и курьезный конфликт из-за неснятого нянькой картуза. Считать это анекдотом, как думает Анненков¹⁾, нельзя уже потому, что сам поэт в одном из писем к своей жене упоминает, что имел столкновения с тремя императорами, и, следовательно, имел где-то столкновение с Павлом I.

Поездка в Петербург тем более правдоподобна, что теща Мария Алексеевна Ганнибал продолжала жить там, имея свой домик в Преображенском полку, где проживал и зять после своей женитьбы («Москвитянин», 1852 г. № 24, стр. 23).

Поэт начинает свою программу записок для автобиографии со слов: «Бабушка и (неразборчиво: и? ее?) мать — их бедность. Иван Абрамович. Свадьба отца. Смерть Екатерины. Рождение Ольги. Отец выходит в отставку. Едет в Москву. Рождение мое. Первые впечатления. Юсупов сад. Землеграшение. Няня».

Жестокие два слова: «их бедность»! Не служат ли они объяснением натянутых отношений между Сергеем Львовичем и матерью Ольгой Васильевной, вдовой гордого и богатого полковника, благоприобретавшего имения в Лукояновском уезде и дворы в Москве? Женитьба на бесприданнице, дочери «сумнительного арапа» с репутацией двоеженца, а затем выход сына из гвардии, не могли не казаться гордой старухе неравным браком и легкомыслием, и не они ли охладили отношения ее ко второму сыну почти до такой же степени, как к пасынкам Николаю и Петру.

На Чистом пруду и в доме Юсупова

Во всяком случае, в 1801 г. Сергей Львович вновь появляется в Москве и при том уже не на окраине, а неподалеку от матери, в Огородной слободе, в небольшом доме (площадь 35 квадр. саж.) подпоручика Волкова, что на углу Чистого пруда и Большой Хомутовки, там, где теперь раскидывается старый особняк под № 7 по Чистым прудам и № 2 по Б. Харитоньевскому пер. При нем дворовые: Николай Павлов 50 лет с женой, Авдей Родионов 17 лет, Федот

¹⁾ Пушкин в александровскую эпоху, 1874 г., стр. 28.

Ефимов 40 лет и девицы Прасковья Федорова 13 лет и Авдотья Андреянова 18 лет; кормилицы в семье Пушкиных как будто нет. — В этом доме у Пушкиных родился 26 марта 1801 г. второй сын Николай.

Теща майора Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал 60 лет также притащилась в Москву, покинув Петербург вслед за своей единственной дочерью и внуками. При ней сестра девица Катерина 56 лет и шестеро дворовых; уже весной того же 1801 г. они значатся по дому Силина в приходе Харитония в Огородниках. Самоотверженная и повидавшая много горя старушка, сама урожденная Пушкина и даже троюродная сестра своего зятя, всей душой отдается заботам о дятях своей дочери; не увлекалась столичной жизнью и не чванясь званием генеральши, которое могло ей принадлежать по чину мужа, она продолжает именоваться по старому паспорту капитаншей; свою фамилию она подписывает: «Ганнибалова», в просторечьи же ее зовут: «Ганнибальша».

В следующем году находим Сергея Львовича уже в соседнем приходе трех святителей, что у Красных ворот; там 3 февраля 1802 г. «в доме его сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова жительство имеющего Господина колл. ассесора Сергея Львовича Пушкина у служителя Василия Михайлова родился сын Сергей».

Той же весной 1802 г. в числе бывших у исповеди значатся из двора Юсупова Сергей Львович и Надежда Иосифовна Пушкины. При них показаны дети Ольга 4 лет, Александр 3 лет и Николай 1 года и дворовая их девица Клеопатра Иванова 30 лет.

Ценная для пушкинианы запись, показывающая, как и в каких пор повелось знакомство Пушкиных с Юсуповым. Двор Юсупова был расположен под № 17 по Козловскому пер. (известному позднее под именем Большой Хомутовки, а затем Б. Харитоньевского переулка). Обширное владение было застроено, кроме старинного двухэтажного дома, деревянными флигелями, два из них располагались вдоль по улице там, где теперь за узорной железной оградой зеленый газон. Визави этого владения стоял трехэтажный дом (ныне так называемый «Рабочий Дом» № 22 по Б. Харитоньевскому переулку), с большим раскинувшимся подле него садом или даже парком. При историко-экономических разысканиях К. В. Сивкова удалось установить, что Пушкины жили в «среднем желтом доме» (деревянном особняке, стоявшем параллельно каменным хорам Юсупова на нынешнем круглом дворе) и, внося в ноябре 1801 г. вперед за полгода 500 рублей, оплатили вторую половину лишь 24 ноября 1802 г.; с такой же рассрочкой оплатили и второй год найма по 24/XI, 1803 г. (Московское древлехранилище. Дела Моск.

Канц. Юсуп. архива, книги о приходе и расходе, в разделе разных сборов). По двору Юсупова числятся 104 человека дворни, там же один мелкий чиновник, один мещанин и жена портного и отдельной группой семья Пушкиных.

Само собою очевидно, что Юсупов мало нуждался в сдаче в наймы флигелей своего двора, и если сюда был допущен кто-то из посторонних, то уж наверно человек особо нужный и полезный для Юсупова. Что же могло сблизить небогатого коллежского ассесора и одного из первых богачей Москвы, управляющего императорскими театрами и организатора придворных развлечений во время коронации 1801 г. князя Николая Борисовича Юсупова?

По словам Бартенева и Анненкова, Сергей Львович «в высокой степени владел сценическим искусством и вместе с братом Василием игрывал на домашних представлениях» («Отечественные записки», 1853 г., ноябрь, отд. 2, стр. 11). Лучше его никто не умел организовать любительских спектаклей, декламировать Мольера и вносить оживление в общество, а это и было именно то, чего уже не хватало старому вельможе и записному театралу, владевшему труппой актеров и собственным театром на Хомутовке. На служении Мельпомене и Терпсихоре могли сойтись оба тонких любителя литературы и искусства, оба поклонника французской комедии и нашего Фонвизина¹⁾. Можно думать, по техническим соображениям, что театр Юсупова помещался в двухсветной зале старого дома XVIII в.; в таком случае квартиру Пушкина надо искать совсем рядом с Юсуповским театром. Пушкины прожили в Юсуповском дворе до середины 1803 г., судя по тому, что здесь записаны были у исповеди шестеро их дворовых: Иван Федоров 20 лет, вдова Ульяна Яковлева 35 лет, Николай Матвеев, Никита Тимофеев 26 л. (известный впоследствии дядька поэта) и две женщины.

Во дворе Санти .

В октябре того же 1803 г. Пушкины упоминаются снова в приходе Харитония во дворе графа П. Л. Санти (по поводу смерти ребенка у одного из их служителей).

Благодаря разысканиям Н. П. Чулкова, имеется возможность точно определить место «Сантиева двора»; теперь мы

---

¹⁾ Юсупов очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. Фонвизин был второй Бомарше в разговоре". Сам Н. В. Юсупов рассказывал А. С. Пушкину в декабре 1830 г., далеко не салонные анекдоты о Фонвизине, (См. письмо А. С. П. Вяземскому в янв. 1831 г.). После женитьбы поэта, Н. В. Юсупов был на балу у новобрачных 27 февраля 1831 г. в их квартире на Арбате в доме Хитрово (теперь под № 53; письмо А. Я. Булгакова в „Русском архиве“, 1902 г. кн. 1, стр. 56).

знаем, что на этом дворе новый дом по Б. Харитоньевскому пер. под № 8, где помещается лечебница, а также и постройки под № 2 по Мыльникову переулку. Переезд из Юсуповского двора в другой двор в том же переулке следует сопоставить с тем, что 24 января¹⁾ 1802 г. умерла 67 лет от роду крепко державшая в руках своих сыновей полковница Ольга Васильевна Пушкина, и сыновья ее получили возможность шире развернуть свои привычки к независимой жизни. Теща Мария Алексеевна Ганнибал ближе вопшла в жизнь беззаботного зятя и дочери, приняла на себя хлопоты о внуках и, по словам Янковой²⁾, как женщина очень умная, дельная и рассудительная, стала заведывать всем домом и детьми, принимая к ним мамзелей и учителей, да и сама учила.

Впрочем, осторожная и политичная теща сохраняет за собой и отдельную квартиру в одном из соседних кварталов во дворе стат. сов. Штритерши, где живут одни дворовые люди ее (теперь владения №№ 10 и 12 по М. Козловскому пер. и №№ 9—7 по Фурманному пер.) и только в 1805 г. окончательно переселяется к зятю.

С любовью подчеркнем, что в 1803 г., т.-е. когда Саше Пушкину было всего 4 года, при Марье Алексеевне «Ганнибаловой» записана по дому Штритерши и вдова Ирина Родионова 45 лет (исповед. вед. под № 324); она показана как-то особняком, после 8 других дворовых, принадлежащих Ганнибаловой, из чего можно предположить, что проживала она вне ее квартиры, а вероятно, у ее дочери; впрочем в последующие годы прославленная няня поэта уже ни разу не упоминается³⁾.

¹⁾ В „Москов. некрополе“ и в „Родословной Пушкиных“ М. В. Муравьева ошибочно указаны неразобранные на плите даты 22 января и 20 октября.

²⁾ Благово. Записки бабушки, 1885 г., стр. 459.

³⁾ По словам Ф. В. Растопчина „мамы или няни очень уважались всемях“; хотя мамы эти, хаживавшие за детьми, и были простые барские барыни без просвещения, в набойчатых или сятцевых кофтах, с повязанным на голове платком.

Няня Ирина Родионовна (1758—1828 гг.), занимала исключительное положение в семье Ганнибалов, Пушкиных и Павличевых; поэт, и взрослый продолжал звать ее „мамой“, а она слала ему письма в необычном для крепостной женщины тоне; А. П. Керн, Языков и Пушкин отметили ее значение. Старушка была родом из Ганнибаловской вотчины Суйды, что близ Кобрина и Гатчины и говорила нараспев, „там, эдак, все певком говорят“ (рассказ кучера Петра. Журнал Мпн. нар. просвеш., 1859 г., т. III, стр. 144), любила рассказать о „старых арапах“ (Абрам, Осип и др. Ганнибалы), выпить за одним столом с приезжими к поэту его товарищами и, не стесняясь своим возрастом, по их просьбе затянуть народную песню. Имея несколько своих детей, она все же жила и умерла у Павличевой.

Примечательно, что и все дочери Исаака Абрамовича Ганнибала отличались речью нараспев: „все они точно египетские голуби воркуят

Домовладелец генерал-майор граф П. Л. Санти 22 лет от роду был в числе любимцев Александра I, но некоторые годы проживал в Москве, имея при себе до 16 дворовых, в то время, как Сергей Львович имел от 4 до 13 душ. Кроме них во дворе жил еще чиновник Петров и уездный землемер Федотов (по многим данным отец будущего знаменитого художника, родоначальника нашего жанра). Трудно уяснить себе, как размещались в тесно застроенном дворе Санти и Пушкины¹⁾. В большом доме, длиной по фасаду в 29 арш. и шириной в 23 арш. и с мезонином, было до 100 кв. саж., в боковом флипеле всего 26 саж. Где-то во дворе жил дворовый портной графа Санти Березинский, «производивший женское портновское мастерство», о чем случайно знаем, так как в «Моск. ведомостях» публиковалось о побеге от него одного ученика (1799 г., стр. 978). Со всех сторон двор был застроен деревянными службами и повидимому обходился без садика и огорода.

. . . выговор у них такой африканский что ль, был“, вспоминали о них в Тригоровом (статья Семейского в „С.-Петербург. Вестн.“ 1866 г. № 157).

По словам того же дворового Петра, „он“ (поэт) ее все мамá называл, а она ему, бывало, в ответ: „батьюшка, зачем ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?“ — „разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила“ . . .

В этом рассказе, слышанном спустя 33 года после проживания поэта в усадьбе, возможны и позднейшие домыслы. „Мамá“ со столь необычным для русского уха ударением, есть не что иное, как французское „Maman“ в котором „n“ не слышится, и которое всегда означало не только родную мать, но и вообще старшую женщину, наставницу; к такому слову — употреблению был приучен и поэт. Да и в московском говоре, как видно из повести Растопчина, мамá было равнозначно с няней, независимо от того, была ли она кормилицей.

Не менее 10 художников пытались набросать воображаемый портрет ее. В Пушкинском доме при Академии Наук имеется резной из кости медальон с изображением женщины в шали и повязке, в котором некоторые хотят видеть именно Арину Родионовну (Дар Максима Горького. См. статью П. М. Устиновича и рисунок в „Красной панораме“ 1926 г., № 28).

В 1928 г., в столетнюю годовщину кончины ее, на Охтенском кладбище в Ленинграде прикреплена к стене памятная доска о неразысканной там могиле Арины Родионовны.

1) Внучка Абрама Ганнibalа и внук Франца Санти, наверно имели повод вспомнить семейные рассказы о приезде их дедов на службу к Петру I; как известно, за свою приверженность к партии дочери его Елизаветы, оба они попали в 1727 г. по воле Меншикова в ссылку, — один на китайскую границу, другой в Якутск, и только при Елизавете, вернувшись к власти; изумительна пылкость ума и живучесть сил у этих обрусевших негра и итальянца.

Здесь же появляется впервые геттингенский студент Александр Иванович Тургенев, робко вступающий в свиту Надежды Осиповны, блиставшей тогда среди столичных дам; всю привязанность своей души он потом переносит на ее сына Сашу и до гробовой доски часто заменяет ему родного отца; не он ли хлопочет о помещении его в лицей и об освобождении из ссылки, заботится о раненом и один из всех знакомых, невзирая на свой возраст, провожает труп его, чтобы зарыть рядом с могилой Надежды Осиповны.

Вот некоторые имена дворовых при Пушкиных в 1804 и 1805 гг.: Харитон Иванов 35 л. с женой, Иван Федоров 19 лет, вдова Ульяна Яковлева 37 л., вдова канцелярская жена Надежда Сергиева 51 г. и, наконец, Никита Тимофеев, по прозвищу Козлов, будущий верный спутник поэта и по Бессарабии и в последнем пути его на Святогорское кладбище. Это к нему относится трогательное воспоминание Н. В. Сушкова¹).

«Старый дядька Никита Козлов, можно сказать, не покидал своего питомца от колыбели до могилы. Он был, помнится, при нем и в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвая и бегая на колокольню Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями златоглавой столицы».

Именно к этому дому должно также приурочить следующий рассказ Сергея Львовича:

«В самом младенчестве он (А. С.) показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Мих. Карамзин — не по, что другие. Одним вечером Н. М. был у меня, сидел долго; во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год»²).

Юсупов сад

Отец поэта не любил деревни, и вряд ли маленький Сапа жила подолгу в деревне до 1807 года, когда бабушка Мария Алексеевна купила подмосковное село Захарово. Дачная жизнь еще не была распространена, и прелестями природы дети наслаждались в тех больших садах, которые местами занимали целые кварталы. Среди них Юсупов сад в Харитоньевском переулке (теперь под № 22) пользовался особой известностью и был доступен Пушкиным, как жильцам из двора Юсупова и знакомым владельца. Так как в конспекте своей биографии поэт записал рядом: «Первые впечатления. Юсупов сад. Землетрясение»³). Няня, то мы, наверно, не впадем в ошибку, если прочтем эти наброски, как глубоко залавшие в душу ребенка воспоминания о детских играх и прогулках в Юсуповом саду, что у Харитония в Огородниках. Недавно найденный Н. А. Пустохановым план показывает, что это был сад, распланированный более чем на десятины, на подобие Версальских садов, с правильными аллеями и круглым прудом, к которому спускались ступени

¹) Литературный сборник „Раут“, 1851 г.

²) Биографическая заметка отца поэта С. Л. Пушкина. „Огонек“ 1927 г. № 7.

³) Землетрясение в Москве произошло 14 октября 1802 г. и было отмечено газетами и многими современниками—мемуаристами.

двух лестниц; с улицы имелись парадные ворота, а за ними на площадке у входа в главную аллею, как можно догадываться по намеченным двум пьедесталам, возвышались мраморные статуи. В центре сада под двумя концентрическими окружностями рисуется нам круглая беседка, а правее ее, под косо поставленным прямоугольником, традиционный грот или искусственные руины, без которых по моде того времени не обходился ни один затейливый сад¹⁾.

Если такова, по архитектурным догадкам, картина Юсупова сада, то нам открывается интимный смысл незаконченного и долго не поддававшегося истолкованию стихотворения:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много,
Неравная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом²⁾ бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало,
И очи светлые, как небеса!
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и уроков,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня дерев прохлада;
Я предавал мечтам свой слабый ум,
И праздно мыслить было мне отрада.

¹⁾ „Желающие (из чистой публики) гуливали и в саду князя Юсупова (у Харитония в Огородниках, что ныне рабочий дом), несмотря на то, что сам хозяин его был долго вне России“—отмечает С. Любецкий в „Отголосках старины“, изд. 1867, стр. 41.

Попутно надо упомянуть, что Чистопрудного бульвара, который всего за 4 двора от дома Савти, еще не существовало, и открытый прутыр орошался ручьем Рачка, протекавшим от Мясницких ворот к Чистому пруду (План Москвы, изд. Куртенера, 1807 г.).

Любил я светлых вод и листьев шум.
И белые в тени дерев кумиры.
И в ликах их печать недвижных дум.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки в (белых) мраморных руках,
И длинные на их плечах порфиры.

Все наводило сладкой некой страх
Мне на сердце, и слезы вдохновенья
При виде их рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один — Дельфийский идол — лик молодой, —
Был гневен, полов гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой же нообразный сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный. . .

Теперь очевидно, что воспоминания Александра Сергеевича осенью 1830 г., в ряду других набросков, относившихся к его родословной и к детству, вдохновлялись Юсуповым садом, против которого и подле которого он жил до 7—8-летнего возраста, а, может быть, и дольше.

Картины детства воскресли в душе поэта после посещения Н. Б. Юсупова в 1829 и 1830 годах, в качестве желанного ему гостя и литературного собрата Вольтера, Дидро и Бомарше, Державина, Фонвизина и Дмитриева (знакомством с которыми всегда гордился Юсупов). И одряхлевший покровитель искусств, и молодой поэт, наверно, насчитывали своему знакомству более четверти века, еще с той поры как родители поэта проживали в доме Юсупова. Юсупов знал мать поэта «la belle gréole», а, может быть, помнил и курчавую головку резвившегося в его саду маленького Саши Пушкина. Старец хвалился воспоминаниями своей молодости и воздавал должное красоте невесты Пушкина — Н. Н. Гончаровой¹⁾. Поэт ответил на Юсуповское гостеприимство с дарственной щедростью, подарив потомству в опубликованном послании «К вельможе» художественную характеристику Юсупова, а вскоре затем написал терцины «В начале

¹⁾ Я слушаю тебя: твой разговор свободный

Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

жизни». Четыре раза поэт собственноручно переписывает их, но не заканчивает и до смерти своей не сдает в печать, считая их слишком интимной лирикой.

В этих чуждых всякой отвлеченности стихах Александр Сергеевич изображает одну из незаурядных и не казенного типа школ (быть может, один из детских пансионов, открывавшихся тогда заезжими иностранными учителями?) и свои частые украдкою побегии из фанатической школьной обстановки, от гувернанток-полумонашек¹⁾ «в великолепный мрак чужого сада», под свод порфириного грота, близ светлых вод и мраморных изваяний.

Известно, что Юсуповым садом, окруженным высокой каменной стеной, пользовались певицы из капеллы и балерины его театра, и что здесь устраивались ледяные горы для них, по крайней мере по данным после 1812 г.²⁾

Таково биографическое значение Юсупова сада, и таков был вид его до 1810 г., когда Юсупов приобрел подмосков-

1) По словам Ф. Ф. Вигеля (Записки, т. I, стр. 111) „в 1798 г. в Москве считалось до 20 иностранных пансионов, и они были хуже, чем народные школы, от которых отличались только тем, что в них преподавались иностранные языки. Мы были—настоящее училище колугаев. Догадливые родители не долго оставляли тут детей, а отдавали их потом в пансион университетский“. В некоторых учились вместе мальчики и девочки; были пансионы и под иезуитским влиянием, на что, между прочим, имеются намеки и в конспекте автобиографии поэта.

Труднее допустить, что могла быть речь о „Частном народном двухклассном училище“, помещавшемся в то время на Красноворотской площади (д. № 4, на месте, где ныне техникум), в котором одним из двух учителей был Андрей Васильевич Скворцов, как будто родной брат известного нам домовладельца. В 1812 г. в Москве было уже 26 частных училищ, содержавшихся большей частью иностранцами. (Чтения Моск. Общ. Ист., Древн., кн. 243, стр. 7).

В одном только районе Немецкого рынка и Елохова в 1807—1810 г. находились пансионы Марии Венуа, Гавриила Дельсаль и Борденау, впрочем среди пансионеров по исповедным спискам имя поэта не значится.

Мыслью о том, что в стих. „В начале жизни школу помню я“ Пушкин вспоминает Юсупов сад в Москве, мы обязаны впервые высказавшему возможность такой догадки М. А. Цявловскому. Другие предположения—проф. Н. Н. Булича и Л. И. Поливанова—о саде Бутурлиных (в Лефортове, Почтовая ул., 2, по берегу Яузы) кажутся нам менее обоснованными, так как поэт не упоминает об этом саде в конспекте биографии (написанном в те же дни, в октябре 1830 г.), а установка Бутурлинского сада статуями ничем не доказана, и самое проживание Пушкиных в Лефортове допустимо в более поздний период.

Впрочем, нельзя умолчать, что ближайшим соперником Юсупова сада мог бы считаться и Летний сад в Петербурге, обильно украшенный статуями, в котором А. С. несомненно бывал с И. И. Пущиным с конца июля до середины октября 1811 г., подготавливаясь в пансионе иезуитов перед открытием лицея. (Сравни.: „Меня везут в Петербург. Езуиты. Тургенев. Лицей“).

В исследовании академика М. Н. Розанова „Пушкин и Данте“ (1926 г.) сделан опыт истолкования этого стихотворения в символическом смысле и как подражания некоторым терциям „Божественной Комедии“ Данте (Пушкин и его современники, вып. XXXVII, изд. 1928 г.).

2) Кашия Н. П., Театр Юсупова, 1927 г.

ную Архангельское и начал украшать ее больше, чем сад у Харитония, статуями богинь и муз, в порфирах, с лирами, свитками, циркулями и прочими эмблемами, с какими они и посейчас стоят в подмосковной.

Хотя первые биографы поэта Анненков и Бартенев не упоминают об его ученьи в каком-либо пансионе, но факт этот представляется теперь более чем правдоподобным и, в качестве не удавшегося опыта, легко может служить объяснением, почему в дальнейшем появляются «первые неприятности — гувернантки», потом гувернеры и, наконец, «непереносимое состояние», заканчивающееся охотным отъездом в отдаленный лицей и разлукой с родителями. «До одиннадцатилетнего возраста А. С. воспитывался в родительском доме», — писал младший брат его Лев Сергеевич, но где он учился до начала тринадцатого года — остается недосказанным¹⁾.

Уголок поэтов

Тихие малолюдные переулки Огородной слободы были истинно-художественным и литературным центром в первые годы XIX века. Пройдемтесь по ним в десяток минут взглянуть, кто в них живет.

По Большой Хомутовке в д. № 10 во дворе гр. Сантти квартирует известный остроумец, эстет и вольтерьянец Сергей Львович Пушкин, поддерживающий связи с литературными кругами и сам пишущий французские стихи.

Рядом с Пушкинными в доме № 12 начинающий поэт Ив. Ив. Козлов (1779—1840 г.), будущий автор «Чернеца» и поклонник Пушкина.

Если повернем налево, то в М. Харитоньевском переулке под № 7 найдем прославленного уже поэта и бюмтиста Василия Львовича Пушкина²⁾. По Б. Хомутовке в доме № 14 живет в богатом доме вдова Е. П. Хераскова, невестка известного писателя, устраивавшая литературные вечера. Свернув в нынешний М. Козловский пер., во втором дворе налево (№ 12) найдем гостеприимного холостяка, сентиментального поэта и баснописца И. И. Дмитриева³⁾. По

¹⁾ Майков Л. — Пушкин. (Стр. 4).

²⁾ В 1803 г., после бракоразводного процесса с Капитолиной Михайловной Вышеславцевой, Василий Львович уезжает в путешествие по Западной Европе; в Париже он берет уроки театрального искусства, собирает ценную библиотеку и проникается новыми приемами литературного творчества в духе большей простоты и близости к живой речи, громким глашатаем которых и становится с тех пор в московских литературных кругах.

³⁾ В маленьком садике, где Дмитриев любил копаться на грядках, собирались его литературные друзья. В. А. Жуковский составил надпись к солнечным часам, стоявшим в этом саду:

Б. Хомутовке под № 15 — дом Вяземского (дяди поэта), а следующий двор — Юсупова.

В этих домах, по духу тесно связанных между собой, появляются и живут, как свои близкие: переводчик Жуковский, историк Карамзин, старик Херасков, Измайлов, Воейков, позднее Балюшков и многие другие литераторы того времени.

В Машковом переулке во дворе под № 3 нынешним — богатая семья Болховских, в которой молодой гвардеец Дмитрий Николаевич, один из участников убийства Павла I и близкий друг Пушкиных, открыто громит тиранию монархов. Это он впоследствии встретит в Кишиневе с распростертыми объятиями ссыльного Пушкина и раз навсегда зазовет его к себе залпосто обедать и коротать время.

А там в конце Б. Хомутовки, налево на углу Садовой живет гроза Москвы — обер-полицеймейстер Балашов (теперь в этом доме общежитие Общества политкаторжан).

Причудливо уживалось все в старой Москве.

В 1807 году мы уже не находим семьи Пушкиных ни во дворе гр. Санги, ни вообще в Огородной слободе. Дом Санги переходит в руки С. В. Шереметьева, а в 1808 г. и дом бабушки Ольги Васильевны (М. Харитоньевский пер. 7) наследники продают Л. А. Щербачеву.

Правда, в воспоминаниях А. Ю. Пушкина упоминается, что родители поэта жили после выезда из двора Санги во дворе Одоевского (на углу М. Козловского и Фурманного переулка), но документально это нигде не отмечено.

В 1809 г. поэт И. И. Дмитриев становится министром и переезжает в Петербург, а с ним навсегда прекращаются и литературные вечера у Харитония в Огородниках.

В сельде Захарове

И я считал когда-то восемь лет,
Они прошли в судьбе своей унылой,
Вот знает, как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было.

К. М. А. Дельвиг 1816 г

Где живут Пушкины в следующие годы, трудно пока установить с точностью, за недостаточностью архивных материалов. Известно только, что в 1807 году дети жили в

И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!
Прошла моя весна с минутной красотой!
Прости, любовь! Конец мечтам и заблужденью!
Лишь дружба мирная с улыбкой предо мной!

(Полн собр. соч., изд. 1918 г., т. I, стр. 91. Стихи написаны раньше 1811 г.).

сельце Захарове, где умер младший брат поэта Николай (род. 26 марта 1801 г., ум. 30 июля 1807 г., см. надгробную колонну при церкви с. Вязем; статья А. Саладина в сборнике «Дорогие места», под ред. И. А. Белоусова, 1918 г.).

Только под 1808 г. находится запись о полковнике (точнее бы сказать коллежском советнике) Сергее Львовиче Пупкине, проживающем в доме М. М. Данилова в приходе Бориса и Глеба на Поварской (по разысканиям Е. А. Ромейковой; теперь д. № 21 по ул. Воровского, б. Поварской). При нем показаны 14 дворовых¹⁾, но нет никакого упоминания о жене, о детях и о неразлучной с ними бабушке Ганнибалыше. Явление, казалось бы, непонятное, если не сопоставить его с записью в биографическом конспекте самого поэта: «Отъезд матери в деревню...». Это слабый намек, который нужно рассматривать в свете других общеизвестных данных о семейной и светской жизни супругов. Неумолимая придирчивость жены, «умевшей, что называется, дуться по дням, месяцам и даже целым годам», — и «нервические выходы» другого, в связи с фамильными примерами супружеских разъездов (у тещи Ганнибалыши и у брата Василия), достаточно объясняют эту временную разлуку слишком самолюбивых супругов. К этому присоединялись и начинавшиеся в семье денежные затруднения по оплате векселей²⁾, выданных дяде И. О. Ганнибалу, приведшие в конце концов к тому, что Ганнибалыша уже через 4 года вынуждена была отказаться от подмосковного сельца Захарова и продать его в чужие руки.

Быть может, когда-либо и будут найдены документы о проживании Пупкиных в 1809—1811 гг. где-нибудь близ Поварской, а пока остается обратиться к устному преданию литератора николаевских времен М. Н. Макарова, опубликованного в 1843 г.³⁾ сбивчивое воспоминание, переносящее Пупкиных опять в Немецкую слободу.

¹⁾ Среди последних только три ранее известных лица: Никита Тимофеев 30 лет, Евдокия Лаврентьева 26 лет и вдова Ульяна Яковлева 40 лет.

²⁾ Документы, опубликованные в „Русской старине“ 1879 г. за июнь.

³⁾ „Современник“, XXXIX. стр. 380.

Много лет спустя, вспоминая первую встречу со своим гонителем Александром I, поэт записал: „В 1810 г. в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой.“

На самом деле, царь был в Москве 7—12 декабря 1809 г. (Москов. Ведом. №№ 102—104), высоким же крыльцом с балконом по второму ярусу ставилась бывш. церковь Евпла во влад. № 7 по Мясницкой, а не Николы по № 35. Вблизи первой жили знакомцы Пупкиных Митьковы.

В другом месте поэт характеризует оживление подмосковных дач в наброске: „балы, театры, фейверки (извините не могу выговорить немедных этих звуков иначе как по московскому наречию).. В рощах Свирилова, Марфина, Петровского, Останкина гремела роговая музыка, плошки и цветные фонари оаряли английские дорожки, ширмы превращались в кулисы. Актеры“. (Неизданный Пушкин. Собрание Ф. А. Онегина изд. 1922 г., 187 и 190). Вероятно воспоминания выездов с родителями за город.

Портрет Пушкина (акварель) работы неизвестного. Приобретен Пушкинским Домом Академии наук в 1928 г.

По словам М. Беляева это „подлинный, современный и притом самый ранний портрет поэта“ („Красная Панорама“ 1929 г. № 22).

В Госпитальном переулке

Макаров рассказывает, что в 1810—11 гг. отец поэта жил «подле самого Яузского моста, т.-е. не проезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе, в каком-то полукирпичном и полудеревянном доме», в близком соседстве с Бутурлиными, даже будто бы «стена о стену». Еще позднее, в 1885 г., мемуарист Д. Благово поведал в «Рассказах бабушки Е. П. Янковой», что в 1810 или 1811 г. «Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных».

Не говоря уже о том, что «Елохов мост за Разгуляем» расположен у самого дома Мусиных-Пушкиных и в полуторах верстах от дома Бутурлиных, весь рассказ Благово содержит свободную композицию и явно отдает использованием ранее опубликованных материалов того же Макарова. Оба рассказа страдают одним преувеличением: сколько-нибудь долгое время Пушкины не могли жить у Бутурлиных, а если и гостили у них, то как дальние родственники и друзья, и возможнее всего, что это было летом 1811 г., после потери для них усадьбы Захарово.

К этому заключению приводит полное отсутствие записей в метрических и исповедных книгах богоявленского прихода о Пушкиных или об их дворовых за последние годы перед нашествием Наполеона. Нет записей ни по дому Бутурлиных, ни по новому дому Скворцова (теперь по Госпитальному пер. №№ 1 и 3, угол Почтовой 4), расположенному рядом с Бутурлиными, ни по всему приходу и даже по всей Лефортовской части.

К этому периоду относятся беглые упоминания Макарова о пробуждавшейся талантливости мальчика, назойливости любительниц его стихов, преследовавших его со своими альбомами, и о защите скромного поэта троюродной теткой Анной Артемьевной Бутурлиной. Живший в то время у Бутурлиных ученый француз Жилле, по словам Макарова, уже предугадывал: «Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет!»¹).

---

¹) Реми Жилле—губернер в доме Бутурлиных; за 1800 г. имеется запись о крестинах у Бутурлинского дворового, при которых „кум французской нации Еремей Мусь Желей, а кума девица Анна Юрьевна Пушкина“. Этот обрусевший француз, известный даже под именем Еремей и Петра Ивановича, командовал одним из калмыцких отрядов, действовавших против Наполеона, и умер в чине статского советника в 1840 г. (Записки М. Д. Бутурлина в „Русском архиве“ 1897 г., кн. II); вот—старейший пушкинист.

Старинный парк при доме Бутурлиных выгорел, заглох и почти уничтожен; пруды с голландскими каналами и искусственными островами, изображенные на голландских гравюрах 1710 годов, затянулись тиной и заросли на нашей памяти; но дом с оригинальными сводами в первом этаже (единственном здесь памятнике конца XVII века), уцелел, возбуждая удивление своею прочностью (Почтовая ул. 2, в глубине двора, в соседстве с Лефортовским дворцом). Теперь здесь дом принудительных работ для малолетних правонарушителей. Под этими сводами видели таких гостей, как Гордон, Лефорт и Петр I с плеядой его птенцов и сотрапезников; спустя столетие здесь жил Д. П. Бутурлин («Русский архив», 1897 г., № 2. Записки М. Д. Бутурлина), и у него-то будущий поэт мог дивиться редкой и обширной библиотеке.

«В теплый майский вечер, — вспоминает М. Н. Макаров, — мы сидели в саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства в А. С.—че. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показал нам свои стихи; за то множество живших у графини молодых девушек почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтобы он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто Н. Н., желая поправить это замешательство, прочел детский катрен (четверостишие) поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на о. А. С. успел только сказать: «ah, mon Dieu» и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «поверители, этот г. Н. Н. так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков». Вопсел граф с детьми. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой.

В детских годах Пушкин был не очень рослым дитей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым».

Если летом 1811 г. Пушкины, действительно, жили в Госпитальном переулке, то остается выяснить, в чьем именно дворе. Так как у Бутурлиных на правой стороне переуллка, судя по плану того времени, не было жилого дома, а лишь оранжерея, то квартиру их следует искать на левой стороне в новом дворе их давнего знакомого И. В. Скворцова (теперь №№ 1 и 3 по Госпитальному пер.). К этому времени Скворцов уже давно продал свой первый двор по Большой (Немецкой) ул., где родился поэт, и с 1804 г. владел почти рядом с Бутурлиными, перейдя лишь переулком, двумя деревян-

ными домами с участком в 1035 кв. саж. и, повидимому, садом (на нем¹); эта местность долго впоследствии имела загородный характер.

Учителя

Круг сверстников и товарищей поэта по играм раннего детства остается неизвестен нам. Немного больше сведений дошло до нас об учителях поэта; возможно, что в архивах, касающихся проживания в Москве иностранцев в начале XIX века, еще найдутся какие-либо крупицы. Сам поэт отметил только две фамилии своих учителей — Монфора и Русло, без пояснения, были ли они гувернерами в доме или приходящими учителями, и не владел ли Монфор собственным пансионом. В воспоминаниях Павлицева Монфор называется французским эмигрантом, графом, человеком образованным, гуманным и чуждым казарменных выходов, с незаурядным талантом живописца; ни имени, ни дальнейшей судьбы его история не сохранила²); насколько известно, носители этой фамилии, хотя и без титула, числятся в Москве и по сей день, занимаясь педагогическим трудом.

Преемник Монфора — Русло, или, быть может, правильное, Rousselleux, упоминается в качестве бездарного подражателя Корнеля и Расина и придиричливого критика первых французских виршей ребенка-поэта. Через четверть века фамилия Руссле встретится, как имя превосходного повара в петербургских аристократических домах, угощающего на славу Пушкина, Жуковского, Вяземского и др. (Записки Смирновой. 1894 г., стр. 219). Что здесь: случайное совпадение фамилий, превратности фортуны или возврат к старой профессии — судить теперь трудно³).

Учителя Шедель и Шиллер для нас сплошная загадка⁴).

¹) В архиве московск. губ. инжен., б. город. управы, имеется план 1804 г. на двор под № 218; по исповедным книгам видно, что здесь жили родители домовладельца и имелась квартира для посторонних, в которой помещались одно время 5 жильцов. Указанием второго скворцовского владения и разысканием плана на Бутурлинское владение мы обязаны Н. П. Чулкову.

²) По экономическим запискам в архиве Глебовой-Стрешневой, что под Москвой, известно о проживании у нее в 1824 г. домашнего учителя при ее сыне—А. С. Монфер, с окладом в 3.000 рублей ассигнациями в год (разыскания Н. П. Кашина).

³) В измене педагогической профессии для более прибыльного ремесла нет по тому времени ничего удивительного; напр., известно, что хороший художник Молинару, учивший у Бутурлиных, открыл после 1812 г. кондитерскую, переехав в Петербург. (Записки М. Д. Бутурлина). Руссле и Молинару—соседи и жертвы одной и той же обстановки.

В июне 1809 г. некий Карл Русело публиковался отъезжающим за-границу.

⁴) Фамилия Шедель принадлежит к вполне обрусевшим; известен архитектор Шедель, строитель дворца Меншикова в Ораниенбауме и храмов в Киеве, купивший на Украине хутор и оставшийся там с детьми; он умер в 1752 г. (И. Грабарь, Ист. рус. искусств., т. III, стр. 97).

Англичанка мисс Белли, повидимому, родственница лектора английского языка в Московском университете Белли, пользовавшегося широкой известностью, хотя и преподававшего с помощью французского языка¹⁾.

Из учителей «русской грамоты, а впоследствии и русской словесности» О. С. Павлицева ставила на первом месте свою бабушку М. А. Ганнибалъпу (уроженку Липецкого уезда, Тамбовской губ.), обладавшую, по ее словам, изящным слогом, кстрым любовались все читавшие ее письма.

«Настоящим же дельным учителем русского языка, арифметики и закона божия» П. В. Анненков считает Александра Ивановича Беликова, окончившего славяно-греко-латинскую академию, владевшего свободно латинским, немецким и французским языками, обрацавшего к французским эмигрантами и прославленного переводом в 1806 г. книги «Дух Масильона»²⁾.

В недописанной строке программы автобиографии поэта: «Кат. П. и Ан(на) Ива(новна)» как будто угадываются имена тех обрусевших гувернанток, которые делили с Монфором и Руссле заботы по учению детей.

У семейного очага

Общеизвестных сведений о холодном отношении обоих родителей к их старшему сыну и о какой-то семейной тайне, скрывающей причину такой холодности³⁾ не будем повторять: в них многое объясняется духом времени и светской суетностью родителей. Сергей Львович, по словам П. А. Вяземского, был в своем роде нежный отец, но нежность его черствела в виду выдачи денег; вообще он был очень скуп и на себя и на всех домашних; из-за случайно разбитой рюмки он мог выпылить и целый обед проворчать, а потом попрекнуть, что рюмка стоит, и не 20, а целых 35 копеек⁴⁾. Он был тщеславен в духе времени и не прочь сослаться не на штатский чин ассесора, а на воинский — майора и полковника⁵⁾; управлять своим захудалым имением он не умел

1) „Москвитянин“, 1851 г., № 9 и 10. Записки Тимковского.

2) В эти годы он был диаконом и законоучителем в девичьем Александровском институте. Позднее он преподавал в Практической академии коммерч. наук.

3) Проф. Незеленов. А. С. Пушкин, стр. 2, изд. 1903 г.

4) Вяземский, собр. соч., т. VIII, стр. 149).

5) Чин коллежского ассесора, равный майорскому, принадлежал к легко дававшимся при выходе в отставку; Москва была полна майоров и ассесоров, как в екатерининское время бригадиров.

В эпиграмме на Александра I, смеивая невысокий уровень его способностей, поэт наделил и его названным чином: „Воспитанный под барабаном, наш царь лихим был капитаном... но фронт герою надоел, — теперь коллежский он ассесор по части иностранных дел“.

Образцы стихотворений Сергея Льв. см. в статье Семевского в „Рус. вестн.“ за 1869 г. № 11.

и остался навсегда с репутацией начитанного остроумца, искателя французской рифмы для альбома или каламбура в обществе; конечно, в исторической перспективе и это неплохо, коль скоро этим путем прививалась детям любовь к красивой речи и оригинальной мысли.

Могло казаться странностью, что Надежда Осиповна не терпела заживаться на одном и том же месте и любила менять квартиры, а если переезжать нельзя было, то хоть превращать, не спрашивая Сергея Львовича, снисходительного к ее причудам, — кабинет его в гостиную, спальню в столовую и обратно, меняя обои, переставляя мебель и прочее¹). А между тем, и эта черта рисует неутомимый, мятущийся ум, ищущий возможности идти, и при скромных средствах, новые формы и новые сочетания красоты. В окружении таких родителей и в подражании им дети должны были унаследовать, по меньшей мере, страстное искание новизны и творческого своеобразия.

Александр Сергеевичу шел 13-ый год, а родители не отдавали сына ни в гимназию, ни в университетский пансион, задумав поместить его в закрытое учебное заведение в северной столице, при помощи таких знакомых, как Малиновский и А. И. Тургенев. Дружественные некогда отношения к последнему впоследствии заволжались, по крайней мере, со стороны Сергея Львовича, и ни та ни другая сторона не сохранили никаких воспоминаний друг о друге за эту эпоху²).

Сборы в отъезд

Как известно, не сам Сергей Львович, а брат его Василий Львович вызвался отвезти мальчика в Петербург и выхлопотать помещение его в лицей. Начались давно жданные сборы в дорогу. 15 июля 1811 г. была взята из богоявленской церкви выпись о рождении сына «в доме Скворцова» и, конечно, не без просьбы родителей новый священник Никита Иоаннов указал день рождения не 27, а 26 мая 1799 г. (метр. выпись опубликована в сборнике проф. Шляпкина).

¹) Павлицев, стр. 9.

²) И только в 1837 г. старик С. Л. Пушкин, потеряв уже жену и сына, счел долгом отметить в изысканном письме к А. И. Тургеневу участие его в судьбах покойного поэта. „Александр Иванович Тургенев, писал он Тургеневу же, был главным, единственным орудием помещения его в царско-сельский императорский лицей и ровно через 25 лет, он же, проводил тело на вечное последнее жилище... Да узнает Россия, что Вам она обязана любимым ею поэтом, а я, как отец, поставлю за утешительную обязанность изъяснить Вам все, чем исполнено мое сердце. Неблагодарность никогда не была моим пороком. Простите, будьте везде счастливы, как будете везде любимы. Не знаю, увижу ли вас, но куда жив, буду любить и вспоминать о вас с благодарностью. Искренно почтающий вас Сергей Пушкин. Июня 4-го 1837 г. Москва“ (Вестник Европы“ 1880 г., № 12).

К этому же именно времени, перед предстоявшей шестилетней разлукой родителей с сыном, следует приурочить, по психологическим и бытовым соображениям, зарисовку первого портрета Александра Сергеевича.

Подлинник его не дошел до нас, и нам даже неизвестно, кто из знакомых Пушкиным рисовальщиков (Монфор, Молинари, Ксавье де-Местр или кто другой из самоучек) изобразил его полнощеким, как херувимы Рафаэля, мальчиком, подпирающим правую щеку кулачком, в рубашонке и плаще через левое плечо ¹⁾.

При сборах в дорогу, тетушка Анна Львовна и сестра бабушки Варвара Васильевна Чичерина дали уезжавшему Саше сто рублей ассигнациями «на орехи», но дядя Василий Львович тут же взял себе эти деньги на сбережение. Спустя 14 лет, сидя в сельце Михайловском без денег и вспоминая об этом эпизоде, поэт писал П. А. Вяземскому, с присущим ему юмором: «Дядя Василий Львович по благорасположению своему ко мне и ко всей моей семье во время путешествия из Москвы в С.-Петербург взял у меня взаймы сто рублей» и далее, указывая, что за эти годы выросли бы проценты, просил дядюшку вернуть ему с процентами двести рублей ²⁾.

Во второй половине июля 1811 г., простившись со всеми близкими и напутствуемые семьей, дядя и племянник — один известный тогда поэт, другой безвестный подросток, — выехали на лошадях по Тверской дороге в далекий 4—5-дневный путь в Петербург, дядя на сезонное свидание с своими литературными друзьями, а племянник — вовсе не предвидя, что расстанется с Москвой на целые 15 лет.

Отзвуки детства

Заканчивая наш беглый обзор, мы должны были бы представить иллюстрационный материал к нему. Но Юсупов сад погиб в пожаре 1812 года; изображение дома Санти не сохранилось (в архиве луб. инж. имеется только план двора). Видов Харитоньевского пер. в начале 1800-х годов не удалось пока найти. В замену их обратимся опять к той же многокрасочной палитре Александра Сергеевича и возьмем у него

¹⁾ Впоследствии, в 1822 г. портрет был перерисован гравером П. Е. Гейтманом и долго сопровождался молвой, будто он написан то ли „наизусть, без натуры К. П. Брюловым“, то ли учителем рисования в лицее С. Г. Чириковым, хотя всякому очевидно, что ни тот, ни другой не знали поэта в том детском возрасте, в каком он изображен.—После нахождения более реалистических портретов А. С., изображающих его: в лицейском мундире (1817 г. у Энгельгарда) и у крымского водоема (1820), не может быть более места вышеупомянутой фабуле, ибо, сопоставляя с ними, нельзя приурочить портрет к возрасту старше 12 лет.

²⁾ (От 15 авг. 1825 г. в т. I писем, изд. 1927 г. под № 171).

образы, навеянные и интимно связанные и с тесным двориком Санти и с Харитоньевским переулком в целом.

Воспетая поэтом бригадирская дочь Татьяна Дмитриевна Ларина подъезжает к Москве.

Москва, Москва...
В сей утомительной прогулке
Проходит час — другой, и вот,
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке седой калмык.

(Происходит родственная встреча; Татьяне, привыкшей к горнице своей, нехорошо на новосельи).

Под занавескою шелковой
Не спится ей в постели новой,
И ранний звон колоколов
Предтеча утренних трудов,
Ее с постели подымает,
Садится Тая у окна...
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

Разве это не отзвук воспоминаний детства о дворике Санти?

В наброске 1833 г. под названием «Мысли в дороге» поэт, посетив Москву, писал:

«Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, залущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру. Великолешный бельэтаж занят мадамой для пансиона, и то слава богу. На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается в наймы — и никто его не покупает, и никто его не нанимает. Улицы мертвы: редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицеймейстеров, со своими казаками... Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленные после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во дворе живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе»¹⁾.

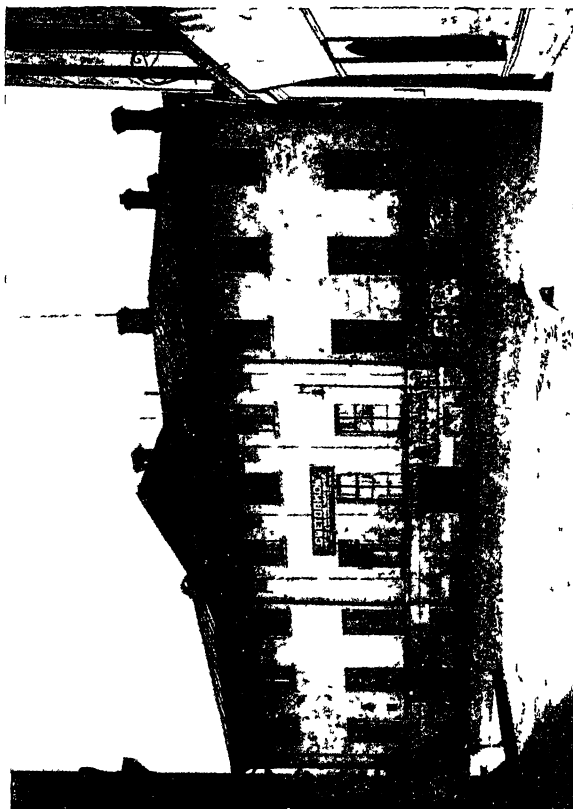
1) Изд. под ред. Венгерова, т. V, стр. 249.

И в этом отрывке чувство снова подсказывает: вот и здесь старые отголоски детства у Харитония в Огородниках — и сад одичалый, и вызолоченный герб на графском доме, и вывеска портного Березницкого, и полицеймейстер, скачущий с казаками в конец Харитоньева переулка, и заброшенный домашний театр Юсупова, и дряхлеющий особняк Санти, в котором некогда сходились люди, создававшие новую литературную эпоху и новое понимание жизни...¹⁾.

Так все проходит в нашем мире.
Не будет камней, лавров и утех,
Но след останется от тех,
Кого воспел поэт на вещей лире.

---

¹⁾ Топографические сведения о „дворах“, где жили Пушкины, основываются на подготовительных работах трех стадий: а) на разысканиях в архиве бывш. консистории по исповедным ведомостям записей о Пушкиных и фамилий домовладельцев, у которых они жили, б) на обследовании по окладным книгам трудами Николая Петровича Чулкова, под какими номерами значились в начале XIX стол. и позднее разыскиваемые домовладения и в) на проверке предыдущих данных по планам в архиве губерн. инжеп. Московск. губ.

Дом № 4, 6 Веневитиновых в Кривоколенном пер. Сохранился.
Фотография П. С. Касакина 1927 г.

Пушкин — москвич

I.

8 сентября 1826 г. Пушкин по повелению Николая I был привезен фельдъегерем в Москву, прямо в Кремль, в канцелярию дежурного генерала Потапова, а затем принят царем в Николаевском дворце. После разговора с царем он отправился, по словам М. Н. Лонгинова, в гостиницу в доме Часовникова на Тверской¹⁾, где оставил пока свой багаж, а оттуда поехал к дяде Василию Львовичу Пушкину. Дом Часовникова (теперь Тверская, 26) — это знаменитые когда-то палаты князя М. П. Гагарина, сибирского губернатора, казенного Петром I. Здесь находилась гостиница «Европа», основанная в 1821 г. Пекером и Ко., а в 1826 г. принадлежавшая Шестынину²⁾. «Нумера хорошо расположены, стол и вина довольно хороши», так рекомендует эту гостиницу путеводитель по Москве, того времени³⁾. По П. В. Анненкову Пушкин прямо из дворца явился в дом изумленного своего дяди В. Л. Пушкина, а затем переехал на житье к приятелю С. А. Соболевскому на Собачью площадку⁴⁾. Однако, о пребывании Пушкина в гостинице мы имеем свидетельства и других современников, именно К. А. Полевого, Н. В. Путьяты и самого Соболевского. Полевой вспоминает о своем посещении Пушкина так: «Он, временно, жил в гостинице, бывшей на Тверской, в доме князя Гагарина, отличавшемся вычурными уступами и крыльцами снаружи. Там занимал он довольно грязный номер в две комнаты, и я застал его... в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшим комфортом»⁵⁾. Путьята

1) М. Н. Лонгинов, изд. Л. Э. Бухгейма, т. I, стр. 165. Москва, 1915.

2) „Моск. Ведомости“ 1821 г., стр. 294; В. Соколов. Указатель жилищ и зданий в Москве. 1826 г., II, 324. Дальше в цитатах: Указатель 1826 г.

3) „Новейший и любопытнейший указатель Москвы или альманах для приезжающих в сию столицу и для самих жителей оной“. М. 1829, стр. 73. Дальше в цитатах: Указатель 1829 г.

4) П. В. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 325.

5) „Записки К. А. Полевого“, стр. 200.

также говорит, что Пушкин жил в гостинице на Тверской, но называет ее ошибочно «du Nord»¹⁾, в действительности, гостиница «Север», принадлежавшая Кошпу, находилась в Глининцевском переулке, и мы о ней еще будем говорить. Наконец, Соболевский в письме к М. Н. Лоягинову указывает, что Пушкин остановился в гостинице в доме Часовникова и к нему не переезжал²⁾.

Дядя поэта Василий Львович жил на Старой Басманной. Как видно из объявления в «Московских ведомостях» за 1825 г. (стр. 1827), он жил тогда не в своем доме, а в доме Кетчера против Главной аптеки (теперь Марксова улица, 36). Поблизости от этого дома был дом его сестры Анны Львовны, умершей 24 октября 1824 г.; дом продолжал числиться за ней по окладным книгам до 1829 г. и по всей вероятности им владели наследники, т. е. братья, в том числе Василий Львович, который мог и переехать в свой дом (теперь Марксова улица, 28).

В то время, как Пушкин находился у дяди, поблизости, в доме наследников «бриллиантового» князя А. Б. Куракина, баронов Вревских и Сердобинных (Марксова улица, 21), занятом французским послом маршалом Мармоном, герцогом Рагузским, происходил бал в присутствии царской семьи. Сюда съехалось высшее общество обеих столиц. Весть о приезде Пушкина скоро распространилась по всем залам. Сам Николай I сообщал ее своим собеседникам, как, например, Д. Н. Блудову³⁾. В числе гостей была и тетка поэта Елизавета Львовна Солнцева, уже осведомленная о приезде племянника. Она сообщила об этом приятелю Пушкина Соболевскому, тот с бала же поехал к Василию Львовичу и застал Александра Сергеевича за ужином. По словам П. И. Баргетнева Пушкин поручил Соболевскому на завтрашнее утро съездить к графу Ф. И. Толстому, знаменитому «американцу», упоминаемому Грибоедовым в «Горе от ума», и передать ему вызов Пушкина на дуэль по поводу старых счетов между ними. Толстого не оказалось в Москве, и дуэль не состоялась, впоследствии же противники помирились⁴⁾.

Пушкин, москвич по рождению, имел в Москве обширный круг родных, друзей и знакомых. Одним из первых визитов его было посещение Вяземских. С самим Петром Андреевичем Пушкин был в приятельских отношениях, а с его женой Верой Федоровной очень подружился во время своего пребывания в Одессе; последнее свидание с ней было в день отправления его в ссылку в Михайловское. Вяземские жили тогда, по свидетельству П. П. Вяземского, в Грузинах, цы-

1) „Рус. архив“, 1899 г. II, стр. 350.

2) „Пушкин и его современники“, XXXI—XXXII, стр. 40.

3) „Рус. архив“, 1865 г., 2 изд., стр. 1249.

4) Там же, стр. 1240.

ганском предместьи Москвы, на «сельскохозяйственном подворьи» вотчина Веры Федоровны П. А. Кологривова. Это владение находилось на углу Большой Садовой и бывшей Живодерки и впоследствии раздробилось на много отдельных владений (Большая Садовая, 1—9, улица Фридриха Адлера, 2—14). Приезд Пушкина произвел сильное впечатление на маленького тогда П. П. Вяземского. Впоследствии он так вспоминал об этом событии: «Пушкин, Пушкин приехал», раздалось по нашим детским, «и все дети, учителя, гувернантки, все бросились в верхний этаж, в приемные комнаты взглянуть на героя дня». Самого Вяземского тогда не было в Москве, он приехал только к концу коронационных торжеств. П. И. Бартенев со слов В. Ф. Вяземской рассказывает, что Пушкин, приехав к Вяземским по возвращении Петра Андреевича, не застал его дома: он уехал в баню. Пушкин отправился туда, и первое свидание приятелей произошло в номерной бане¹). Вскоре Вяземские переехали в свой дом в Чернышевском переулке (теперь улица Станкевича, 9), и Пушкин продолжал бывать у них и там. Вообще дом Вяземских был, как видно из донесения следившей за Пушкиным тайной полиции, одним из наиболее посещаемых им.

Из родственных домов Пушкин бывал у Веневитиновых (родство их было, впрочем, далекое). Они жили в своем доме близ Мясницкой, в Кривоколенном переулке (теперь дом № 4). И здесь приезд Пушкина произвел волнение среди молодежи. Молодой поэт Д. В. Веневитинов узнал об этом событии от княжны А. И. Трубецкой, также дальней родственницы Пушкина, бывшей на балу у Мармона.

Пушкин пригласил Веневитинова через Соболевского присутствовать при чтении его нового произведения — трагедии «Борис Годунов», и Веневитинов поспешил к нему с визитом, и затем слушал чтение, которое произвело на него большое впечатление.

11 сентября Пушкин посетил Веневитиновых и познакомился там с молодым историком и литератором М. П. Погодиным, также с волнением ожидавшим знакомства с поэтом. Погодин вел дневник и тщательно, хотя и очень кратко, записывал свои встречи с Пушкиным, благодаря чему сохранились для потомства драгоценные сведения о великом поэте²). Пушкин пробыл у Веневитиновых в первый

¹) П. П. Вяземский, стр. 508.

²) Все, касающееся Пушкина, извлечено из дневников Погодина М. А. Цявловским и опубликовано в выпусках XIX—XX и XXIII—XXIV издания «Пушкин и его современники». Погодин составил и более подробный рассказ о своих встречах с Пушкиным, но эта запись, повидимому, не сохранилась. В дальнейшем все сведения о Пушкине в связи с Погодиным ваяты из статьи М. А. Цявловского и отдельно не цитируются.

раз всего несколько минут и произвел на Погодина не очень благоприятное впечатление: «превертлявый и ничего не обещающий шаружи», записал он в своем дневнике.

На следующий день, 12 сентября, Веневитинов посетил Пушкина; первый вопрос его к гостю был: «где же Погодин?», чем он выразил желание поближе познакомиться с молодым ученым. Затем Пушкин обедал в ресторане Яра, а вечером отправился с Соболевским в Большой театр. «Французская ресторация» Яра помещалась тогда там же, где она находилась в 1829 г. и много позднее, на Кузнецком мосту, в доме Шавана (теперь дом 9)¹). Пушкину приходилось там обедать и впоследствии²). Большой театр только год тому назад был отстроен после пожара 1805 г., но впоследствии он вновь горел и был перестроен, поэтому современный Большой театр уже не таков, каким его видел Пушкин. В вечер его посещения давали комедию А. А. Шаховского «Аристокфан». В театре был и Погодин, осведомившийся у Пушкина, доволен ли он театром. «Зала прекрасная, жаль, что освещение изнутри», ответил поэт.

Первое появление Пушкина в театре произвело сенсацию, как об этом вспоминают очевидцы. Н. В. Пугтяга рассказывает: «Театр наполняли придворные, военные, гражданские чиновники, иностранные дипломаты, словом — все высшее блестящее общество Петербурга и Москвы. Когда Пушкин... вошел в партер, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший это имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе»³). То же самое говорит Н. С. Киселев со слов своей матери: «Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою»⁴). Погодин встретил Пушкина в театре еще раз, 28 сентября, когда давали оперу Россини «Итальянка в Алжире» взамен назначенного по репертуару «Фрейшица» Вебера, и балет «Зефир». На этом спектакле присутствовали и император с императрицей⁵).

16 сентября происходило народное гулянье на Девичьем поле по случаю коронации. Пушкин посетил его, а оттуда отправился обедать к своим дальним родственникам Трубецким. Князь И. Д. Трубецкой, троюродный брат Сергея Львовича Пушкина, женатый на Е. А. Мансуровой, обыкновенно жил зимою в своем известном доме — «комоде» на

¹) Указатель 1829 г., стр. 74.

²) Пушкин, Письма II, стр. 26.

³) „Рус. архив“, 1899 г., II, стр. 350.

⁴) Л. Н. Майков, Пушкин, стр. 361.

⁵) „Рус. архив“, 1901 г., II, стр. 401.

Покровке (теперь дом 22), а летом в своей подмосковной Знаменском, но в этом году по случаю коронации проводил лето с семьей на своей даче («залгородном дворе» по старинной московской терминологии) на Девичьем поле (теперь Усачева улица, 1, — рабочий сад имени т. Мандельштама). Трубецкие узнали о приезде Пушкина также в первый же день на балу Мармона: княжна Александра Ивановна стояла против царя и услыхала новость. Разговаривая по этому поводу, она сказала: «я теперь смотрю de meilleur oeil (с большим расположением) на государя, потому что он возвратил Пушкина». Когда Пушкину передали эти слова, он воскликнул: «Ах, душенька, везите меня к ней»¹⁾. На обеде у Трубецких был и Погодин, их домашний учитель, и записал в своем дневнике впечатление Пушкина от народного гулянья: «жалко, что на этом празднике мало драки, мало движения».

Пушкин привез с собою, как было сказано, свое новое произведение — трагедию «Борис Годунов». Уже на третий день, 10 сентября, он прочел ее своим друзьям на квартире у Соболевского, как об этом свидетельствует сам Соболевский²⁾; на этом чтении присутствовали П. Я. Чаадаев, Д. В. Веневитинов, граф М. Ю. Вьельгорский и И. В. Киреевский³⁾. Чтение повторилось в других знакомых домах. В конце сентября (после 19-го) оно происходило у Вяземского. 29 сентября он писал А. И. Тургеневу, что Пушкин читал ему «Бориса Годунова» и в этот же день будет снова читать у него свою драму для Д. Н. Блудова и И. И. Дмитриева⁴⁾. На одном из чтений у Вяземского присутствовал А. Я. Булгаков и 5 октября сообщал об этом своему брату. В этот день он впервые увидел Пушкина, и впечатление было вроде Погодинского: «рожа ничего не обещающая»⁵⁾. 25 сентября состоялось чтение у Веневитиновых в кругу самых близких знакомых: кроме А. В. Веневитиновой с сыновьями были Вяземский, В. Д. Корнильев... Эти чтения возбуждали интерес к «Борису Годунову» среди московской литературной и ученой молодежи, жаждавшей услышать новое произведение любимого поэта.

Наконец, 12 октября состоялось долгожданное чтение снова у Веневитиновых. На нем присутствовали, как устанавливает М. А. Цяпловский, Погодин, Шевырев, Соболевский, братья И. и П. В. Киреевские, братья А. С. и Ф. С. Хомяковы, затем, вероятно, В. П. Титов, Н. М. Рожалин,

1) «Пушкин и его современники», XIX—XX, стр. 74.

2) «Пушкин и его современники», XXXI—XXXII, стр. 40.

3) «Рус. архив», 1865 г. 2 изд. стр. 1240.

4) Архив Тургеневых, Переписка, т. I, стр. 42, 48.

5) «Рус. архив», 1901 г., II, стр. 405. Булгаков 5 октября был приглашен на литературный вечер В. Л. Пушкина. Возможно, что и Пушкин был там.

И. С. Мальцев, В. И. Оболенский, А. М. Кубарев и другие¹). Запись в дневнике Погодина в этот день была по обыкновению краткая: «Он у Веневитиновых читал песни, коими привел нас в восхищение... Наконец, прочел «Годунова». Вот истина на сцене». По прошествии же сорока лет он так вспоминал об этом чтении: «Октября 12, по утру, спозаранку, мы собрались все к Веневитинову; и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. В 12 часов он является. Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно. До сих пор еще, а этому прошло почти 40 лет, кровь приходит в движение при одном воспоминании... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эвая! эвач, дайте чаши. Явился шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать о Стеньке Разине, предисловие к «Руслану и Людмиле»²). Мы видим, что здесь память несколько изменила Погодину: в дневнике чтение «Бориса Годунова» стоит вторым номером, а первым — песни, в позднейшем воспоминании — наоборот.

На следующий день, 13 октября, у Веневитиновых было опять литературное чтение, на котором присутствовал Пушкин. «На другой день, вспоминает Погодин, было назначено чтение «Ермака», только что конченного и привезенного Хомяковым из Парижа. Ни Хомякову читать, ни нам слушать не хотелось, но этого требовал Пушкин. Хомяков чтением приносил жертву, «Ермак», разумеется, не мог произвести никакого действия после «Бориса Годунова», и только некоторые лирические места вызвали хвалу³).

Веневитинов и Погодин принадлежали к обществу любителей, занимавшемуся философией, преимущественно немецкой. В этом обществе принимали участие также братья Киреевские, С. П. Шевырев, Н. М. Рожалин, С. А. Соболевский, И. С. Мальцев и другие. Несмотря на свою нелюбовь к метафизике, Пушкин облизился с членами кружка, уже несколько лет стремившимися издавать свой журнал, и участвовал в их беседах на тему о журнале. Его приезд двинул дело вперед, и решено было издавать «Московский вестник» под редакцией Погодина. Рождение журнала было отпраздновано общим обедом всех сотрудников, в доме Хомякова

¹) Доклад М. А. Цявловского „Чтения Пушкиным „Бориса Годунова“ в Москве в сентябре — октябре 1826 г.“ прочитанным 24 октября 1926 г. в столетнюю годовщину со дня чтения Пушкиным „Бориса Годунова“ у Веневитиновых на закрытом заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности в доме, бывшем Веневитиновых (рукопись).

²) „Рус. архив“, 1865 г., 2 изд., стр. 1250—1251.

³) „Рус. архив“, 1865 г., 2 изд., стр. 1251.

24 октября. Присутствовали: Пушкин, знаменитый польский поэт Адам Мицкевич, отбывавший ссылку в Москве, Боратынский, Погодин, братья Веневитиновы и Киреевские, Шевырев, В. П. Титов, И. С. Мальцов, М. П. Розберг, С. Е. Раич, Рихтер, Оболенский, Соболевский, Хомяков. Пили за здоровье Мицкевича и Пушкина. «Нечего описывать, как весел был этот обед, вспоминает Погодин, сколько тут было шуму, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предположений»¹⁾.

Дом Хомякова, о котором здесь идет речь, — по всей вероятности, дом отца поэта, находившийся на углу Петровки и Кузнецкого переулка (теперь Петровка, 3), но неясно, происходил ли этот обед в квартире Хомяковых или в другом каком-либо месте.

Мы видим постоянное общение Пушкина с поэтами Веневитиновым, Боратынским, Мицкевичем и с будущими славянофилами. Он бывал у них, а они у него. Погодин, как видно из его дневника, часто заходил к Пушкину. Вероятно и Пушкин заходил к нему, но где жил Погодин в то время. сведений не имеется. У Погодина был дом, унаследованный от отца и находившийся на Земляном валу, в приходе Николая в Кобыльском, Басманной части, № 197 (теперь дом 15)²⁾, но в это время он был уже продан.

Мы знаем, что вскоре после посещения театра, 12 сентября, к Пушкину заходил Боратынский со своим свяком Н. В. Пугачей³⁾; надо думать, что и Пушкин бывал у Боратынского, который жил тогда в Столешниковом переулке, в доме проф. Малова⁴⁾ (теперь дом 6). Соболевский свидетельствует о посещении Пушкиным молодого филолога С. С. Мальцова, брата участника Веневитиновского кружка⁵⁾. Дом их отца находился на Девичьем поле (позднее в нем был Усачевско-Чернявское училище), но С. С. Мальцов после смерти отца жил в доме своего дяди И. А. Мальцова, женатого на бывшей жене В. Л. Пушкина, в Варсонофьевском переулке (дом 7).

Пушкин общался однако не только с кружком сотрудников «Московского вестника», но и с их противником, издателем «Московского телеграфа» Н. А. Полевым. В числе сотрудников этого журнала состоял Вяземский, да и сам Пушкин принимал в нем некоторое участие. Как рассказывает Ксенофонт Полевой, его брат первый поехал к Пушкину, затем Пушкин с Соболевским были у Полевых вечером и,

¹⁾ „Рус. архив“, 1865 г., 2 изд., стр. 1252. Розберг указан в числе присутствующих в дневнике Погодина, в позднейших же воспоминаниях своих Погодин вместо него называет Рожалина.

²⁾ Указатель 1826 г. I, стр. 190.

³⁾ „Рус. архив“, 1899 г. II, стр. 350.

⁴⁾ „Рус. старина“, 1908 г. № 12, стр. 760 (письмо Боратынского к Н. М. Кошину от 19 декабря 1826 г.).

⁵⁾ „Рус. архив“, 1908 г., III, 591.

наконец, К. Полевой навестил Пушкина в гостинице, где застал у него Погодина и Шевырева. Все эти посещения не способствовали однако сближению Пушкина с Полевым, и К. Полевой жалуется в своих записках на холодность со сторсны Пушкина¹).

Н. А. Полевой жил за Сухаревой башней, в доме 132 Мещанской части, докторши Л. Х. Поль²) (теперь 1-я Мещанская, 29, и по 2-й Мещанской, 36); здесь же был и его водочный завод.

К числу литературных знакомств Пушкина надо отнести и знакомство с цензором И. М. Снегиревым, профессором университета и археологом — знатоком старой Москвы. Его цензуру проходила вторая глава «Евгения Онегина». 18 сентября Соболевский привез ему рукопись стихотворений Пушкина; 24 сентября Снегирев записал в дневнике: «Был у А. Пушкина, который привез мне как цензору свою пьесу «Онегин», ч. II, и согласился на сделанные мною замечания»³). Из этих слов видно, что Пушкин и сам был у Снегирева. Впоследствии он еще заезжал к нему. Снегирев жил в своем доме близ Сухаревой башни на Троицкой улице (теперь дом 19).

Пушкин, которого правительство считало политически неблагонадежным, и после ссылки оставался под секретным надзором. Следивший за ним жандармский офицер Бибиков доносил начальству, что Пушкин из знакомых чаще всего бывает у кн. З. А. Волконской, кн. П. А. Вяземского, И. И. Дмитриева и С. П. Жихарева⁴). Все эти знакомства относятся также к числу литературных.

Известная поэтесса, «царица муз и красоты», как ее назвал Пушкин, княгиня Зинаида Александровна Волконская, рожденная княжна Белосельская-Белозерская, жила в великолепном доме своей мачехи на Тверской улице (теперь дом 40). Она прожила в Москве с 1824 по 1829 г. и сумела обратить свой дом, по выражению Н. П. Барсукова, в академию наук и искусств: украсила его оригиналами и копиями знаменнейших произведений живописи и ваяния; Веневитинов, Соболевский, Шевырев, Погодин, Киреевские, Хомяков встречались на ее вечерах с кн. Вяземским, Пушкиным, Мицкевичем, Боратынским и другими знаменитостями⁵). О посещениях Пушкиным Волконской вспоминают Вяземский, Андрей Муравьев и Л. Н. Обер⁶). Вяземский рассказывает,

1) „Записки К. А. Полевого“, стр. 198—204.

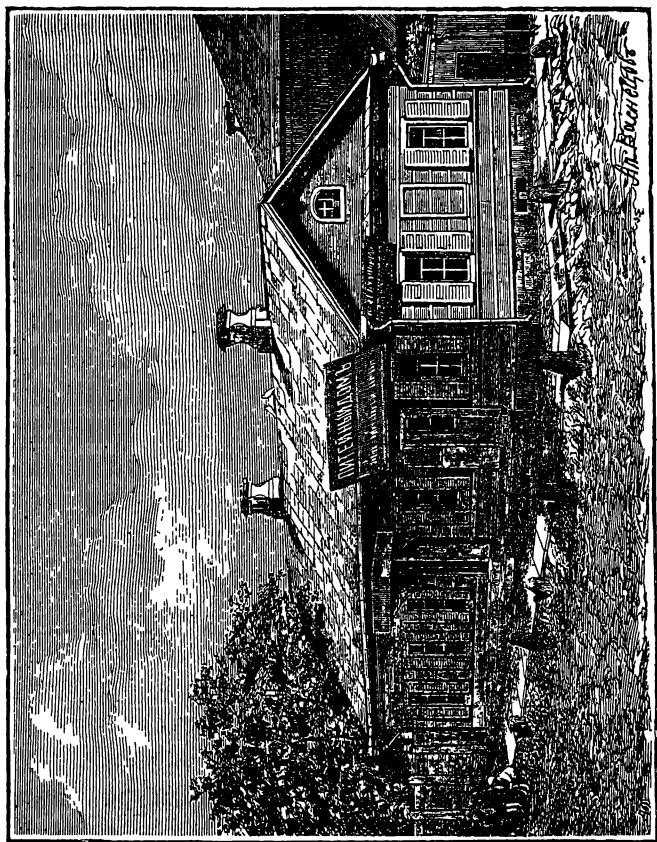
2) Указатель 1826 г., II, стр. 216.

3) „Пушкин и его современники“, XVI, стр. 45—53. (Из „Журнала“ И. М. Снегирева о Пушкине).

4) В. Л. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, стр. 33.

5) Барсуков, Жизнь и труды Погодина, II, стр. 36—37.

6) А. Муравьев, Знакомство с русским поэтом. Киев, 1871 г. Воспоминания Обера см. „Венок на памятник Пушкину“. Спб. 1880 г., стр. 340—343.

Дом № 12, б. Ренкевича на Собачьей площадке. Сохранился.
Рисунок А. М. Васнецова 80-х гг. XIX в.

что в первый же день знакомства с Пушкиным Волконская прочела его элегию «Погасло дневное светило», чем поэт был очень тронут¹⁾.

С. П. Жихарев, в то время московский губернский прокурор, был страстный любитель литературы и театра, сам писал для театра и поддерживал дружеские связи с писателями всех направлений, будучи членом консервативной «Беседы любителей русского слова» и передового «Арзамаса». В 1826 г. он жил в Кречетниковском переулке, в доме Аргамакова (теперь дом 3)²⁾. Однако уже с августа 1825 г. за женой его числился дом 4 Новинской части (теперь Новинский бульвар, 99). Здесь, вероятно, и бывал у него Пушкин.

И. И. Дмитриев, известный баснописец, бывший министр юстиции, друг С. Л. Пушкина, жил в своем доме на Спиридоновке (теперь дом 17), построенном им в 1814 г., когда он, выйдя в отставку, возвратился в Москву. При доме был большой сад, и все владение занимало около двух десятин. Здесь собирались у него ученые и писатели до Гоголя включительно. Вяземский воспел дом Дмитриева в стихах³⁾.

Выше было сказано о встречах Пушкина с Мицкевичем. Встречались они не только у знакомых, но и без сомнения бывали друг у друга. Познакомил их общий приятель Соболевский. Мицкевич жил с сентября 1826 г. до мая 1827 г. в доме Яковлевой на Покровском бульваре, а в мае переехал на Гороховое поле в дом графа Разумовского⁴⁾.

Неоднократно встречался Пушкин и со своим еще царско-сельским знакомым, бывшим лейбтусаром П. Я. Чаадаевым. Известен только позднейший адрес Чаадаева, который в 1831 г. жил в Столешниковом переулке, в доме Решетникова. (Пушкин адресовал ему письма на Дмитровку, дом Решетникова, но этот дом был тогда второй от угла Петровки, а теперь принадлежит к угловому владению до Петровке 15).

Повидимому, бывал Пушкин и у поэтессы, воспетой многими поэтами, Е. А. Тимашевой, рожденной Загряжской, по крайней мере есть известие, что он записал 20 октября 1826 г. в ее альбом свое посвященное ей стихотворение⁵⁾.

Кроме перечисленных лиц Пушкин бывал у известной М. И. Римской-Корсаковой, столь живо описанной Гершензоном в «Грибоедовской Москве», и у В. П. Зубкова. М. И. Римская-Корсакова жила в своем доме на Страстной площади (впоследствии 7-я гимназия, а теперь Коммуни-

1) П. А. Вяземский, т. VII, стр. 329.

2) Указатель 1826 г., т. II, стр. 165, т. I, стр. 114.

3) „Рус. архив“ 1893 г. III, стр. 295—296.

4) P. Ettinger, „Mickiewicz w Moskwie“. „Echo polskie“ 1915 г. № 15—16. По указателю 1826 г. дом Яковлевой был не на Покровском бульваре, а на Чистых прудах (теперь дом 9).

5) Пушкин, изд. Брокгауза под ред. Венгерова, т. IV, стр. VIII.

стический университет трудящихся Востока), где принимала «всю Москву». Об одном из вечеров, именно 26 октября, проведенном Пушкиным в этом доме, рассказывает А. Г. Хомутова¹⁾. Пушкин немного увлекался дочерью Корсаковой, Александрой, и был в приятельских отношениях с ее сыном Григорием.

В. П. Зубков, из одворянившегося купеческого рода, принадлежал до 1825 г. к кружку, близкому к декабристам, благодаря чему и ему пришлось посидеть в Петропавловской крепости. Он был женат на Анне Федоровне Пушкиной, из одного рода с поэтом. Зубковы в то время нанимали квартиру в доме Соковнина на Малой Никитской²⁾ (теперь дом 12). Знакомство с Зубковым имело результатом увлечение Пушкина его свояченицей Софией Федоровной Пушкиной. По собственному признанию Пушкина в письме к Зубкову он увидел ее первый раз в ложе в театре, второй раз на балу, а при третьем свидании сделал предложение. Сердце ее, однако, было уже занято, и Пушкин получил отказ³⁾.

В числе лиц, с которыми общался Пушкин в этот период, был его старый знакомый, двоюродный брат Анны Петровны Керн, впоследствии известный библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий. О их близости свидетельствует собственноручная запись поэтом конца его «Кинжала» в альбоме Полторацкого в сентябре 1826 г.⁴⁾

Дом родителей его был на Калужской улице (теперь № 14, где помещается Горная академия).

Имеются еще сведения, что Пушкин бывал у сенатора А. А. Арсеньева в его доме на Мясницкой (теперь дом 44). Об этих посещениях вспоминает сын Арсеньева Илья Арсеньев⁵⁾, но приурочить их к определенному году трудно; Арсеньев рассказывает о визитах Пушкина со своим отцом, между тем как он в зрелом возрасте не бывал в Москве одновременно с Сергеем Львовичем. В. В. Вересаев относит посещения Арсеньевых к периоду 1826 — 1832 гг.⁶⁾

Выше было указано, как отнеслись москвичи к появлению Пушкина в театре. Такое же отношение он встречал и в других местах. По свидетельству С. П. Шевырева «во всех

1) „Рус. архив“, 1867 г., стр. 1067—68.

2) „Моск. ведомости“, 1826 г., № 85, стр. 3465.

3) Об отношениях Пушкина и С. Ф. Пушкиной см. статью Кони „Первое сватовство Пушкина“ в соч. Пушкина под ред. Венгерова, т. III.

4) М. А. Цявловский, Автограф стихотворения Пушкина „Кинжал“ Голос минувшего, 1923 г., № 1, стр. 21—25.

5) И. А. Арсеньев, Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний). Истор. вестник, 1887 г. № 1, стр. 78—79. Эти воспоминания вызывают сомнения в своей достоверности.

6) Вересаев, Пушкин в жизни, 2-е изд., т. II, стр. 136. По Указателю 1826 г. А. А. Арсеньев жил в доме кн. Одоевского в Старо-Гааетном переулке (нынешний МХАТ); отсюда он переехал на Мясницкую.

обществах, на всех балах, первое внимание устремлялось на нашего гостя, ... в мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта непрерывно»¹). Общее внимание обращалось на Пушкина и на гуляньях, например, под Новинским.

Уже через неделю после приезда в Москву Пушкин писал П. А. Осиповой: «В Москве шум и празднества, так что я уже устал от нее и начинаю вздыхать о Михайловском, т. е. о Тригорском, и рассчитывало уехать отсюда не позже, как через две недели». В действительности Пушкин уехал не через две недели, а через полтора месяца, 1 или 2 ноября. 9 ноября он уже писал Вяземскому из Михайловского: «Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал».

II.

19 декабря Пушкин был снова в Москве. Погодин занес в дневник свои впечатления от его приезда: «Засыпаю... вдруг шум и стук. Приезжают Шевырев, Оболенский, Соболевский, которые восклицают, что приехал Пушкин. Я не верю и бьюсь об заклад». Остановился Пушкин у Соболевского. Погодин, придя на следующий день к Соболевскому, убедился, что Пушкин действительно приехал, и тотчас принялся за чтение с ним «Бориса Годунова», намеченного к помещению в первой книжке «Московского вестника» за 1827 г.

Соболевский жил на Собачьей площадке, на углу Борисоглебского переулка, в доме А. А. Ренкевич, в маленьком невзрачном флигеле²) (теперь Собачья площадка, 12, Борисоглебский переулок, 2). Через сорок лет Соболевский так описывал в письме к Погодину свое посещение этого дома и вспоминал свою жизнь в нем с Пушкиным:

«Мы ехали с Лонгиновым через Собачью площадку: сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевича, в котором жил я, а у меня Пушкин... Сравнялись с прорубленной мною дверью на переулок — видим на ней вывеску: продажа вина... Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ержаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Боратынский, вы, я... и другие мужи,

¹) „Москвитянин“, 1841 г., ч. I, стр. 522.

²) Таков дом теперь, но без сомнения он и раньше не отличался красотой.

вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!!» На это письмо Погодин отвечал: «Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 гг., помню его письменный стол, между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: «ученику-победителю от побежденного учителя»... Однажды мы пришли к Пушкину рано с Шевыревым за стихотворением для «Московского вестника», чтоб застать его дома, а он еще не возвращался с прогульной ночи и приехал при нас! Помню, как нам было неловко...»¹⁾. Несмотря на свое нерасположение к хозяину квартиры, Погодин часто бывал у Пушкина и так однажды запечатлел в своем дневнике возмущение поведением обоих приятелей: «Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове». Сам Пушкин в письме к своему приятелю Каверину называл свою квартиру «съезжей» (полицейский участок), а Соболевского частным приставом. Погодин во время одного из своих посещений Пушкина встретил у него Павла Воиновича Нащокина, который впоследствии играл видную роль в московской жизни нашего поэта.

Пушкин не только принимал своих приятелей у себя и кутил по ночам, но и посещал своих друзей и знакомых. Изредка бывал он у своего дяди Василия Львовича, жившего на противоположном конце города, и тетушки Елизаветы Львовны Солнцева, которая жила гораздо ближе: на Остоженке, в доме Черевина²⁾ (теперь дом 5). Здесь в 1827 г. в зале Солнцевых француз Декамп, поклонник новой романтической школы и враг классиков, читал лекции о французской поэзии. Как рассказывала П. И. Бартенева А. П. Елагина, племянница Жуковского и мать Киреевских, Пушкин бывал на этих лекциях и своим отношением к ним способствовал их неуспеху³⁾. 22 декабря Пушкин был у Зубкова и у него написал свои стансы «В надежде славы и добра»⁴⁾, а 26 декабря был на вечере у Зинаиды Волконской, устроенном ею для своей невестки М. Н. Волконской, рожденной Раевской, жены декабриста, предмета «утаенной любви» Пушкина по мнению некоторых пушкинистов. М. Н. Волконская заехала в Москву по пути в Сибирь, куда был сослан ее муж. Этот памятный для нее вечер она впоследствии описала в своих мемуарах. Пушкин хотел через нее переслать свое послание к «узникам» («Во глубине сибирских руд...»),

1) Барсуков, Жизнь и труды Погодина, II, стр. 63—64.

2) Указатель 1826 г., II, стр. 173.

3) «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартенева», стр. 54. Об этом эпизоде см. примечание М. А. Цявловского там же, стр. 132—133.

4) Пушкин, Письма, II, стр. 215, 221.

но она в ту же ночь поехала дальше, и Пушкин передал свое стихотворение своей дальней родственнице, жене декабриста Никиты Муравьева, Александре Григорьевне Чернышевой, рожденной графине Чернышевой тоже последовавшей за своим мужем. Она была в Москве также очень короткое время и останавливалась у своих родителей, живших на Самотечной Садовой, на углу Большого Спасского (теперь Каретного) переулка, в доме В. П. Тургеневой, матери Ивана Сергеевича (теперь дом 14). Здесь-то Пушкин и вручил ей свое послание к декабристам¹⁾.

В другой вечер у Волконской Андрей Муравьев, брат декабриста Ал. Н. Муравьева, нечаянно сломал руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральный зал, и в свое оправдание написал стихи на пьедестале статуи. Это происшествие дало Пушкину сюжет для известной эпиграммы на Муравьева:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!²⁾

Кроме Волконской Пушкин часто бывал у Ушаковых и Урусовых. Николай Васильевич и Софья Андреевна Ушаковы жили в своем доме на Средней Пресне (теперь дом 16). В семье были две взрослые барышни — Екатерина и Елизавета. По словам П. И. Бартенева Пушкин увидел в первый раз Екатерину Ушакову на балу в благородном собрании (ныне Дом Союзов) и сразу увлекся ею³⁾. По свидетельству одной современницы это увлечение было так сильно, что на балах и гуляньях он только и говорил, что с ней. Пушкин стал бывать у Ушаковых и вскоре сделался своим человеком у них. По словам той же современницы в доме Ушаковых все напоминало о Пушкине: на столе — его сочинения, между нотами романсы на его слова, в альбомах обеих барышен его рисунки; разговоры все время вертелись вокруг имени Пушкина⁴⁾.

У Урусовых Пушкин часто бывал весной 1827 г. Дом князя Ал. М. Урусова, женатого на Ек. П. Татищевой, находился

1) „Рус. архив“, 1874, III, 703.

2) Пушкин, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 452; см. примечание к эпиграмме — т. IV, стр. XXIX—XXX.

3) „Рус. архив“, 1912 г., III, стр. 300.

4) „Пушкин и его современники“, V, стр. 121.

на Кудринской-Садовой, на углу Спиридоновки (теперь дом 26 по Садовой, 40 по Спиридоновке). В семье были три дочери-красавицы; старшая Мария была в это время уже замужем за графом И. А. Мусиным-Пушкиным, а впоследствии была женой лицейского товарища Пушкина князя А. М. Горчакова; младшие еще не были замужем. Двоюродный их брат В. Д. Соломирский дривентовал Пушкина к одной из них и из-за пустяка вызвал его на дуэль 15 апреля. Благодаря усилиям секундантов — со стороны Пушкина П. А. Муханова и со стороны Соломирского — А. В. Шереметьева и посредничеству Соболевского дуэль была предотвращена, и ссора закончилась примирением¹⁾.

Вышеупомянутый Муханов принадлежал к семье, также близкой Пушкину, который был в приятельских отношениях с его двоюродными братьями Владимиром Алексеевичем (один из «архивных юношей») и Александром Алексеевичем (адъютант главнокомандующего 2 армии графа Витгенштейна). Владимир Алексеевич присутствовал на одном из чтений «Бориса Годунова» у Пушкина в предыдущий его приезд, а Александр Алексеевич был в Москве в отпуске в феврале — мае и часто виделся с Пушкиным, о чем сообщал 16 марта своему брату Николаю²⁾. В. А. Мухановы жили в доме своего отца Алексея Ильича на Остоженке (теперь дом 7). Сюда, вероятно, приезжал Пушкин и для переговоров с Павлом Мухановым о дуэли с Соломирским³⁾.

Сохранилось несколько показаний современников о встречах с Пушкиным в театре, Английском клубе и на гуляньях. Так его бессарабский знакомый, известный мемуарист Ф. Ф. Вигель встретил его 7 февраля в итальянской опере в доме Апраксина на Знаменке (ныне здание Реввоенсовета на улице Фрунзе) на представлении оперы Россини «Сорока — воронка» (после этой встречи Вигель несколько раз посетил Пушкина на квартире Соболевского⁴⁾). А. Я. Булгаков писал брату 29 марта, что видел в Английском клубе Пушкина в обществе Вяземского и Дмитриева⁵⁾, а 11 марта он же писал брату: «Мороз, и снегу более, нежели когда-либо, а были дни такие веселые. что я поэта Пушкина видел на буль-

1) „Пушкин, Письма, II, стр. 239—240. Оба секунданты были адъютантами корпусного командира графа Толстого. Муханов был брат декабриста, а Шереметев сам был прикосновенен к делу декабристов.

2) Пушкин, Письма, II, стр. 26, 226.

3) По Указателю 1826 г., П. А. Муханов жил в доме № 461, Арбатской части, соответствующем дому священника на монастыре ц. рождества в Палашах, а Шереметев там был вероятно опечатка: дом А. И. Муханова был тоже под № 461, только Пречистенской части (см. Указатель, I, 424, II, 169).

4) „Записки Вигеля“, VII, стр. 133. См. „Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Вартеневым“, стр. 131—132,

5) „Рус. архив“, 1901 г., III, 27.

варе¹⁾ в одном фраке»²⁾. Эта встреча произошла еще в феврале, потому что 2 марта Пушкин писал Дельвигу: «у нас была весна, оттепель... Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили». В марте В. Ф. Щербakov видел Пушкина на Тверском бульваре гуляющим с Г. А. Римским-Корсаковым и беседующим с Зубковым и Б. К. Данзасом, которых он там встретил³⁾. В апреле его видел на гуляньи Погодин. Ранней же весной Пушкин с Соболевским ездил верхом в Архангельское к князю Н. Б. Юсупову, о чем впоследствии вспоминал Соболевский в беседах с П. И. Бартеневым⁴⁾. Т. П. Пассек вспоминает, как она с Герценом видела Пушкина и Боратынского в Благородном собрании⁵⁾.

К этому же времени относятся посещения Пушкиным известного художника-портретиста В. А. Тропинина для позирования. Тропинин жил на углу Ленивки и Волхонки (тогда Иречистенки) в доме Зимулина⁶⁾ (теперь дом 11—13).

Пришлось Пушкину делать визиты и не по доброй воле: он дважды был вызван в двадцатых числах января к обер-полицеймейстеру Д. И. Шульгину для допроса по делу Алексева, Молчанова и Леопольдова о распространении непропущенных цензурой строк из элегии Пушкина «Андрей Шенье», которые приурочили к событиям 14 декабря. Шульгин жил на Большой Дмитровке в доме кн. Д. В. Голицына, московского генерал-губернатора⁷⁾ теперь здание МК ВКП(б), но он мог вызвать Пушкина не к себе на квартиру, а в свою канцелярию, которая тогда помещалась в Столешниковом переулке, в доме купца Вагина⁸⁾ (теперь дом 4).

Страстный игрок по натуре, Пушкин и в Москве увлекся карточной игрой. Жандармский генерал Волков (зять М. И. Римской-Корсаковой) доносил Бенкендорфу, что поэт Пушкин «принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял музу на муху, которая теперь из всех игр в большой моде»⁹⁾.

24 апреля Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему приехать в Петербург по семейным обстоятельствам. Письмом от 3 мая Бенкендорф ответил Пушкину,

1) Тверском.

2) „Рус. архив“, 1901 г., III, стр. 24.

3) Сочинения А. С. Пушкина, изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Бирюмова, т. VIII, стр. 111.

4) „Рус. архив“, 1899 г., II, стр. 90. Бартнев не указывает даты поездки, но Пушкин с Соболевским были в Москве ранней весной только в 1827 г.

5) „Воспоминания Т. П. Пассек“, 2 изд., т. I, стр. 201—202.

6) Указатель 1826 г., I, стр. 26, II, стр. 202.

7) Указатель 1826 г., I, стр. 12, II, стр. 478.

8) Там же, I, стр. 11, II, стр. 145.

9) Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, стр. 35.

что на его просьбу последовало монаршее соизволение. 15 мая Погодин устроил прощальный завтрак для Пушкина. Об этом завтраке И. М. Снегирев записал в своем дневнике: «Зашел к Погодину на завтрак, где я нашел Пушкина, князя Вяземского... За столом Пушкин с Боратынским написали на Шаликова следующее по случаю рассказанного анекдота: «Князь Шаликов, газетчик наш печальный» и т. д.¹⁾

Этот же завтрак, на который Погодин пригласил многих литераторов и поэтов, упоминается в заметках В. Ф. Щербакова о пребывании Пушкина в Москве²⁾. На следующий день Пушкин принял участие в вечеринке во враждебном «Московскому вестнику» лагере — у Н. Полевого. По пути на Мещанскую к Полевому Пушкин и Соболевский заехали на Троицкую к Снегиреву. По словам Кс. Полевого у его брата в этот вечер собрались все пишущие друзья и недруги, ужинали, пировали всю ночь и разъехались уже утром. «Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои неизвестные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шутливые стихи Дельвига, Боратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге»³⁾.

Наконец, наступил день отъезда Пушкина — 19 мая, Соболевский устроил своему другу проводы на своей даче в Петровском парке, бывшем тогда еще в зачаточном состоянии. Среди друзей и знакомых, явившихся проводить Пушкина, были Мицкевич, братья Полевые... Сам Пушкин долго не являлся. Наконец, приехал А. А. Муханов и сказал, что он был с Пушкиным на гуляньи в Марьиной роще и что Пушкин скоро явится. Уже совсем стемнело, когда приехал Пушкин, по словам Полевого рассеянный, невеселый, и тотчас после ужина заторопился ехать. Подали коляску, и Пушкин уехал⁴⁾.

III.

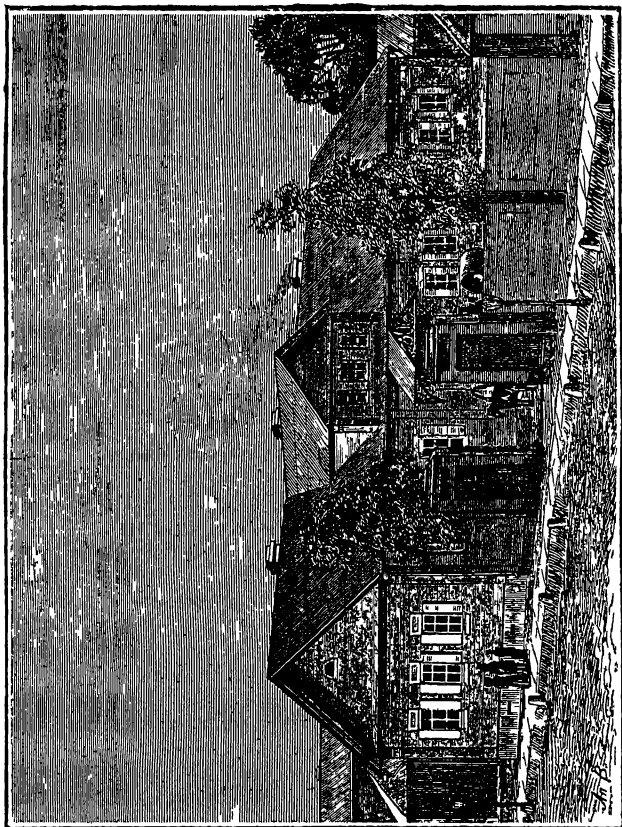
Пушкин не был в Москве почти полтора года. Он приехал туда снова 6 декабря 1828 г. и пробыл месяц. Где он остановился, точных сведений не имеется. Возможно, что именно к этому приезду относится остановка в гостинице в Глинищевском переулке в доме Обер-Шальме, о которой рассказывает в своих упомянутых выше воспоминаниях о Пуш-

¹⁾ „Пушкин и его современники“, XVI, стр. 50.

²⁾ А. С. Пушкин, изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова. т. VIII, стр. 111.

³⁾ „Записки К. А. Полевого“, стр. 209.

⁴⁾ Там же, 210. Полевой объясняет настроение Пушкина неприятностями по поводу дуэли (?), окончившейся не к славе поэта.

Дом № 50, б. Гончаровых на ул. Герцена. Не сохранился
Рисунок А. М. Васнецова 80-х гг. XIX в.

кине владелец этого дома Л. Н. Обер: «в 1829 г., кажется, Пушкин из Одессы приехал в Москву и остановился в моем доме». Автор примечаний в книге «Разговоры Пушкина» отгосит этот эпизод к 1827 или 1828 г.¹⁾, но мы точно знаем, где жил Пушкин до мая 1827 г., после же этого он не был в Москве до декабря 1828 г. Из рассказа Обера, видно, что Пушкин вскоре уехал в Петербург, а затем вернулся в Москву. Так было именно в 1829 г. В доме Обера находилась в то время гостиница «Север» Кюппа.

На следующий же день после приезда Пушкина с ним поспешил увидеться Погодин и затем неоднократно его посетил. Пушкин привез новое свое произведение, получившее впоследствии название «Полтава», а тогда называвшееся «Мазепой». Надо было переписать новую поему для представления Николаю I, и Погодин вызвался устроить переписку. Пушкин по этому делу дважды заезжал к Погодину. «Полтава» была прочитана Пушкиным друзьям, но обстановка, при которой происходило это чтение, не напоминала описанного выше чтения «Бориса Годунова» у Веневитиновых. Вяземский так вспоминал об этом: «В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» в Москве у Сергея Киселева при «американце» Толстом и сыне Башилова²⁾, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чужь ли не на Толстого»³⁾.

С. Д. Киселев, младший брат известного деятеля времен Николая I, в то время отставной должковник, жил в 1826 г. в доме графини Голдовкиной на Никитском бульваре⁴⁾ (теперь дом 8), но продолжал ли он там жить зимою 1828—1829 гг., когда у него происходило чтение «Полтавы», неизвестно. Позднее, в 1830 годах Киселев, как установлено Н. П. Розановым на основании церковных исповедных книг, жил, уже будучи женатым, в доме гр. Шереметева на Поварской улице (теперь дом 27), а в 1839 г., он жил на Собачьей площадке в доме Левенталь (б. Ренкевича)⁵⁾, т.-е. в том владении, где за 12 лет до того жил Пушкин у Соболевского.

1) Очевидно на основании слов Б. Л. Модзалевского о том, что Пушкин в 1827 и 1828 гг. «неоднократно бывал в обеих столицах» («Пушкин и его современники», вып. IX—X, стр. 7). См. «Разговоры Пушкина». Собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский. Москва, 1929, стр. 137.

2) Башилов—отец, Александр Александрович (1777—1847 г.), состоявший в то время в распоряжении московского генерал-губернатора, впоследствии сенатор и в 1831—1832 гг. директор комиссии строений, устроитель Петровского парка. А. А. Башилов—сын писал стихи. В своем письме к Пушкину от 7 июля 1833 г. он пишет: «... первым вам обязан развитием малых своих способностей: вы поощряли меня на полище словесности... Я никогда не забуду времени, проведенного мною с вами в Москве».

3) Вяземский, X, стр. 3.

4) Указатель 1826 г., I, стр. 21, II, стр. 166.

5) Книга адресов 1839 г.

Из знакомых Пушкин продолжал бывать у Ушаковых, З. А. Волконской и М. И. Римской-Корсаковой. Волконская попрежнему собирала на своих обедах по воскресеньям цвет московской интеллигенции. И. В. Киреевский сообщил Соболевскому, бывшему тогда за границей, что Пушкин был у Волконской раза три. Он навещил и самого Киреевского, жившего со своей матерью А. П. Елагинной в ее доме у Красных ворот (теперь Хоромный тупик, 4). Соболевский при отъезде за границу перевез свою библиотеку к Киреевскому, и Пушкин во время своего посещения принялся отбирать из этой библиотеки свои книги, данные Соболевскому¹). 12 декабря Вяземский, сообщая А. И. Тургеневу о приезде Пушкина, писал о нем, что он накануне должен быть в первый раз по приезде у М. И. Римской-Корсаковой, «еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отштанулись»²). Если до 12 декабря Пушкин еще ни в кого не влюбился, то вскоре в нем зародилось новое чувство, которому суждено было одержать верх над всеми прежними увлечениями: на одном из балов³) он увидел шестнадцатилетнюю Наталью Николаевну Гончарову и был поражен ее красотой.

Около 5 января Пушкин выехал из Москвы. В день отъезда он писал Вяземскому, приглашая его к себе: «Баратынский у меня... я еду часа через три. Обедать не дожидусь, а будет у нас завтрак...»⁴)

Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 9 января так характеризовал настроение Пушкина в этот приезд: «Он что-то во все время был не совсем по себе, не умею объяснить, ни угадать, что с ним было, mais il n'était pas en verve (он не был в ударе). Постоянные его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том и другом месте видел его редко, но видел и с теми и с другими, и все не узнавал прежнего Пушкина»⁵).

IV.

9 марта 1829 г. Пушкин выехал из Петербурга, намереваясь проехать на Кавказ, и по пути заехал в Москву. По словам П. В. Анненкова он остановился у П. В. Нащокина⁶),

¹) А. К. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому, стр. 18.

²) П. П. Вяземский, стр. 518.

³) По Баратеневу на балу у известного танцмейстера Йогеля. (См. „Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Баратеневым“, стр. 64.

⁴) Об этом письме см. „Голос минувшего“ 1920—1921 гг., публикация М. А. Цявловского, „Неизданные письма Пушкина“, а также примечание Б. Л. Молзалевского к этому письму (Пушкин, Письма, т. II). По дневнику А. Н. Вульфа, Пушкин 6 января был уже у него в Тверской губернии.

⁵) П. П. Вяземский, стр. 518.

⁶) Анненков, Материалы, стр. 209 210.

но где жил в это время Нащокин, сведений нет, и на чем основано это указание, неизвестно; вероятнее, что Пушкин опять остановился в гостинице «Север», принадлежавшей Коппу, в доме Обера. 14 марта у Пушкина был неизменный Погодин, а 20 марта Пушкин провел вечер у А. Я. Булгакова, жившего в то время по розысканиям Н. П. Розанова в церковных исповедных книгах, в доме Киреевского на Арбате (теперь дом 20). На следующий день Булгаков писал брату: «Вчера мы очень приятно провели вечер дома. Давно ж нам просится поэт Пушкин в дом; я болезнью отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам ввести. Я выдал его всегда очень maussade (сумрачным) у Вяземского, где он как дома, а вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до двух часов. Восхищался детьми и пением Кати, которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништой и Титовым... Был тут еще Вигель и наш архивный князь Платон Мещерский»¹⁾.

26 марта у Пушкина был Погодин и пригласил его и бывшего у него Мицкевича на следующий день к себе на завтрак. «Слушал их разговор», отмечает Погодин в своем дневнике. Польский поэт, живший в то время в Петербурге, получил разрешение уехать за границу и перед отъездом заехал в Москву проститься с друзьями. 27 марта состоялся завтрак у Погодина. «Завтракали у меня, записал он в дневнике, представители русской образованности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Венелин, Аксаков, Верстовский, Веневитинов»²⁾. Разговор от... до евангелия, без всякой последовательности, как и обыкновенно... Верстовскому и Аксакову не понравилось». Действительно, С. Т. Аксаков писал С. П. Шевыреву: «С неделю тому назад завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Михаила Петровича. Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно, второй — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что второй два раза принужден был сказать: господа, порядочные люди и наедине и сами с собой не говорят о таких вещах»³⁾.

И в этот приезд Пушкин продолжал часто посещать семью Ушаковых. Погодин писал Шевыреву про Пушкина: «Он теперь увивается в Москве около Ушаковых»⁴⁾. В действительности же все внимание Пушкина было направлено не на Ушаковых, а на Гончарову.

1) „Рус. архив“, 1901 г., III, стр. 298.

2) Венелин, известный славист, Аксаков—писатель, Верстовский—композитор, Веневитинов—брат поэта.

3) „Рус. архив“, 1878 г., II, стр. 49—50. Письмо Аксакова датировано здесь 26 марта, между тем из Погодинского дневника видно, что завтрак был 27-го. Очевидно, где-либо описка или опечатка.

4) „Рус. архив“, 1882 г., II, стр. 80—81.

Н. М. Смирнов впоследствии вспоминал: «Все думали, что Пушкин влюблен в Елиз. Ник. Ушакову¹⁾, но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтобы два раза в день проезжать мимо окон Гончаровой»²⁾.

Виделся Пушкин и со своим старым приятелем и карточным партнером С. Д. Полторацким, как об этом свидетельствует записка поэта к нему от 25 марта 1829 г.³⁾

В марте 1829 г. Пушкин был выбран в члены Английского клуба, как это видно из письма П. А. Плетнева, поздравлявшего его с почетным званием⁴⁾. Английский клуб помещался в то время на Большой Дмитровке в доме Муравьева (ныне дом 11).

Увлечение Пушкина Гончаровой приняло серьезный оборот. По словам ее брата Сергея, записанным П. И. Бартеневым, «Пушкин, влюбившись в Гончарову, просил американца графа Толстого, старинного знакомого Гончаровых, чтобы он к ним съездил и испросил позволение привезти Пушкина. Пушкину позволили ездить. Он беспрестанно бывал. А. П. Малиновская (супруга известного археолога) по его просьбе уговаривала в его пользу, но с Натальей Ивановной (матерью) у них бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе как с благоговением». Через Толстого Пушкин сделал предложение. «Пушкину напрямик не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотреть, потому что дочь еще слишком молода и пр.»⁵⁾. 1 мая, в день отъезда в Грузию, Пушкин написал благодарственное письмо Н. И. Гончаровой за то, что она дает ему надежду.

Гончаровы жили в собственном доме на Б. Никитской (ныне улица Герцена). Большое их владение было расположено между обеими Никитскими и Скарятинским переулком. Дом, в котором они жили, судя по плану 1849 г., тянулся по Скарятинскому переулку, выходя фасадом на Б. Никитскую. Теперь здесь дома 48 и 50 по улице Герцена и 19—23 по М. Никитской. Из участников сватовства Пушкина Ф. И. Толстой «американец» жил в 1821—1833 гг. в своем доме на углу Сивцева-Вражика и Калопина переулков (теперь дом 26/1), а А. П. Малиновская и ее муж директор Московского архива коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновский,

1) Предметом увлечения Пушкина считалась, как выше было указано, Екат. Никол. Ушакова.

2) Пушкин, Письма, т. II, стр. 340—341.

3) Там же, стр. 63.

4) Пушкин, Переписка, т. II, стр. 89.

5) „Рус. архив“, 1881 г., II, стр. 497—498.

под начальством которого служили воспетые Пушкиным «архивные юноши», жили в собственном доме на Мясницкой (теперь дом МОСПО, № 47).

V.

На обратном пути из Закавказья Пушкин пробыл в Москве с 21 сентября до 12 октября. Остановился он, в гостинице «Англия» по полицейским донесениям¹⁾. Гостиница «Англия», открытая в июле 1829 г., находилась в том самом доме Обера, где находилась раньше гостиница «Север» Коппа, который в это время переехал в другое помещение²⁾.

По воспоминаниям С. Н. Гончарова Пушкин первым делом заехал к Гончаровым: «Было утро, мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед затем в самую столовую влетает калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели»³⁾. Прием с ее стороны был холодный, со стороны невесты — равнодушный, невнимательный, по свидетельству самого Пушкина.

Из родных Пушкин посетил дядю Василия Львовича, у которого застал тестя своего друга Дельвига — М. А. Салтыкова, кн. П. И. Шаликова и А. А. Конова⁴⁾, рассказавшего об этом в своих записках. Попржежнему он часто бывал у Ушаковых. Альбом Елиз. Ник. Ушаковой хранит следы посещений Пушкина в этот приезд в виде рисунков, относящихся к его поездке в Закавказье, и дат его визитов — 21 сентября и 5 октября⁵⁾. 12 октября Пушкин выехал в Петербург, как обер-полицеймейстер Шульгин доносил генерал-губернатору, при чем сообщал, что в его поведении

1) Г. Костомаров, „А. С. Пушкин под надзором полиции“. „Красный архив“, кн. 37, стр. 237. Секретный полицейский надзор над Пушкиным в Москве был учрежден приказом генерал-губернатора от 6 сентября 1829 г.

2) См. объявление об открытии гостиницы „Англия“ в „Моск. вед.“ 1829 г. № 56 от 13 июля. Местоположение ее определяется так: „в доме Обера, на Тверской площади на левой руке гауптвахты, где был несколько лет содержатель г-н Копп“. Действительно, дом Обера выходит не только в Глинницевский переулок, но и на Тверскую (теперь Советскую) площадь. В гостинице был „общественный стол“ в 4-м часу. Объявление о переводе гостиницы „Север“ купца Коппа из дома Обера в дом генерал-майора Черткова, против дома московского военного генерал-губернатора, см. „Моск. вед.“ 1829 г., № 104 от 28 декабря.

3) „Рус. архив“, 1881 г., II, стр. 498.

4) „Библиографические записки“, 1859 г., № 10, стр. 307.

5) Майков, Пушкин, стр. 365—377.

ничего предосудительного замечено не было¹⁾. Пушкин выехал из Москвы «со смертью в душе» под влиянием отношения к нему Гончаровых.

VI.

Ровно через пять месяцев, 12 марта 1830 г., Пушкин снова в Москве. О своем приезде Пушкин сообщал Вяземскому в письме от 14 марта: «Третьего дня приехал в Москву и прямо из вибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были Н. Гончарова и княгиня Вера (т.-е. жена Вяземского), вслед за ними братья Полевые... Вчера обедал я у Дмитриева с Жихаревым²⁾... Пиши мне к Копу». Из этого письма видно, что Пушкин остановился в гостинице Коппа. Также и обер-полицеймейстер Шульгин доносил, что Пушкин, приехав 13 марта, остановился в гостинице Коппа в доме Черткова³⁾. П. И. Бартнев, а вслед за ним и некоторые другие пушкинисты, ошибочно отождествляют эту гостиницу с указанной выше гостиницей Коппа «Север» в Глинищевском переулке. Копп в это время перенес свою деятельность в другое место и открыл гостиницу в доме Черткова на Тверской (теперь дом 28). Об этом свидетельствуют как объявление в «Московских ведомостях», так и многочисленные указания там же адресов иностранцев, уезжающих за границу; эта была их излюбленная гостиница. Граф М. Д. Бутурлин в своих записках сообщает, что он в 1833 г. «поселился в гостинице Коппа на Тверской площади, что ныне «Дрезден». Табльдот (общий стол) в этой гостинице был тогда, по словам Бутурлина, весьма бонтонным⁴⁾. Однако у Коппа Пушкин повидимому, прожил недолго: из полицейской справки от 19 мая видно, что он опять квартирует в гостинице Англия в доме Обера⁵⁾.

Певица Каталани писала 15 июля 1830 г. к Элеоноре Боме, что она жила в одной гостинице с Пушкиным — гостинице «Англия»⁶⁾.

Из письма Пушкина мы видели, что он в день же приезда попал на концерт. В этот день давалось два «больших вокальных и инструментальных» концерта: в зале Большого

1) „Красн. архив“, кн. 37, стр. 239.

2) См. о них выше.

3) „Красн. архив“, кн. 37, стр. 240.

4) „Рус. архив“, 1897 г., II, стр. 395.

5) Справка была произведена по поводу сообщения петербургского обер-полицеймейстера от 11 мая о том, что Пушкин 20 апреля выехал из Петербурга обратно в Москву; сообщение исполнило Московскую полицию, которая таким образом прозевала отъезд поэта из Москвы в Петербург. Справка от Тверской части однако установила, что „г. Пушкин с 13 марта месяца сего года из Москвы никуда не выезжал“. („Красн. архив“, кн. 37, стр. 241).

6) „Наша старина“, 1915 г., № 6, стр. 542.

петровского театра — второго капельмейстера московских театров Николая и профессора музыки Саксен-веймарского двора Гарткноха и в большой зале Благородного собрания (ныне Дом союзов) с участием любителей в пользу Глазной больницы. Несомненно Пушкин говорит о втором из этих концертов.

Узнавши о приезде Пушкина, Погодин явился к нему 16 марта, но не застал его дома и снова побывал 18-го и 21-го, а 23-го Пушкин обедал у него в обществе Н. И. Надеждина, М. А. Максимовича, А. С. Хомякова и астронома Д. М. Перевощикова. В конце апреля Погодин переехал в собственный дом, купленный им у кн. Тюфякина, на углу Мясницкой и Златоустовского переулка (теперь дом 8). Пушкин заходил к нему поздравить с новосельем, но не застал дома и оставил записку. 29 апреля Погодин праздновал новоселье; на торжестве присутствовали Пушкин, П. А. Муханов, Ю. И. Венелин, А. С. Хомяков, Н. Мартынов, С. Е. Раич, Н. А. Мельгунов, С. Т. Аюсов с женой, А. П. Елагина, Н. М. Рожалин и другие.

3 апреля Пушкин посетил душевно-больного поэта К. Н. Батюшкова, жившего в Грузинах, в переулке Тишине, особом домике, но в каком именно, — неизвестно¹). Часто посещал он другого поэта весной 1830 г. поселившегося в Москве — Н. М. Языкова, как об этом писал сестре брат Языкова²). Языков жил в известном уже нам доме А. П. Елагиной у Красных ворот. Попрежнему Пушкин очень часто бывает у Ушаковых, как об этом свидетельствует В. А. Муханов в письме к брату от 27 марта³), и каждый день у кн. В. Ф. Вяземской, как он об этом пишет ее мужу во второй половине марта. Виделся он и со своим сватом Толстым-американцем, который был у него 16 марта⁴). Бывал у него и участник кавказских войн кн. Вл. С. Голицын, оставивший у него однажды, не застав дома, письмо в стихах⁵). Возможно, что и Пушкин заезжал к нему. В письме к Пушкину от 21 марта 1836 г. Голицын дает свой адрес: Суцьевская часть, дом быв. Шепелевой. Владение его тетки Шепелевой, очень большое (6½ десятин), находилось на Новослободской улице; впоследствии здесь был устроен Скорбященский монастырь. Жил ли Голицын здесь и в 1830 г., неизвестно.

К этому приезду относят частые посещения Пушкиным цыганки Тани (Татьяны Демьяновны). Она жила в доме Чухина на Садовой. На этой улице в то время было владение

1) Л. Н. Майков, Пушкин, стр. 289.

2) „Ист. вестник“, 1833 г., т. XIV, стр. 329.

3) „Рус. архив“, 1899 г., II, стр. 356.

4) Пушкин, Письма, т. II, стр. 77.

5) Пушкин, Перелиска, т. II, стр. 205.

цехового П. Г. Чухина, впоследствии распавшееся на три отдельные владения (теперь дома 13—17 по Б. Садовой улице). Пушкин в первый раз явился к Тане в обществе П. В. Нащокина, Голохвастова и Протасьева. «И стал он, вспоминая впоследствии Таня, с тех пор часто к нам ездить, один даже частенько ездил, и как ему вздумается, вечером, а так и утром приедет»¹⁾. Не относятся ли посещения Тани еще к 1828 г., когда Пушкин по свидетельству Вяземского часто посещал цыганок?

В самый день пасхи, 6 апреля, Пушкин вторично сделал предложение Гончаровой. На этот раз оно было принято. Через месяц, 6 мая, состоялось помолвка, на которую рассылались известные билеты²⁾. Свадьбу Пушкин хотел устроить еще до петровского поста, но разные обстоятельства заставляли откладывать ее со дня на день.

В обществе своей невесты Пушкин бывал на общественных собраниях и пучьяньях. Так 3 мая он был с ней в большом зале благородного собрания на «благородном спектакле» в пользу бедных с участием знаменитой артистки кн. Гагариной-Семеновой (давали драму Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние»³⁾, а летом ездил с ней, с семьей и Нащокиным в Нескучный сад погулять и посмотреть новый воздушный театр. Шла репетиция, которую прекратили на время осмотра театра Пушкиным. Здесь он познакомился с известным артистом и драматургом-переводчиком Д. Т. Ленским⁴⁾. А бопомольная будущая теща возила жениха и невесту по соборам и к иверской⁵⁾.

Посещения невесты не мешали Пушкину встречаться со своими литературными друзьями в том числе с Погодиным, который бывал у него часто. Так 10 мая Погодин с лекции зашел к Пушкину, и у них был «долгий и очень занимательный разговор об русской истории». В несколько приемов Погодин прочитал Пушкину свою «Марфу Посадницу». В связи с предстоящей женитьбой Пушкин очень нуждался в деньгах, и Погодин оказал ему важную услугу, набрав для него «мозаически» около 2 тысяч рублей. 4 июля Пушкин передал ему заемное письмо на эту сумму.

К этому времени относится знакомство Пушкина с известным романистом, в то время директором театров, М. Н. Загоскиным. 14 июля Пушкин писал ему: «Сегодня или завтра еду в П.Б. на несколько дней. Надеюсь при своем возвращении найти Вас и все семейство Ваше в добром здравьи».

1) В. М. Маркевич, т. XI, стр. 132—134.

2) „Деятнадцатый век“, т. I, стр. 383.

3) „Пушкин и его современники“, т. XXXVII, стр. 152—154. (К. Пигарев. Встреча с Пушкиным в Москве в 1830 г.).

4) Н. И. Куликов, А. С. Пушкин и П. В. Нащокин, „Рус. старина“, 1881 г. т. XXXI, стр. 601

5) „Деятнадцатый век“ т. I. 383.

Последние слова показывают, что Пушкин бывал в семье Загоскиных. Они жили в это время по свидетельству Т. П. Пассек в Старой Конюшенной в приходе Власия, в доме Новосильцова¹), на побочной дочери которого Загоскин был женат (теперь Гагаринский переулок, 29, 31).

Из родных Пушкин навещал большого дядю Василия Львовича и Солнцевых. 2 мая он возил М. М. Солнцева знакомиться с невестой.

В мае и июне Пушкин трижды уезжал на короткое время из Москвы. Во второй половине мая он ездил в имение Гончаровых Полотняный Завод Калужской губернии знакомиться с дедом невесты (27 мая он был еще там).

М. П. Розберг, посетивший Пушкина 5 июня, писал В. Г. Таптякову, что Пушкин перед тем ездил к Вяземскому в Остафьево²). Этим же летом Пушкин ездил в сельцо Захарово, близ Звенигорода, бывшее имение его бабушки М. А. Ганнибал, где он живет в детстве³).

По полицейскому донесению Пушкин выехал в Петербург 16 июля⁴). Он поехал устроить свои дела и переговорить с отцом о своем имущественном положении. Свадьба была отсрочена до сентября.

VII.

10 августа 1830 г. Пушкин выехал из Петербурга в diligence с П. А. Вяземским и 14-го приехал в Москву. Остановился он у Вяземского в его доме в Чернышевском переулке⁵). Неизвестно, однако, где именно жил Пушкин — в главном доме или во флигеле. Дело в том, что Вяземские жили в это время в Остафьево, а московский дом был сдан в наймы, как это видно из дневника Вяземского от 3 октября: «Мой дом в наймах... Кабы не это, я переехал бы с детьми тотчас в Москву»⁶). Вяземский из деревни часто наезжал в Москву, следовательно, помещение для остановок было. Там остановился Пушкин и собирались общие друзья хозяина и гостя. «Одно утро, пишет Вяземский в дневнике, собрались у нас с Пушкиным: Бартенева Костромской, Сергей Глинка, Сибилев, Нащокин Павел Воинович»⁷). Юрий Никитич Бартенева вручил Пушкину свой альбом, в который он

1) Т. П. Пассек, Воспоминания, 2 изд., т. I, стр. 309—310.

2) „Ист. вестник“, 1887 г., № 7, стр. 19.

3) „Москвитяин“, 1851 г., № 9—10, стр. 32.

4) „Красн. архив“, кн. 37, стр. 241.

5) „Рус. архив“, 1899 г., т. II, стр. 86 (письмо Вяземского к Е. М. Хитрово). Этот приезд Пушкина остался повидимому неизвестным московской полиции, по крайней мере о нем ничего не говорится в полицейских донесениях.

6) П. А. Вяземский, т. IX, стр. 141.

7) Там же, стр. 139.

30 августа записал свой сонет «Мадонна»; 31-го Пушкин был у Бартенева и вручил ему его альбом, а сам получил от него в подарок французскую книжечку¹⁾.

В это время умирал дядя Пушкина Василий Львович. Пушкин навещал его 18 августа за два дня до его кончины, а 23-го был на его похоронах в Донском монастыре. Вместе с Погодиным он разыскал на монастырском кладбище могилу Сумарокова²⁾, теперь бесследно исчезнувшую.

31 августа Пушкин писал Плетневу: «Сейчас еду в Нижний, т.-е. в Лукианов, в село Болдино». Однако выехал он только 1 сентября, как сообщал Вяземский в письме к Е. М. Хитрово³⁾.

Перед отъездом Пушкин поссорился с будущей тещей и уехал неуверенный в том, состоится ли его свадьба.

Холерная эпидемия задержала Пушкина в Болдине дольше, чем он предполагал. В Москву ему удалось возвратиться только 5 декабря 1830 г. Как видно из полицейского донесения, он остановился в гостинице «Англия»⁴⁾. И по возвращении из Болдина Пушкин продолжал часто видеться с Погодиным и читал ему свои новые произведения. С Боратынским он виделся также в первые же дни после возвращения и читал ему свои повести, как видно из письма Пушкина к Плетневу от 9 декабря. Из других литературных друзей бывал у него поэт — партизан Денис Давыдов, и вероятно, что и Пушкин бывал у него. Давыдов жил в это время в Зубове на валу в доме Стрекаловой⁵⁾ (теперь Смоленский бульвар, 41). Впоследствии в 1835 г. у него был свой дом на Пречистенке (теперь улица Кропоткина, 17). Маслитый И. И. Дмитриев навещал Пушкина в первой половине января и, не застав его дома, пригласил его письменно к себе «откушать в два часа с половиной»⁶⁾. Вяземские продолжали жить в Остафьеве, и Пушкин ездил к ним 17 декабря (читал им многое из написанного в Болдине) и 4 января (в обществе Дениса Давыдова, Н. А. Муханова и кн. Н. Н. Трубецкого)⁷⁾.

В Москве в это время поселился старинный, еще бессарабский знакомый Пушкина, близкий ему и по семье Раевских, декабрист М. Ф. Орлов. Письмо последнего к Пушкину, написанное в первой половине мая 1831 г., показывает, что они поддерживали связь друг с другом. Где жил тогда

1) „Пушкин и его современники“, XV, стр. 25. (В. Л. Модзалевский, Автограф Мадонны в альбоме Ю. Н. Бартенева).

2) „Пушкин и его современники“, XXIII—XXIV, стр. 103.

3) В то же время находим у Погодина под 2 сентября запись, что он был у Вяземского и Пушкина См Пушкин, Письма, т. II, стр. 463.

4) „Красн. архив“, кн. 37, стр. 242.

5) „Рус. архив“ 1868 г., стр. 975.

6) Пушкин, Переписка, т. II, стр. 207.

7) П. А. Вяземский, т. IX, стр. 152, 155.

Орлов, неизвестно. О квартирах его в последующее время сведения имеются: до 1834 г. он жил на М. Дмитровке в доме Шубинского (теперь дом 12), а в 1834 г. переехал на Кудринскую Садовую (теперь в дом кн. Цицианова (теперь дом 13). В 1839 г. Орлов жил на Собачьей площадке в доме Щербатова (на углу Б. Никола-Песковского и Дурновского переулков, теперь дом 15/1)¹⁾, но мог там поселиться еще при жизни Пушкина, который продолжал видеться с Орловым и после 1831 г.

К этому же времени относится посещение Пушкиным бывшего фаворита Екатерины II И. Н. Римского-Корсакова. По словам Н. М. Колмакова, близкого к семье Корсакова, Пушкин часто навещал его незадолго до его кончины, чтобы послушать рассказы о Екатерине II²⁾, а умер он в феврале 1831 г. Дом Римского-Корсакова находился на Тверском бульваре (теперь дома 24 и 26), но последнее время он жил еще в другом своем доме на Божedomке, где впоследствии был сад Эрмитаж Лятовского (теперь Божedomский переулок, 11/15). В XVIII в. это было владение, только несколько меньших размеров, деда и отца Пушкина, и Пушкину, столь интересовавшемуся прошлым своего рода, конечно, интересно было взглянуть на бывший загородный двор предков.

Побывал Пушкин еще у одного вельможи четырех царствований, воспитанного им в оде «К вельможе», кн. Н. Б. Юсупова, жившего в Харитоньевском переулке, где у него было два владения, одно против другого, оба связанные с воспоминаниями детства поэта. Вяземский, писавший в это время биографию Фонвизина, поручил Пушкину побывать у Юсупова и спросить его о Фонвизине и его современниках. Пушкин исполнил поручение Вяземского и писал ему: «вчера видел я князя Юсупова и исполнил твое поручение»³⁾. Хотя Пушкин пишет, что «видел» Юсупова, а не «был» у него, но вряд ли он мог заняться расспросами знатного вельможи где-либо в другом месте помимо его дома.

К числу светских знакомых Пушкина принадлежали еще Долгоруковы и Потемкины. Семья Долгоруковых состояла из матери Екатерины Алексеевны, рожденной графини Васильевой, сына Александра, 28 января 1831 г. женившегося на дочери А. Я. Булгакова Ольге, и дочери Надежды, бывшей замужем за С. И. Палковым. Из письма Пушкина к Е. М. Хитрово от 9 декабря знаем, что он вскоре по приезде был у кн. Долгоруковой, где его ждала посылка Елизаветы Михайловны с французскими газетами и трагедией Дюма. Молодые Долгоруковы после свадьбы дали бал, на котором был и Пушкин, о чем писал 16 февраля А. Я. Бул-

1) Книга адресов, 1839 г.

2) „Рус. старина“, 1887 г., кн. I, стр. 600.

3) П у ш к и н, Переписка, т. II, стр. 202, 203.

гаков брату: «Он был на бале у наших, отличался, танцевал, после ужина скрылся. Где Пушкин? я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечает: il a été donc ici toute la soirée, et maintenant il est allé trouver sa promise (он ведь был здесь весь вечер, а теперь поехал к невесте. — Н. Ч.). Хорош визит в 5 часов утра к больной»¹⁾. Долгоруковы жили на Б. Никитской улице, в доме кн. П. Г. Гагарина (теперь дом 54), через дом от Гончаровых, следовательно, Пушкину было недалеко проехать с бала у Долгоруковых к невесте²⁾. Граф С. П. Потемкин, женатый на кн. Елиз. П. Трубецкой, сестре декабриста, и славившийся своим широким образом жизни и хлебосольством, жил в своем доме на Пречистенке, где теперь Музей западной живописи (дом 21). Что Пушкин бывал у него, можно заключить из того, что Е. П. Потемкина была его посаженной матерью.

В биографиях знаменитой артистки Е. С. Семеновой, вышедшей в 1828 г. замуж за князя И. А. Гагарина, имеется указание, что Пушкин бывал у нее и поднес ей печатный экземпляр «Бориса Годунова»³⁾, но неизвестно, насколько достоверно это утверждение. Гагарины жили в своем доме на Зубовском бульваре (теперь дом 27).

Новый 1831 г. Пушкин встретил не с невестой: «Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной», писал он Вяземскому 2 января. Посещения Тани таким образом продолжались и в период жениховства. К этому именно времени следует по всей вероятности отнести то угощение блинами из ближайшего трактира, о котором впоследствии вспоминала Таня⁴⁾, потому что только в 1831 г. Пушкин провел в Москве масляницу и ближайшее к ней время.

Член Английского клуба, Пушкин обедал там 21 января, о чем 22-го писал брату А. Я. Булгаков: «Вчера обедали... в клубе; славный был стол. К нам подсел поэт Пушкин и все время обеда проболтал, однако же прозою, а не в стихах». Около 25-го приехал в Москву из Остафьева на несколько дней Вяземский, и Пушкин посетил его в обществе Дениса Давыдова, о чем Булгаков также сообщил брату¹⁾.

В январе 1831 г. Пушкин был опечален известием о смерти своего друга Дельвига, скончавшегося 14 числа. Печальную весть он должен был передать тестю почившего М. А. Салтыкову и посетил его 20-го, но не решился сказать ему о смерти зятя. День закончил Пушкин у Нащокина,

1) „Рус. архив“, 1902 г., I, стр. 52.

2) „Моск. ведомости“, 1831 г., № 89.

3) См. „Рус. биограф. словарь“ на букву С.

4) Б. М. Марквич, т. XI.

1) „Рус. архив“, 1902 г., I, стр. 48—49.

вспоминая о покойнике¹). Где жил Салтыков в это время, неизвестно; в 1833 г. его квартира была на Маросейке, в доме Бубуки (теперь дом 9) — этот адрес дает Пушкин в письме к Нащокину. Возможно, что и в 1831 г. Салтыков жил там же. Нащокин жил на Арбате, у Николы на Песках, в доме Годовикова²), (теперь Б. Николо-Песковский переулок, 5). 27 января друзья Дельвига — Пушкин, Боратынский, Языков, Вяземский помянули его в ресторане Яра³).

Со свадьбой Пушкина тянули так долго, что в городе стали поговаривать о том, что она не состоится. Одно время невеста была больна. Наконец, венчание было назначено на 18 февраля. Пушкин заблаговременно нанял себе отдельную квартиру на Арбате в доме Хитрово (теперь дом 53). Дня за два до свадьбы он был у Нащокина, где встретился с цыганкой Таней, дружившей с Ольгой Андреевной, сожительницей Павла Войновича. Таня обратила внимание на то, что Пушкин был очень грустен, несмотря на близость свадьбы. 17 февраля он устроил прощание с холостой жизнью — так называемый «мальчишник». Присутствовало человек двенадцать: Лев Сергеевич Пушкин, поэты Денис Давыдов, Языков, Боратынский и Вяземский, Нащокин, И. В. Киреевский и его вочим А. А. Елагин, Варламов... Пушкин и в этот вечер был очень грустен и декламировал стихи, в которых прощался со своей молодостью⁴). Погодин не был приглашен, но все-таки заехал «пожелать добра».

Пушкин хотел венчаться в домово́й церкви кн. С. М. Голицына на Волхонке (теперь Коммунистическая академия), но митрополит не разрешил, и венчание происходило в церкви «большого вознесения» у Никитских ворот по всей вероятности в одном из приделов, так как главная часть храма еще не была закончена. Посаженой матерью Пушкина должна была быть Вяземская, но она незадолго до свадьбы заболела и была заменена графиней Е. П. Потемкиной, посаженным отцом был Вяземский, а мальчиком с образом — его сын Павел, впоследствии написавший воспоминания о событии, в котором он принимал участие. По словам Булгакова: в церковь не пускали никого из посторонних, для чего у входа стояла полиция⁵). После венчания состоялся ужин на квартире у молодых, где распоряжался брат новобрачного Лев Сергеевич.

Через два дня, 20 февраля, Пушкины были на балу у некоей Щербининой, о чем 21-го писал кн. В. Ф. Одоевскому

1) Письмо Пушкина к Плетневу.

2) Пушкин. Переписка, т. II, стр. 244, 250, 255, 258, 286, 330.

3) „Ист. вестник“, 1833 г., № 12, стр. 530—531, (письмо Языкова к брату).

4) М. А. Цявловский, Мелочи о Пушкине, Пушкин накануне своей свадьбы, „Рус. библиофил“, 1916 г., № 8, стр. 72—76.

5) „Рус. архив“, 1902 г., т. I, стр. 54.

А. И. Кошелев: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина»¹). Кто была эта Щербинина? В Москве около этого времени жила только одна более или менее видная представительница рода Щербининых — Анастасия Михайловна, вдова бригадира, дочь знаменитой княгини Дашковой. В 1826 г. она жила на Знаменке в доме 359 Рогозинской² (№ 14), но продолжала ли жить там в 1831 г., неизвестно. Предположение, что это была дочь Дашковой, оспаривалось на том основании, что будто бы она умерла в бедности, но в действительности ею было оставлено довольно большое состояние. В вышеупомянутом письме Кошелев продолжал дальше: «Сегодня вечером еду к ним», т.-е. к Пушкиным. Следовательно, 21-го они, может быть, принимали у себя А. И. Кошелева. 22-го Пушкины были на маскараде в Большом театре, устроенном в пользу бедных, пострадавших от холеры. В письме Булгакова к брату сохранилось описание этого маскарада: «...нельзя сказать, чтобы было весело. Маскарады как-то не влеются у нас... Мы очень удивились, увидя, во-первых, весьма мало масок, и все ходили *chapeau bas* (без шляп). Какой же это маскарад? Я первый пошел туда с Брусиловым со шляпой на голове, и в одну минуту все надели. Был изрядный ужин... За одним столом сидели мы и Пушкин — поэт; беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых» (т.-е. на О. А. Долгорукову-Булгакову и Н. Н. Пушкину)³). 27 февраля, в пятницу на масляной, Пушкины дали бал. Описание его оставил все тот же Булгаков: «И он и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как бы два голубка... Много все танцевали, и так как общество было небольшое, то я также потанцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старого Юсупова: *et moi j'aurais dansé, si j'en avais la force* (и я бы потанцевал, если б был в силах. — Н. Ч.). Ужин был славный... Мы уехали почти в 3 часа»⁴). 1 марта (воскресенье на масляной) Пушкины участвовали в санном катании, устроенном Н. С. и С. И. Пашковыми, затем ели у них блины, а вечером было сборище у Долгоруковых, где хозяевами были опять-таки Пашковы: «они зовут и потчивают», писал Булгаков брату. Во время катания общество было размещено в трех больших санях. В тех санях, где сидели Пушкины, было 11 человек, в том числе хозяева Пашковы и племянница хозяина молоденькая Е. П. Сущкова, впоследствии поэтесса Ростопчина⁵).

1) „Рус. старина, 1904 г., т. II, стр. 206

2) Указатель 1826 г.

3) „Рус. архив“, 1902 г., т. I, стр. 54.

4) „Рус. архив“, 1902 г., т., стр. 56.

5) Там же, стр. 57.

От светских знакомых Пушкин переходил к общению с литературными приятелями. Так 5 апреля он читал Погодину свои повести, 30 апреля Погодин, будучи у Пушкина, «четыре битых часа спорил о «Борисе», а 5 мая читал ему своего «Петра». В марте Пушкин был обрадован приездом своего одесского знакомого поэта В. И. Туманского¹⁾, а 10 апреля его посетил С. Н. Глинка»²⁾.

После свадьбы Пушкин прожил в Москве меньше, чем предполагал первоначально. Он вообще недолго любил Москву, а теперь ему пришлось с головой окунуться в стоячую воду Грибоедовской Москвы. Пушкин писал Плетневу: «Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь, а как тетки хотят. Теща моя — та же тетка. То ли дело в Петербурге! Заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Мария Алексеевна». 25 мая Пушкины были уже в Петербурге³⁾.

VIII.

В первый раз после женитьбы Пушкин приехал в Москву 6 декабря 1831 г. и пробыл здесь две недели. Приезд его был вызван денежными делами с Нащокиным и расплатой по карточному долгу В. С. Огонь-Догановскому. О своем времяпрепровождении он давал подробный отчет в письмах к жене. Пушкин решил остановиться у Нащокина и направился к нему в Б. Николо-Песковский переулок. «Нащокина не нашел я на старой его квартире, писал он жене 8 декабря, насилу отыскал его у Пречистенских ворот, в доме Ильинской». Дом Ильинский находился в Гагаринском переулке между Пречистенским бульваром и Нащокинским переулком (теперь дом 4). До 8-го Пушкин успел уже повидаться с Вяземскими, Мещерскими⁴⁾, Дмитриевым, А. И. Тургеневым, П. Я. Чаадаевым, Горчаковым⁵⁾ и Д. В. Давыдовым. «Дам московских еще не видел, на балах и в собрание, вероятно, не явлюсь», пишет Пушкин в том же письме. 10-го он сообщал жене: «вчера обедал в Английском клубе; поутру был на аукционе Власова, вечер провел дома...» Вероятно об этом посещении Пушкиным Английского клуба сообщал брату Н. М. Языков Пушкин был в клубе в обществе

1) В. И. Туманский, Стихотворения и письма, СПб. 1912, стр. 310.

2) Лернер, Труды и дни Пушкина, 2 изд. стр. 238.

3) Там же, 240. Пушкин получил из Пречистенской части свидетельство на выезд со своей женой в Петербург, 14 мая, но московская полиция сообщила петербургской полиции об отъезде Пушкина только 29 июня („Красн. архив“, кн. 37, стр. 242—243).

4) Князь, Петр Иванович и его жена Екатерина Николаевна, дочь историка Карамзина.

5) Владимир Петрович, еще кипишевский знакомый Пушкина, а теперь московский житель. В 1831 г. он часто упоминается в письмах Пушкина к Нащокину по поводу уплаты ему долга.

И. И. Дмитриева¹). Упоминаемый Пушкиным Власов (Александр Сергеевич, камергер), женатый на сестре З. Волконской, составил большую коллекцию предметов искусства, фарфора, оружия и т. п., которая после его смерти продавалась с аукциона уже почти целый год — с 1 февраля 1830 г. аукционная продажа производилась торговым домом «Петр Ларме и Ко.» в доме Сырова на Маросейке (теперь дом 2). Английский клуб был с этого года в новом помещении — в доме графини Разумовской на Тверской, том самом, где он был перед революцией (теперь Музей революции). В следующем письме Пушкин пишет, что был на балу у Сольдан и на вечере у Вяземских. Вера Яковлевна Сольдан (Сольдейн), жена генерал-майора, в первом браке Есипова, рожденная Мерлина, жила, по разысканиям Н. П. Розанова, на Пречистенке в доме Бибиковой (улица Кропоткина, 17). В письме от 16 декабря Пушкин описывает обстановку, в какой ему приходилось жить у Нащокина: «...дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, страпчие, цыгане, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход. Всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного... что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет. Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит». В этот приезд Пушкин продолжал любоваться затеей Нащокина — известным его кукольным домиком, который он в то время отделывал.

Из приятелей — писателей, кроме упомянутых выше, Пушкин виделся с Языковым, которому читал отрывки из своих сказок. Языкову очень не нравилась обстановка, среди которой Пушкин жил у Нащокина, и он писал брату: «Между нами будь сказано, он приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее. Видно, брат, не права пословица. женится — переменится²). 22 декабря Пушкин по словам Языкова выехал в Петербург³).

IX.

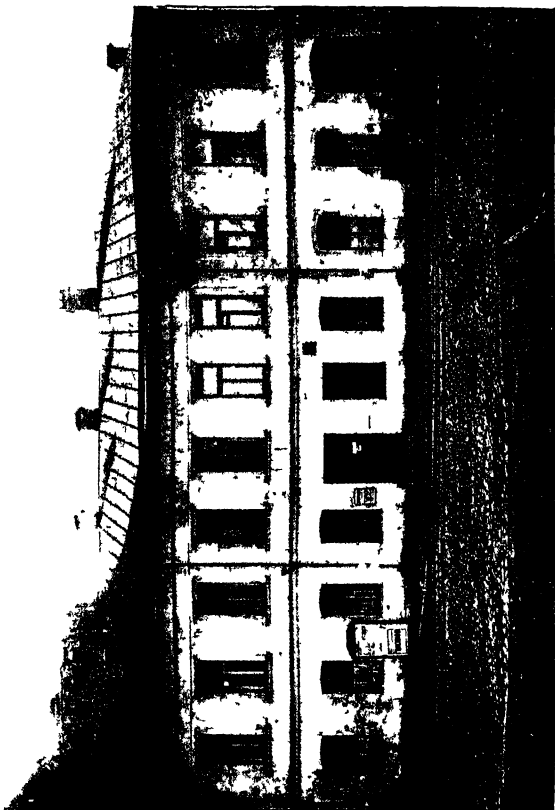
В следующем, 1832 г. Пушкин приезжал в Москву опять на три недели и пробыл с 21 сентября до 10 октября. Остановился он в упоминавшейся уже постинице Обера в Глини-

¹) „Истор. вестник“, 1883 г. XIV, стр. 536.

²) „Истор. вестник“, 1883 г. XIV, стр. 533—534.

³) По полнейшим доведениям Пушкин приехал 13-го и уехал 24 декабря („Красн. архив“, кн. 37, стр. 243).

Дом № 53, б. Хитрово на Арбате. Сохранился. Фотография
П. С. Касаткина 1927 г.

щевском переулке (т.-е. «Англия») и 22-го писал жене: «Я приехал в Москву вчера, в среду... Приехав в Москву, ехал отыскивать Нащокина, нашел его попрежнему озабоченным домашними обстоятельствами. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к княгине Вяземской, княгиня завезла меня во французский театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехал к Оберу и заснул в 10 часов вечера... Видел Чаадаева в театре». О посещении бани в обществе Нащокина находим упоминание в рассказах, записанных П. И. Бартеневым. Там указаны Лепехинские бани, что у Смоленского рынка. Жил в это время Нащокин на новой квартире на Остоженке, в доме священника (теперь дом 16)¹⁾. Спектакль, на котором был Пушкин — абонементный спектакль в Малом театре. Давали три водевиля: «Une heure de prison» («Час тюремного заключения») в 2 действиях, «Le philtre champenois» («Шампанский любовный напиток») в 1 действии и «Verther» («Вертер») в 1 действии²⁾. Спектакли начинались тогда в 6¹/₂ часов, почему Пушкин и мог уже в 10 часов лечь спать. В письме к жене в конце сентября Пушкин писал, что был на балу у Вяземских, а оттуда уехал ужинать к Яру.

27 сентября Пушкин посетил вместе с товарищем министра народного просвещения С. С. Уваровым университет и был на лекции профессора словесности И. И. Давыдова. Об этом посещении вспоминает И. А. Гончаров: «Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию... Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о полку Игореве». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию и Каченовский³⁾. Нечаянно между ними завязался разговор по поводу «Слова о полку Игореве», перешедший в горячий спор. «Подойдите поближе, господа, — это для вас интересно», пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеною, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров⁴⁾. В разговоре принял участие и студент, будущий профессор — славист О. М. Бодянский. По его словам лекция происходила в аудитории старого здания университета, где впоследствии был читальный зал библиотеки (левое крыло главного здания); он же говорит, что на следующий день Пушкин обошел весь университет с Уваровым⁵⁾. В связи с посещениями университета Пушкин обедал у Уварова в обществе И. И. Давы-

1) „Рассказы о Пушкине“, стр. 75 (примеч. М. А. Цявловского).

2) „Москов. ведомости“, 1832 г., № 76.

3) Проф. Моск. университета, противник подлинности „Слова о полку Игореве“.

4) И. А. Гончаров, 3-е изд. т. IX, стр. 113—114.

5) „Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым“, стр. 49—50

дова и М. А. Максимовича¹⁾. Где остановился Уваров, сведений нет.

В этот приезд Пушкин очень часто виделся с Боратынским, о чем писал жене 29 сентября: «я сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся». Весною 1828 г. Боратынский жил в доме своего тестя Л. Н. Энгельгардта в Б. Чернышевском переулке (теперь улица Станкевича, 6). Возможно, что и в 1832 г. он жил там же. В 1835 г. Боратынский купил себе дом на Спиридоновке (теперь дом 14/16). Как видно из писем к жене Пушкин в этот приезд виделся несколько раз с семьей П. А. Вяческовского, а также со своим шурином Д. Н. Гончаровым.

Имеется известие о посещении Пушкиным в 1832 г. (очевидно, в описываемый приезд) знаменитого в то время Глазовского трактира, куда москвичи ездили слушать цыган. Трактир этот принадлежал известному тогда дельцу, стряпчему Влад. Матв. Глазову²⁾. Обширное владение, числившееся собственно за его женой, где помещался этот трактир, выходило на Живодержку (теперь улица Фридриха Адлера, дом 37), Типинскую площадь и Б. Грузинскую улицу.

12 октября И. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал»³⁾; следовательно, он уехал 10-го, по донесению же полиции — 16-го⁴⁾.

Х.

В августе 1833 г. Пушкин отправился в Восточную Россию для собирания материалов по Пугачевщине и по пути заехал в Москву на несколько дней на время починки коляски. Он выехал из Петербурга 17-го вместе с Соболевским, но затем они разъехались в разные стороны. Пушкин направился в имение своей тещи Ярополец. В ночь на 25-ое он выехал оттуда и в полдень приехал в Москву; остановился в доме Гончаровых на Никитской. Вероятно в тот же день Пушкин познакомился с Нащокиным, жившим в упомянутом уже доме на Остоженке, а 26-го с Шевыревым был у И. В. Киреевского, у которого остановился Соболевский⁵⁾. Это был день именин Натальи Николаевны. Приехав поздно домой Пушкин нашел у себя приглашение от А. Я. Булга-

¹⁾ „Киевская старина“ 1904 г. сентябрь, стр. 336—337 (автобиография Максимовича).

²⁾ П. К. Мартыянов, Из записной книжки, „Истор. вестник“ 1884 г., № 9, стр. 588—591.

³⁾ „Ист. вестник“, 1883 г., т. XIV, стр. 535.

⁴⁾ „Красн. архив“, кн. 37, стр. 244, 245. О приезде Пушкина полицеймейстер 1-го отделения донес обер-полицеймейстеру только 10 октября, т. е. через три недели после события.

⁵⁾ А. К. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому, стр. 47.

кова, жена которого тоже была именинница, но не поехал к нему «за неимением бального платья и за небритьем усов», которые отращивал для дороги, как писал он жене. На следующую день, поздравляя жену с именинами и с днем рождения, он так излагал свои московские впечатления: «Однако, скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да жн. Шаликов. Был я у Погодина... Нащокина не видал целый день. Чаадаев потолстел, похорошел и поздоровел... В клубе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 руб. штрафу, а я весь Английский клуб готов продать за 200... Важная новость: французские вывески, уничтоженные Ростопчиным в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту. По своему обыновению бродил по книжным лавкам и ничего путного не нашел». 27-го Пушкин заезжал к Булгакову, занимавшему тогда пост московского почтдиректора и жившего в почтамте на Мясницкой, поблагодарить за приглашение и кстати попросить лист к почтовым зрителям. Булгаков звал его на вечер на дачу к Пашковым, но он отказался, все из-за своих усов. Обедал Пушкин у товарища своей холостой жизни, теперь тоже женатого, М. О. Судиенка, о местожительстве которого сведений не имеется. «Мы отобедали втроем, писал он жене, и я без церемонии предложил здоровье моей именинницы, и выпили мы все, не морщась, по бокалу шампанского. Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами». 28 августа Пушкин встретился в книжном магазине со старым своим знакомым Н. Н. Раевским, братом М. Н. Волконской, и обедал с ним, а вечер провел опять у Нащокина. 29-го Нащокин устроил в честь Пушкина прощальный обед со стерлядями, жженкой и проводил его в дорогу.

На обратном пути Пушкин пробыл в Москве опять только несколько дней: приехал 15-го или 16-го ноября, а 20-го выехал в Петербург. Останавливался он у Нащокина¹⁾, жившего попрежнему на Остоженке. Нащокин познакомил его со своей будущей женой Верой Александровной Нарской. Об этом пребывании Пушкина в Москве И. В. Киреевский писал Н. М. Языкову 17 января 1834 г.: «Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видел, потому что он ехал с бородой, с которой ему хотелось показаться жене»²⁾.

В 1834 г. Пушкин заезжал в Москву трижды во время путешествия в имение Гончаровых Полотняный Завод, где проводила лето его семья. Выехав из Петербурга, он пробыл

1) См. письмо Пушкина к Нащокину от 24 ноября.

2) „Ист. вестник“ 1883 г., т. XIV, стр. 538.

в Москве всего несколько часов, виделся с Ал. Н. Раевским, когда-то в Одессе имевшим большое влияние на него, и братом Львом и на перекладных отправился дальше. Через две недели Пушкин привез семью в Москву и пробыл здесь 8 и 9 сентября, 8-го он был в театре с женой и свояченицей, а 9-го его посетил А. И. Тургенев¹⁾. 13 сентября он был уже в Болдине. Вероятно он останавливался в этот период в доме Гончаровых. На обратном пути из Болдина Пушкин пробыл в Москве два или три дня. Вероятно к этому приезду относится встреча с ним во французском театре барона А. И. Дельвига, двоюродного брата поэта, и совместный ужин их в упоминавшейся уже гостинице Коппа.

XI.

Последний приезд Пушкина в Москву был в мае 1836 г. Путешествие было предпринято для посещения архива коллегии иностранных дел и по делам в связи с изданием «Современника». В ночь на 3 мая Пушкин приехал в Москву и остановился у Нащокина; в то время уже женатого и жившего у «Старого Пимена» в Воротниковском переулке, в доме Ивановой (теперь дом 12). Друзья «друг другу очень обрадовались и целый... день пробыли, бог знает о чем», как писал Пушкин жене. 4 мая последовало свидание Пушкина с автором «Тарантаса» графом В. А. Соллогубом, с которым у него произошла в Петербурге размолвка из-за пустяков, чуть не приведшая к дуэли. Здесь они объяснились и примирились²⁾. 4 мая Пушкин писал жене: «Я успел уже посетить Брюллова. Я нашел его в мастерской какого-то скульптора, у которого он живет. Он очень мне понравился... Видел я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями... Чаадаева, Орлова, Раевского и наблюдателей...³⁾ еще не успел видеть. С наблюдателями и книгопродавцами намерен я кокетничать и постараюсь как можно лучше распорядиться с «Современником». Пушкин не забыл сообщить жене и о домике Нащокина, который «доведен до совершенства — не достает только живых человечиков». 5 мая он писал: «Вот уже три дня, как в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажете делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, у Толстого, сегодня собираюсь к остальным». Где

¹⁾ Дневник Пушкина, под ред. В. Л. Модзалевского, стр. 21, 212.

²⁾ „Рус. архив“, 1865 г, стр. 1219—1221.

³⁾ Сотрудников журнала „Московский наблюдатель“, выходившего под. ред. Шевырева.

жили Дмитриев¹⁾ и Орлов, сказано выше. Толстой к тому времени продал свой дом на Сивцевом-Вражке и жил на наемной квартире. Собираясь уехать за границу, он переселился в гостиницу Коппа²⁾, возможно, что Пушкин был у Толстого в гостинице. Знаменитый художник К. П. Брюллов жил по сообщению Н. А. Рамазанова у известного московского скульптора Витали³⁾. В 1829 г. Витали жил в доме Демидова на Кузнецком мосту⁴⁾, вошедшем впоследствии в состав большого владения проф. Захарьина по Кузнецкому мосту (теперь дом 14), Рождественке и Софийке (Пушечной), а в 1837 г. у Витали был собственный дом на Чистопрудном бульваре (теперь дом 11). В 1836 г. Витали повидимому продолжал жить на Кузнецком мосту, где следовательно и был у него Пушкин. Брюллов был у Пушкина в день отъезда своего в Петербург, как писал Пушкин жене 18 мая. У Орлова Пушкин был еще раз и обедал у него в обществе А. С. Хомякова и других сотрудников «Московского наблюдателя». 7 мая он был, как видно из его письма к Вяземскому от этого числа, у А. М. Окулова, мужа сестры Нащокина и директора гимназии, в здании которой у храма Христа-спасителя он и жил. Гимназии принадлежали два дома, разделавшиеся переулком, ныне Китайский университет и Раион. 11 мая Пушкин писал жене: «Вчера был у меня Иван Николаевич (т.-е. брат Натальи Николаевны. — Н. Ч.)... Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. На днях обедал я у Орлова, у которого собрались московские наблюдатели, между прочим жених Хомяков⁵⁾.. Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной okazji вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего «Путешествия в Сицилию»... Вчера ужинал у кн. Фед. Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении — как бы с балта. Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полдня, а вечером едет в клуб, где играет до света. Чаадаева видел всего раз... Был я у Солнцева — его здесь нет... Был я у Перовского, который показывал мне недооконченные картины Брюллова». Директор

1) У Дмитриева Пушкин был в последний проезд дважды, как видно из письма Дмитриева к Вяземскому от 28 мая: „Пушкин, хотя и не протаясь со мной, оставил Москву, но я очень благодарен за то, что дал мне видеть себя два раза“. (Старина и новизна), II, стр. 189).

2) „Моск. ведомости“, объявления об уезжающих за границу.

3) Материалы для истории художеств в России, I, стр. 187.

4) Указатель 1829 г., II, стр. 12.

5) Из письма видно, что здесь были и А. Н. Раевский с женой.

архива коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновский, семья которого была дружна с Гончаровыми, жил в 1829 г. в своем доме на Мясницкой¹⁾ (теперь дом МОСПО, № 47), но в 1839 г. он значится живущим на казенной квартире при архиве в Колпачном переулке (теперь ногная типография имени П. И. Чайковского). В какой из этих двух квартир жил он в 1836 г., нет сведений. Известный археолог и основатель Чертковской библиотеки, легшей в основу книжных богатств Исторического музея, А. Д. Чертков, женатый на графине Е. Г. Чернышевой, сестре декабриста и А. Г. Муравьевой, жил в своем доме на Мясницкой (теперь дом 5). Через несколько дней Пушкин писал жене: «На днях звал меня обедать Чертков. Приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно». Где жил кн. Ф. Ф. Гагарин брат В. Ф. Вяземской, неизвестно; в 1839 г. его квартира была на Б. Дмитровке, в доме Кампиони²⁾ (теперь дом 22). П. Я. Чаадаев в это время жил вероятно уже на своей последней квартире в доме Левашовых, на Новой Басманной ул., позднее Шульца (теперь дом 20). В первой половине мая Чаадаев писал Пушкину: «Я ждал тебя, любезный друг, вчера, по слову Нащокина³⁾, а нынче жду по сердцу. Я пробуду до 8 часов вечера дома, а потом поеду к тебе⁴⁾. Продолжали ли Солнцева жить на Остоженке, неизвестно. А. А. Перовский, известный в то время писатель, писавший под псевдонимом Погорельского, побочный сын графа А. К. Разумовского, жил по свидетельству Рамазанова на Тверской, в доме Олсуфьева⁵⁾ (теперь дом 35). Вероятно побывал Пушкин и у А. Н. Раевского (дом его жены Екатерины Петровны, рожденной Киндяковой, был на Б. Дмитровке, теперь дом 4), и у Е. А. Боратынского, с которым несомненно виделся (о доме Боратынского было сказано выше). 15 мая он был у Д. Н. Свербеева, салон которого усердно посещался московской интеллигенцией, будущими западниками и славянофилами⁶⁾ и в этот же день у Пушкина был И. М. Снегирев, описавший это посещение в своем дневнике⁷⁾. Где жил в это время Свербеев, неизвестно, но в «Книге адресов» 1839 г. указан его адрес: Страстной бульвар, дом Загряжского, № 454 (теперь дом 6); возможно, что в 1836 г. он уже жил там.

Кроме перечисленных лиц Пушкин побывал в свой последний приезд у С. П. Шевырева⁸⁾, у которого ужинал в

1) „Рус. архив“, 1901 г., III, стр. 6.

2) „Книга адресов“, II, стр. 70

3) Чаадаев и Нащокин встречались в Английском клубе

4) Пушкин, Переписка, т. III, стр. 315.

5) Материалы для истории художеств в России, I, стр. 185.

6) „Искусство“ 1928 г., № 1—2, стр. 160 (статья В. В. Шапошникова).

7) „Рус. архив“, 1902 г., III, стр. 170.

8) Майков, „Пушкин“, стр. 313.

его доме на Тверской, в Дегтярном переулке (теперь дом 4), и у издателя «Дамского журнала» и стихотворца князя П. И. Шаликова, как можно заключить из его письма к Пушкину с выражением сожаления, что он «поспешил вчера сойти с чердака своего, где бы мог принять бесценного гостя и вместе с ним сойти в гостиную»¹⁾, Шаликов, как видно из объявления в «Московских ведомостях» об издании его журнала, жил на Страстном бульваре в доме университетской типографии (теперь дом 10).

Можно предположить, что Пушкин посещал в это время и артиста М. С. Щепкина. 5 мая он писал жене: «видал я актера Щепкина», а 17 мая Пушкин был, вероятно, у Щепкина, так как до нас дошло начало записок Щепкина, собственноручно написанное Пушкиным 17 мая²⁾. Щепкин жил с 1830 г. до конца 1840 годов в своем доме в монастыре церкви Спаса на Песках (теперь Б. Каретный пер., 16). Невестка Щепкина А. В. Щепкина пишет в своих воспоминаниях: «В Соколове³⁾ встречал М. С. Щепкин нашего славного поэта Пушкина, который бывал там у П. В. Нащокина. Позднее Пушкин посетил несколько раз и дом М. С. Щепкина, чтобы видетъся у него с В. Г. Белинским, которого приглашали тогда принять работу для журнала, в издании которого участвовал Пушкин в Москве»⁴⁾. В показании А. В. Щепкиной есть неточности, но для нас важен только факт посещений Пушкиным дома Щепкина. С Белинским в 1836 г. Пушкину не удалось видетъся, как видно из его письма к Нащокину от 27 мая. Вообще Пушкин вращался в кругах близких к литературе, но московские литераторы произвели на него неприятное впечатление. 14 мая он писал жене: «Слушая толтки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Боратынский, однако, очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу».

Таким образом Пушкин почти каждый день где-нибудь бывал, по крайней мере, первые недели полторы. Поэтому не совсем верны слова Нащокина, сообщаемые П. В. Анненковым, о том, что в последнее пребывание свое в Москве «Пушкин казался домоседом. Целые дни проводил он в кругу домашних своего друга, на диване, с трубкой во рту и прислушивался к простому разговору, в котором дела хозяйственного быта стояли часто на первом плане. Надобны были даже усилия со стороны Нащокина, чтобы заставить

1) М. А. Цявловский, Письма Пушкина и к Пушкину, стр. 32.

2) «Записки и письма М. С. Щепкина». Москва 1864 г., стр. 5.

3) Подмосковная местность.

4) «Рус. архив», 1889 г., т. I, стр. 549.

Пушкина не прерывать своих знакомств и выезжать. Пушкин следовал советам Нащокина неохотно»¹⁾).

Эти слова, может быть, справедливы для последних десяти дней жизни Пушкина в Москве, когда 14 мая он писал жене: «В архивах я был.. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сажу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею... Все зовут меня обедать, а я всем отказываю». Возможно, однако, что у Пушкина были особые причины так писать, которые были бы ясны, если бы в нашем распоряжении были письма Натальи Николаевны.

Архив коллегии иностранных дел, в котором Пушкин занимался, находился в то время в Колпачном переулке, на углу Хохловского переулка (теперь дом 18, нотная типография имени П. И. Чайковского).

18 мая Пушкин написал свое последнее письмо к жене из Москвы, 20-го выехал, а 23-го в полночь был уже у себя дома.

Снова посетить Москву ему уже не было суждено.

---

¹⁾ Анненков, Материалы, стр 209.

Список домов, в которых жил Пушкин в 1826—1836 гг.

Тверская, 26, дом Часовникова, гостиница „Европа“ — сентябрь 1826 г.
Собачья площадка, 12, дом Ренкевич, кв. Соболевского — декабрь 1826 г., — май 1827 г.

Глинищевский пер., 6, дом Обер, гостиница „Север“, потом „Англия“, — декабрь 1828 г., — январь 1829 г., и март — май 1829 г., (может быть), сентябрь — октябрь 1829 г., лето и зима 1830 г., сентябрь — октябрь 1832 г.

Тверская, 28, дом Черткова, гостиница Коппа — март 1830 г.

Улица Станкевича, Чернышевский пер., 9, дом кн. П. А. Вяземского — август 1830 г.

Арбат, 53, дом б. Хитрово, — январь — май 1831 г.

Гагаринский пер., 4, дом Ильинской, кв. Нащокина — декабрь 1831 г.

Улица Герцена (Б. Никитская), 50, дом Гончаровых — август 1833 г. и вероятно в 1834 г.

Остоженка, 18, дом священника, кв. Нащокина — ноябрь 1833 г.

Воротниковский пер., 1², дом Ивановой, кв. Нащокина — май 1836 г.

Список лиц, у которых бывал А. С. Пушкин¹⁾

Арсеньев А. А., сенатор — Мясницкая, 44 (1826 — 1832 гг.).

Батюшков К. Н., поэт — Грузины (1830 г.).

Боратынский Е. А., поэт — Столешников пер. 6, (1826);
улица Станкевича, 6 (1828); Спиридоновка, 14 — 16 (1835 г.).

Брюллов К. П., художник (1836) — Кузнецкий мост, 14, кв. И. П. Витали.

Булгаков А. Я. — Арбат, 20 (1829), Мясницкая, 26 (1833 г.).

Веневитинов Д. В., поэт (1826 г.) — Кривоколенный пер. 4.

Волконская, кн. З. А., поэтесса (1826 — 1829) — Тверская № 40.

Вяземский, кн. П. А., поэт — Б. Садовая, 1 — 9 (1826);

улица Станкевича, 9 (1826 — 1832).

Гагарин, кн. Ф. Ф. (1836) — Больш. Дмитровка, 24 (1839 г.).

Гагарина, кн. Е. С. (Семенова), артистка — Зубовский бульвар, 27.

Голицын, кн. В. С. (1830 г.) — Новослободская, 54 (1836 г.).

Гончаровы — улица Герцена, 50.

Давыдов Д. В., поэт — Арбат, 25 (1826); Смоленский бульвар, 41 (1831); улица Кропоткина, 17 (1835).

¹⁾ Иногда указываются позднейшие адреса (после 1836 г.) в предположении, что данное лицо могло поселиться на квартире еще при жизни Пушкина.

- Дмитриев И. И.**, баснописец (1826 — 1836 гг.) — Спиридоновка, 17.
- Долгорукова, кн. Е. А.** (1830 — 1831 гг.) — улица Герцена, 54.
- Елагина А. П.** — Хоромный тупик, 4.
- Жихарев С. П.** — Кречетниковский пер., 13 (1826); Новинский бульвар, 99 (1826 — 1832 гг.).
- Загоскин М. Н.**, писатель (1830) — Гагаринский пер., 29 — 31.
- Зубков В. П.** — М. Никитская, 12 (1826); Карманниковский пер. (б. Б. Толстовский), 12 (1830).
- Киреевский И. В.** (1833) — Хоромный тупик, 4.
- Киселев С. Д.** (1828) — Никитский бульвар, 8 (1826); ул., Воровского 27 (1830 г.); Собачья площадка, 12 (1839 г.).
- Малиновский А. Ф.**, директор Архива коллегии иностранных дел (1836) — Мясницкая, 47. (1829 г.) Колпачный п., 18 (1839).
- Мальцов С. С.**, — Варсонофьевский пер., 7.
- Мицкевич А.**, поэт (1826 — 1827) — Покровский бульвар, дом Яковлевой; Гороховое поле, д. гр. Разумовского.
- Муравьева А. Г.**, жена декабриста (1827) — Самотечная Садовая, 12.
- Мухановы А. и В. А. и П. А.** (1826 — 1827) — Остоженка, 7.
- Нащокин П. В.** (1826 — 1836 гг.) — Б. Николо-Песковский пер., 5. (1831 г.); Гагаринский пер. 4 (1831 — 1832 гг.), Остоженка, 16 (1833), Боротниковский пер., 12 (1836 г.).
- Окулов М. А.**, директор гимназии (1836 г.) — Волхонка, 16 или 18.
- Орлов М. Ф.** (1831 — 1836) — М. Дмитровка, 12 (1834 г.); Кудринская Садовая, 13 (1834 г.); Б. Николо-Песковский пер., 15 (1838 г.).
- Перовский А. А.**, писатель (1836 г.) — Тверская, 35.
- Погодин М. П.** (1826 — 1833) — Земляной Вал, 15 (1820-ые годы); Мясницкая, 8 (1830 — 1836 гг.); Погодинская, 12 (с весны 1836 г.).
- Полевой Н. А.** (1826 — 1827 гг.) — 1 Мещанская, 29.
- Пушкин В. Л.**, поэт (1826 — 1830 гг.) — Марксова улица, 36 (1825 г.), 28 (дом А. Л. Пушкиной).
- Раевский А. Н.** (1834 — 1836 гг.) — Б. Дмитровка, 4.
- Римская-Корсакова М. И.** (1826 — 1829 гг.) — Страстная площадь, 3.
- Римский-Корсаков И. Н.** (1830 — 1831 гг.) — Тверской бульвар, 24 — 26, Божedomский пер. 11 — 15.
- Салтыков М. А.**, сенатор (1831 г.) — Мясницкая, 9 (1833 г.).
- Свербеев Д. Н.** (1836 г.) — Страстной бульвар, 6 (1839 г.).
- Снегирев И. М.**, проф., цензор, историк (1826 — 1836 гг.) — Троицкая ул., 19.
- Соболевский С. А.** (1826 — 1833 гг.) — Собачья площадка, 12 (1826 — 1827 гг.); Хоромный тупик, 4 (1833 г.).
- Солицевы Е. Л. и М. М.** (1826 — 1836 гг.) — Остоженка, 5 (1826 — 1827 гг.).
- Сольдан (Сольдейн) В. Я.** — Улица Кропоткина, 17 (1837 г.).
- Судненко М. О.** (1833 г.).
- Татьяна Демьяновна (Таня)**, цыганка (1830 — 1831 гг.) — Бол. Садовая, 13 — 17.
- Толстой гр. Ф. И.** (Американец) (1826 — 1836 г.) — Сивцев Вражек, 26 (1826 — 1832 гг.); гостинница Коппа (1836 г.).

- Тропинин В. А. Волхонка, 9 — 11 (1826 — 1827 гг.).
 Трубецкие, кн. Усачева улица, 1 (1826 г.).
 Уваров С. С., товарищ министра народного просвещения.
 Урусовы, кн. (1827 г.) — Кудринская Садовая, 26.
 Ушаковы (1826 — 1830 гг.) — Средняя Пресня, 16.
 Хомяков А. С., поэт — Петровка, 3.
 Чаадаев П. Я. (1826 — 1836 гг.) — Столешников пер., 15 (1831 г.);
 Новая Басманная, 20.
 Чертков А. Д. (1836 г.) — Мясницкая, 5.
 Шаликов кн. П. И. журналист (1836 г.) — Страстной бульвар, 10.
 Шевырев С. П., проф. (1836 г.) — Дегтярный пер. 4.
 Шульгин Д. И., обер-полицеймейстер (1827 г.) — Б. Дмитровка, 15.
 Щепкин М. С., артист (1836 г.) — Б. Каретный пер. 16.
 Щербинина А. М. (1831 г.) — Знаменка, 14 (1826 г.).
 Юсупов Н. Б., кн. — Харитоньевский пер.
 Языков Н. М., поэт — (1830 г.) — Хоромный тулик, 4.

Общественные места, где бывал Пушкин

- Английский клуб — Б. Дмитровка, 11 (1827 — 1829 гг.), Тверская, 59.
 (1831 г.)
 Архив Коллегии иностранных дел — Колпачный пер. 18.
 Аукцион коллекций А. С. Власова — Маросейка, 2.
 Бани Лепехинские, у Смоленского рынка.
 Благородное собрание. (1827 — 1830 гг.).
 Большой театр.
 Глазовский трактир — улица Фридриха Адлера, 27, угол Тишинской
 площади.
 Гулянья: под Девичьим (1826 г.)
 в Марьиной роще (1827 г.).
 под Новинским.
 Итальянская опера в доме Апраксина (1827 г.) Знаменка, 19.
 Малый театр (1832 г.).
 Нескучный сад (1830 г.).
 Тверской бульвар.
 Университет (старое здание) (1832 г.) — Моховая, 9.
 Университетская книжная лавка А. С. Ширяева — Страстной буль-
 вар, 10.

„Пушкинские“ дома, сохранившиеся в Москве до нашего времени

Если совсем не сохранились те дома, в каких А. С. Пушкин провел в Москве свои детские годы¹⁾, то очень большое количество домов, в которых или проживал или бывал Пушкин, будучи уже взрослым, сохранились, хотя по большей части не в том виде, какой они имели при Пушкине. К числу последних прежде всего нужно отнести дом 53 на Арбате, в котором Пушкин нанял себе квартиру (6 декабря 1830 г.) перед своей свадьбой и в котором он прожил с женою до мая 1831 г.

Этот каменный дом, построенный около 1816 г., принадлежал вдове чиновника Хитрова, имел (и имеет) два этажа, а кроме того подвалы и антресоли. Длина его по улице — $12\frac{1}{2}$ сажений, ширина 5 сажений. Он имел повидимому первоначально ампирный облик, строгая простота стен декорировалась в центральной части фасада четырьмя или шестью колоннами, снятыми в 1859 г. владельцем дома Борегаром, удлинившим окна дома на 8 вершков. В 1879 г. новый владелец, купец Патрикеев, заново општукатурил дом и сделал в нижнем этаже по улице вместо трех окон две двери, заложив калитку близ дома. В это же время, вероятно, произведена была и отделка комнат второго этажа, где собственно и была квартира Пушкина, — лепною работою по карнизам потолков и лепными кругами для люстр на потолках. Он же, повидимому, устроил мраморные подоконники и паркетный пол. От старой квартиры Пушкина таким образом осталось немногое: это именно двустворчатые двери с своеобразным рисунком своих филенок, вогнутые полукруглые высокие — почти до потолка, печи, имеющие изразцы без поливы, окрашенные под цвет комнат клеевой краской, и наконец на лестнице два окна со старыми переплетами из восьми стекол, согласно стилю ампир неимеющие наличников.

¹⁾ Сохранился только в значительно расширенном виде дом Юсупова № 22 по В. Харитоньевскому переулку — впоследствии (Рабочный дом), где Пушкин с родителями жил в 1802 г.

После революции владельцы квартиры разгородили большую залу на отдельные комнаты, а до того времени в квартире было всего пять комнат: зала, гостиная и еще три комнаты. Печи отапливались из коридора.

Кн. П. П. Вяземский в своей книжке о Пушкине, на свадьбе которого он присутствовал будучи мальчиком, говорит, что в этом доме у Пушкина была «щегольская уютная гостиная, оклеенная диковинными обоями под лиловый бархат, с рельефными набивными цветками». Но домашняя обстановка в квартире Пушкина была далеко не блистательна. Поэт Туманский, обедавший раз у Пушкина на Арбате, отметил в своих записках: «у Натальи Николаевны нет опрятности и порядка — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды...» Только в «званные» вечера квартира Пушкиных и обстановка прикрашивались, и московский почтдиректор А. Я. Булгаков в одном из своих писем к брату (от 28 февраля 1831 г.) писал: «Пушкин славный вчера (через 9 дней после своей свадьбы) задал бал. И он и она (Наталья Николаевна) прекрасно угощали гостей своих... Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство...».

В свои приезды в Москву Пушкин большей частью жил в квартирах своих друзей — Соболевского и Нащокина. О доме на Собачьей площадке, который занимал Соболевский, сказано уже в статье Н. П. Чулкова. Что касается дома Ивановой, в котором довольно долго жил у Нащокина Пушкин, то об этом доме известно следующее. Этот дом в 30-х годах XIX в. принадлежал губернской секретарше Аграфене Ивановой и был построен в первой четверти этого столетия. В настоящее время он (дом 12 по Ворониковскому переулку) представляет собою двухэтажное каменное здание с подвальным этажом, но в 30-х годах XIX столетия дом Ивановой был одноэтажный каменный с деревянным «третним» мезонином, и также с подвальным помещением. В 1838 г. мезонин на среднем доме был заменен целым этажом (деревянным), и в таком виде этот дом сохранился и до настоящего времени. Нужно заметить, что в 30-х годах Аграфене Ивановой принадлежали также на том же участке еще два дома — один налево, выходящий на Садовую, и другой направо, но, как определенно указывал умерший недавно сын Нащокина, последний имел квартиру именно в том доме, какой описан выше.

Из домов, где помещались гостиницы, в которых оставивался Пушкин на краткое время, хорошо сохранился только дом 6 по Плиницевскому переулку. Этот дом существовал еще до нашествия французов и принадлежал жене фабриканта, известной Обер-Шальме, которая имела здесь

модную гостиницу и богатый магазин предметов роскоши. В 1818 г. этот дом значился за иностранцем Н. И. Обер, с 1830 до 1836 гг. — за его сыном Л. Н. Обер. В 1825 г. и следующих годах — дом этот снимал купец Кошп, который содержал здесь гостиницу «Север», в которой и останавливался Пушкин. Дом этот при Пушкине был двухэтажный с двумя дверями в самом центре, впоследствии уничтоженными. При Пушкине не было также и окон на улицу из подвального этажа. Внутри дом переделан, хотя деревянная дубовая лестница во второй этаж повидимому старинная.

Из домов, в которых бывал А. С. Пушкин, некоторые сохранились очень хорошо. Таков прежде всего дом генерал-майора И. Н. Римского-Корсакова (на Тверском бульваре, 24), с белокаменными деталями цоколей, капителей пилястр и баз на фоне кирпичной кладки, характерной для домов XVIII в. Дом этот имеет два этажа. В нем сохранились дубовые двери с интересной резьбой и чугунная лестница с классическими орнаментами на плитье, но перила ее уничтожены и заменены новыми, вероятно, в 70-х годах XIX в. Во втором этаже также сохранилась старинная дверь с четкими филёнками начала XIX в. Сохранились также, хотя в запущенном виде, конюшни на дворе с круглыми окнами и штукатуренными пилястрами. На плане 1826 г. владения Римского-Корсакова значились под номерами 269 и 270, застроенная площадь которых простиралась на 1275 сажень, а незастроенная — на 770.

Далее следует отметить дом М. И. Римской-Корсаковой на Страстной площади, где теперь помещается Коммунистический университет трудящихся Востока. Общий вид этого дома сохранился таким, каким был в 20-х годах XIX в., но в фасаде его сделаны некоторые изменения. Нет находящихся над входными дверями углублений с двумя вазами в каждом и барьером, не сохранился также и герб, существовавший на фронтоне дома. На дворе также произведены перестройки. В главном доме всего числится в 1826 г. 522 кв. саж. жилой площади. Комнаты в доме повидимому давно уже переделаны, и огромная лестница едва ли относится ко времени 20—30-х годов XIX в.

От великолепного дома Белосельской-Белозерской (Тверская, 40), кроме стен и фундамента ничего не сохранилось. В 1821 г. в самом центре фасада имелись еще проездные во двор ворота, но уже на плане 1832 г. этих ворот нет и вместо них имеются только входные двери повидимому с тамбуром. В 1855 г. в доме произведены были как по фасаду, так и внутри, некоторые изменения, а особенно изменился фасад и внутреннее расположение комнат в 1874 г. В это время, кроме главного входа, появились и другие двери в первом этаже. Затем были переделки в 1890 и в 1898 гг.,

при чем последняя переделка, произведенная по плану архитектора Барановского, была, можно сказать, полной внутренней перестройкой дома. В 1915 г. вход справа был превращен в окно и осталось только два входа — главный и боковой — слева. Каменный портик (выступ) у дома с колоннами был уничтожен еще в 70-х годах XIX в.

Два дома кн. Вяземского в Чернышевском переулке (№ 9) сохранились, но главный дом, в котором было в двух этажах 144 кв. саж. жилой площади, в конце XIX в. потерпел значительные изменения во внутреннем расположении комнат и кроме того над ним надстроен третий этаж и сделана пристройка по задней стене. Дом Станкевича в том же переулке (№ 6) сохранился, но наружная штукатурная обработка его относится к 60—70-м годам XIX в.

Дом Олсуфьева на Тверской (№ 35) сохранился, но в 1868 г. фасад его был изменен: увеличено было число окон и дверей и застроен был проход, существовавший посредине владения, благодаря которому здесь собственно имелись два дома. Кроме того часть дома, выходящая на Тверскую и в Гнездиновский пер., была увеличена надстройкой Дом Елагиной или, как в шутку называли его, Красноворотская республика (у Красных ворот, Хоромный тупик, быв. Трехсвятителей пер., 4), также сохранился, хотя с некоторыми изменениями. Сохранились также дома: Веневитинова (Кривоколенный пер., 4), В. П. Тургеневои (Самотечная Садовая, 12) — последний сохранил также частью старинную отделку потолка вестибюля, внутренних дверей в первом этаже и полуротонду с коринфскими колоннами и еще полуротонду с каратидами во втором этаже; — проф И. М. Снегирева (Троицкая улица, 11) небольшой деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте, очень ветхий, Н. М. Арсеньевой (по Мясницкой, 44). Последний дом как был при Пушкине, так и остался двухэтажный, но фасад его в 1866 г. был владельцем его фон-Мекком отделан по-новому. Изменен также и дом Ланской (Камергерский пер., 3, теперь I МХТ), где жили Арсеньевы в 1825 г. Именно уничтожен палисадник, который расположен был в 1830 г. по всему фасаду и справа шел с улицы внутрь двора (а отчасти заходил во двор и слева), расширены окна и двери входов.

Дом С. С. Адраксина (на Знаменке, 19) также сохранился. Театр или «театральная дирекция», как значится на плане 1817 г., занимал весь второй этаж правой стороны дома до самой глубины двора. Подъезд в театр был с проезжего переулка, который шел с правой стороны дома и потом был уничтожен. Дом А. Ф. Малиновского (Мясницкая, 47) — двухэтажный с антресолями на дворе сохранился, но все же с изменениями: уничтожены два входа по фасаду дома и у фронтона прибавлены скульптурные украшения, каких не

было в 1827 г. Уничтожен также сад, тянувшийся по правую сторону дома с улицы вглубь владения. Дом б. Российского благородного собрания сохранился почти в том же виде, в каком он существовал при Пушкине (Дом союзов в Охотном ряду), но внутри он был после переделан, а в начале XX в. надстроен третий этаж, в связи с чем изменился фасад дома. Дом Английского клуба на Тверской (собственно дом графини М. Г. Разумовской, № 59, а с 1834 г. — кн. Н. Г. Вяземского) также сохранился. Сохранились дома старого университета и архива министерства иностранных дел (Колпачный пер., 9), двухэтажный деревянный оштукатуренный дом Борагынского (на Спиридоновке, 16 и 14), дом графини Головкиной (Никитский бульвар, 8), дом М. С. Щепкина (Б. Спасский пер., 16), дом Черткова (Мясницкая, 5). Впрочем последний по фасаду значительно переделан, да и самый фасад у него загорожен позднейшей пристройкой. Дом проф. Шевырева (Дегтярный пер., 4) был деревянный, но потом был обложен изразцами и благодаря этому сохранился. Но сады, лежавшие по обеим сторонам дома, уничтожены.

Сохранился, хотя и в сильно переделанном виде (он перестраивался более 12 раз), дом Шаванна, в котором помещался ресторан Яра с 1826 г. (№ 9 на углу Кузнецкого моста и Неглинного проезда). Сохранились дома: Бибииковой на Пречистенке (№ 17), где жила генеральша Сольдан, дом Мальцева на Девичьем поле (№ 2) — впрочем, в значительно измененном виде, дом Терского в Кречетниковском переулке (№ 13), здания 1-й гимназии, дом Соковнина на М. Никитской (№ 12), дом кн. Трубецкого на Покровке (№ 22), дом университетской типографии на Страстном бульваре (№ 10), кн. Урусова на Спиридоновке (№ 40) — впереди его стоит дом, построенный в конце XIX в., дом Ушаковых на Средней Пресне (№ 16), очень хорошо сохранившийся, дом гр. Шереметьева (ул. Воровского, 27), где жил С. Д. Киселев, и дом ген. Черткова на Советской площади (Тверская, 28); к последнему прибавлено три этажа в средней части, выходящей на площадь; при Пушкине же эта часть дома имела только один этаж, боковая же, на Тверскую улицу, — три, и часть рядом с церковью Космы и Дамиана — два этажа.

Примечание. Дома, в большинстве случаев, осматривались Н. П. Розановым вместе с архитектором П. С. Касаткиным.